
НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

А.А. Ковалев

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В ЭПОХУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

Монография

Москва
РИОР

УДК 321
ББК 66.2
К56

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Авторы:

Ковалев А.А. — канд. полит. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Рецензенты:

Бочарников И.В. — д-р полит. наук, профессор кафедры информационной аналитики и политических технологий Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса (Москва);

Радиков И.В. — д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики Санкт-Петербургского государственного университета

Ковалев А.А.

К56 Современные проблемы безопасности России в эпоху цивилизационного противостояния : монография / А.А. Ковалев. — Москва : РИОР, 2019. — 204 с. — (Научная мысль). — DOI: <https://doi.org/10.29039/02017-3>

ISBN 978-5-369-02017-3

В настоящем издании собраны статьи, опубликованные автором в различных научных изданиях на протяжении нескольких лет. Все материалы, вошедшие в книгу, объединяет одна тема: исследование вопросов обеспечения целостной безопасности России как уникального цивилизационного явления. Безопасность рассматривается как целый комплекс социальных отношений и интенций, комплексная реализация которых позволит не только сохранить мир на земле в целом, но и укрепить национально-государственные устои уникальных цивилизационных общностей, которые оказались расшатанными под агрессивным давлением североамериканского варианта Западной цивилизации.

**УДК 321
ББК 66.2**

ISBN 978-5-369-02017-3

© Ковалев А.А.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы со стороны философов, политологов, социологов, экономистов и других ученых-обществоведов наблюдается повышенный исследовательский интерес к проблемам обеспечения комплексной безопасности. Создаются новые политологические концепты, призванные максимально широко учитывать различные аспекты безопасности. Возникают новые трактовки этого понятия, причем активизируются попытки определить безопасность всесторонне — как на индивидуальном, так и на социальном, а порой и на глобальном, цивилизационном уровне. Эта задача становится особенно актуальной в наше непростое время, когда под угрозой оказались сами основания существования человечества как единой и уникальной общности.

Создание однополярного мира после распада Советского Союза привело к обострению цивилизационных противоречий, и современная ситуация угрожает перерасти в масштабный конфликт. Поэтому безопасность во времена цивилизационного противостояния включает в себя экономические, политические, культурные и иные аспекты. Это — целый комплекс социальных отношений и интенций, комплексная реализация которых позволит не только сохранить мир на земле в целом, но и укрепить национально-государственные устои уникальных цивилизационных общностей, которые оказались расшатанными под агрессивным давлением североамериканского варианта Западной цивилизации. Этот вариант, как показывает нам история последних десятилетий, отнюдь не является самым совершенным, и именно настойчивые попытки его фетишизации и грубого силового навязывания приводят к уничтожению существующей системы международной безопасности.

Современное целостное научное знание о безопасности включает определенные представления об этом феномене в рамках технических, юридических, военных, политических, социальных наук, находящихся в теснейшей взаимной связи.

Усилия ученых концентрируются, в частности, для сохранения и дальнейшего развития системы базисных ценностей общества — как на структурном, так и функциональном уровнях. После окончания Второй мировой войны сложилась комплексная система обеспечения международной безопасности, в создании которой неопределима роль Организации Объединенных Наций. Именно эта

организация, ведущую роль в деятельности которой сыграли великие державы, смогла преодолеть многие опасности, связанные с противостоянием двух общественно-политических систем. Это противостояние выразилось, прежде всего, в холодной войне, которая велась между СССР как ведущей державой мировой системы социализма, и США, принявших на себя роль защитника западной цивилизации, отстаивающей капитализм и ценности либеральной демократии.

После исчезновения в карты мира Советского Союза изменился и политологический инструментарий, используемый для создания разнообразных концепций безопасности. Так, с конца XX столетия проблемы безопасности начали рассматривать в контексте основных постулатов теории нелинейных процессов и теории хаоса, а также синергетической терминологии. В конечном итоге это способствует пониманию спонтанности и непредсказуемости характера и направленности возможных опасностей. Как теоретики, так и политические практики приходят к осознанию тесного взаимодействия сложных процессов социальной и природной самоорганизации реальных объектов окружающего мира.

Синергетический характер безопасности заключается в том, что как национальная, так и международная безопасность предполагает объединение и взаимодействие как целостной системы всех институтов политической, экономической, социальной и гуманитарной сфер жизнедеятельности человека, общества, государства, а в некоторых случаях и международных институтов. Это позволяет создать желанный системный эффект устойчивого общественного развития.

Предлагаемая вниманию читателя книга состоит из исследовательских работ, рассматривающих различные аспекты безопасности как сложного целостного явления современной политической и социокультурной реальности. Автор рассматривает теоретические, исторические, логические, экономические аспекты безопасности, являющейся для нашей страны проблемой особой важности. С самого начала существования русского многонационального государства как формы социально-политического бытия Русского мира огромные богатства нашей Родины служили предметом зависти для самых разнообразных агрессоров. Это до предела актуализировало проблемы различных аспектов безопасности.

Киевская Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз являлись историческими формами уникальной русской цивилизации — Русского мира, постепенно включавшего в свою орбиту все новые и новые территории и культурные пространства. Современная Россия за последние годы обнаруживает все признаки духовного возрождения, что не может не вызывать недовольства ее противников и роста цивилизационного противостояния. Многие проблемы современности коренятся в прошлом, без кото-

рого нет и будущего. Поэтому в этой книге мы неизбежно коснемся истории обеспечения безопасности в нашей стране.

Современные представления о безопасности человека, общества, государства в целом основываются, прежде всего, на том обстоятельстве, что это достаточно сложное социально-политическое явление. Поэтому в этом сборнике мы обратимся к различным актуальным аспектам проблемы целостной безопасности. Мы рассмотрим влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации и воздействие процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности. Вниманию читателя будет предложено рассмотрение информационного компонента в обеспечении военной безопасности, становящегося с каждым годом все более и более важным.

Мы проанализируем варианты формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния. Не будут обойдены нашим вниманием аспекты военной безопасности как проблемы философии политики, актуальные вопросы геополитического имиджа военного статуса России и положения гражданского общества России в эпоху противостояния цивилизаций и многие другие вопросы.

Таким образом, в книге акцентируется внимание на теоретических, концептуальных и организационно-правовых основах обеспечения национальной безопасности, учет которых в практической плоскости позволит существенно повысить эффективность разработки и внедрения государственной политики по этому вопросу и механизмов ее реализации, более активно и оперативно реагировать на угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Автор с благодарностью воспримет замечания и предложения читателей, которые будут способствовать дальнейшему комплексному исследованию проблемы обеспечения национальной безопасности. Объединив все свои изыскания последних лет в одной книге, автор надеется найти отклик у заинтересованного в данной проблеме читателя.

АНАЛИЗ ВАРИАНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ*

Современная система международной безопасности — это сложное и противоречивое структурное образование. Данная система складывалась на протяжении ряда лет после окончания Второй мировой войны на основе нескольких базовых концептуальных идей и интенций, из которых главной была идея мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем, а главной интенцией было стремление предотвратить новый мировой пожар. Система международной безопасности призвана обеспечить предотвращение и отражение многочисленных угроз, возникающих как на социальном, так и на индивидуальном уровне. В идеале общество не может быть признано безопасным, если каждый его член не чувствует себя в безопасности. При этом важную роль играет системность в региональном и надгосударственном подходах к формированию системы международной безопасности и контролю над ее функционированием.

В настоящей статье мы рассмотрим основные варианты формирования системы международной безопасности в русле развития авторской концепции противостояния цивилизаций [1]. Эта цель конкретизируется в решении следующих задач: 1) выявлении основных противоречий, приведших к современному противостоянию цивилизаций; 2) рассмотрении знаковых исторических этапов формирования современных международных отношений и системы международной безопасности; 3) демонстрации влияния основных геополитических стратегий на формирование и функционирование системы международной безопасности; 4) определении наиболее приемлемой стратегии формирования системы международной безопасности.

Различные аспекты проблемы создания и формирования системы международной безопасности в последнее время исследовались Д.Г. Балуевым, А.Г. Дугиным¹, А.Ф. Зульхарнеевым², А.М. Ибрагимовым [2] и другими учеными.

* Ковалев А.А. Анализ вариантов формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 12. — С. 2349–2362.

¹ Дугин А.Г. Теория многополярного мира: учеб. пособие. Плюриверсум. — М.: Академический проект, 2015. — 360 с.

² Зульхарнеев А.Ф. Глобальная безопасность в эпоху серфингистов // Индекс безопасности. — 2016. — Т. 22. — № 3-4. — С. 7–12.

Глобализация протекает по рецептам США уже третий десяток лет. Некоторые отечественные ученые, такие как П.А. Горохов, А.Г. Дугин¹, С.Г. Кара-Мурза [4], оценивают проходящую под эгидой США глобализацию как третью мировую войну. И в этих оценках есть зерно истины. Вот что пишет П.А. Горохов: «Глобализация — всеохватывающий, многоаспектный процесс насильственного превращения мира в целостную и унифицированную по западным стандартам систему. Главными режиссерами этого процесса являются сильные мира сего, объединившиеся в элитарные клубы, постепенно принявшие на себя роль мирового правительства» [3].

Причем схожие оценки глобализации как процесса, направленного на уничтожение культурных и экономических границ и способного привести к необратимой социокультурной аннигиляции европейской культуры и перевороту во всей системе международных отношений, высказывают и некоторые западные политологи [5–8]. Вот что пишет, например, Ф. Шиммельфенниг: «После окончания Второй мировой войны именно США в качестве единственного экономически выигравшего от мировой бойни крупного государства стали играть роль главного архитектора Западного мира и превратились в сверхдержаву, возглавившую противостояние коммунистическому блоку. После идеологического поражения коммунизма и распада СССР США, оказавшись на вершине мирового политического Олимпа, стали перестраивать Европу по своему образу и подобию, в том числе и погавшие под их безоговорочное влияние бывшие страны Варшавского договора. Глобализация — дитя холодной войны и поражения мирового социалистического лагеря в этой войне» [7].

Ныне вполне закономерно в мире происходит и будет происходить укрупнение противоборствующих сторон. Возможные столкновения между ними, угрожающие международной безопасности в ближайшем будущем, будут, на наш взгляд, определяться двумя ведущими факторами. Первый фактор — цивилизационные противоречия, источники которых детерминируются всей человеческой историей и культурой. Эти противоречия затрагивают мораль, язык, религию, обычаи, в целом — все социальные институты, формирующие субъективную самоидентификацию людей. Второй фактор — чреватые возможным военным столкновением последствия, возникшие вследствие укрупнения цивилизационных конгломератов, а следовательно, усиления военной мощи входящих в них государств.

Современная международная ситуация по своему накалу и совокупности неразрешенных противоречий во многом напоминает времена холодной войны. Традиционно отсчет холодной войны ведется со знаменитой речи У. Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г.,

¹ Дугин А.Г. Теория многополярного мира: учеб. пособие. Плюриверсум. — М.: Академический проект, 2015. — 360 с.

когда он призвал к созданию союза англоязычных народов, направленного против складывающейся мировой системы социализма. Но если в эпоху холодной войны налицо было идеологическое противостояние двух общественно-политических систем, то в переживаемую эпоху человечеством современно-политическое противостояние цивилизаций [1], и система международной безопасности должна если не разрешить эти противоречия, то хотя бы свести их к минимуму. И, разумеется, *sine qua non* современной международной политики заключается в неременном осознании и сбалансированном учете этих противоречий.

В своих работах мы уже исследовали цивилизационные противоречия, способные на начало XXI столетия привести человечество к третьей мировой войне и непосредственно угрожающие системе мировой безопасности. Был также проведен обзор основных исследовательских подходов к сущности и классификации цивилизаций современности: западная цивилизация, «русский мир», китайская цивилизация, исламский мир и другие цивилизационные конгломераты [1].

Обратимся к цивилизационным противоречиям. Во-первых, это противоречия между интересами становящейся все более независимой Россией и странами Европейского союза, которые перманентно подчиняются диктату США и теряют самостоятельность — как во внутренней, так и во внешней политике. Этот тезис доказывается в том числе и слепым следованием со стороны стран Европейского союза политике санкций против России, инспирированной США.

От санкций против России страдают экономически развитые государства Евросоюза, прежде всего Германия, с которой у нашей страны всегда были традиционно развиты социально-экономические и культурные связи. Но федеральный канцлер А. Меркель демонстрирует полную зависимость от внешнеполитического курса США, поэтому стремится выстраивать собственную систему безопасности с оглядкой на заокеанского «большого брата». Между тем внутренние проблемы Германии растут и множатся, и среди них важнейшей следует назвать вышедшую из-под контроля миграцию в страну необразованной арабо-африканской массы, настроенной агрессивно по отношению к традиционным европейским духовно-культурным ценностям. Видимо, Меркель опасается образованного немецкого электората, настроенного по отношению к России благожелательно, и стремится разбавить его бездуховным плебсом, не осознавая страшной опасности, грозящей вследствие этого самой Германии.

Во-вторых, это противоречия между утратившей статус сверхдержавы Россией и Соединенными Штатами Америки, этим статусом еще обладающими, что было признано и Президентом В.В. Путиным на Петербургском международном экономическом форуме в последние дни пребывания Б. Обамы в качестве лидера США. На наш взгляд, первые лица этой страны в целом очень болезненно

относятся к любым тенденциям к восстановлению исторической справедливости и стремлению России вернуть утраченные вследствие распада СССР территории.

В-третьих, отмеченные противоречия теснейшим образом связаны с противоречиями между США и развитыми странами Европы, с одной стороны, и со всем остальным миром, включая Россию — с другой. Эта группа противоречий — самая обширная. После образования однополярного мира в результате распада СССР у США и их союзников главным стремлением стало сохранить свое превосходство. И это в то время, когда большинство стран земного шара хотят установить относительно справедливое распределение плодов человеческой деятельности, при котором принимались бы в расчет интересы всех цивилизованных стран. В современную эпоху цивилизационного противостояния повторяется та же самая логика взаимоотношений между метрополией и колониями, которая издавна известна во всемирной истории. Достаточно вспомнить события последнего века истории Римской империи.

Ныне США, являясь порождением некогда могучей и пассионарной европейской цивилизации, диктуют правила политической игры Европе, утратившей жизненную силу и ставшей анемичной, толерантной и политкорректной. На протяжении истории всего XX столетия США трансформировали и деформировали традиционные европейские ценности. Демон политкорректности ныне полностью нивелировал такие ценности, как брак, семья, отечество, любовь, совесть, культура. И этот процесс продолжается в современную эпоху. А кризисная социокультурная ситуация в европейских странах самым непосредственным образом влияет на систему международной безопасности.

Современная система международной безопасности испытывает сильное влияние экзистенциальных противоречий между цивилизациями, которые могут привести к большой и, видимо, последней войне в истории человечества. Противостояние цивилизаций уже приобрело характер эволюционной войны, то есть войны нового типа — не просто за передел мира, территориальные приобретения, за экономическое господство. Если новая мировая война разразится, то это будет война за путь грядущей социальной и политической эволюции человечества, которая приведет к ядерному апокалипсису. Именно поэтому система международной безопасности в современную эпоху призвана прежде всего предотвратить гибель человечества и разрешить цивилизационные противоречия мирным путем.

Рассмотрим некоторые исторические вехи формирования современных международных отношений и системы международной безопасности. Было бы интересным в более обстоятельном исследовании рассмотреть основы и общие векторы развития наиболее

знаковых моментов формирования системы международной безопасности в логико-историческом аспекте. Здесь отметим лишь, что основы этой системы стали закладываться еще во второй половине XIX столетия (Парижский мирный договор 1856 г., Сайгонский договор 1862 г., Франкфуртский мир 1871 г., Сан-Стефанский мир 1878 г., Константинопольский мир 1897 г.).

В начале XX в. большинство образованных людей верило, что наступающее столетие будет веком мира, прогресса и процветания. И лишь самые прозорливые политики смогли предвидеть грядущие мировые пожары, ибо видели всю сложность и груз нерешенных противоречий, висевших дамокловым мечом над европейскими странами. Но войны вспыхивали, бушевали, проливались потоки крови, а после завершения всемирных битв закономерно возникала идея обезопасить не просто отдельные страны, а все человечество от возможного повторения мирового пожара. Так появились международные организации, призванные предотвращать мировые войны. Так, к примеру, Первая мировая война 1914–1918 гг. создала предпосылки для образования Лиги Наций, а Вторая мировая война (1939–1945 гг.) послужила толчком для создания Организации Объединенных Наций.

Огромное влияние на образование международной системы безопасности оказала Великая Октябрьская революция, которая привела к формированию мировой системы социализма и коренным образом изменила карту мира и сферы влияния крупнейших государств.

К сожалению, как показал опыт истории, ни Лига Наций, ни ООН не смогли полностью справиться с задачей создания действенной системы международной безопасности. Время идет, но перманентная угроза всемирной безопасности остается. Локальные войны вспыхивают с печальным постоянством во всех точках земного шара, в том числе и в Европе. Начало XXI в. ознаменовалось резким ростом политических и военных конфликтов. Со всей очевидностью напрашиваются исторические параллели со страшными событиями ушедшего столетия. Именно поэтому сегодняшняя необходимость реформирования существующего мироустройства вполне объективна.

Однако в развитии современной международной ситуации хотелось бы обойтись без военных сценариев, столь характерных для минувших эпох, хотя мы и наблюдаем явную тенденцию возврата современной геополитики в прошлое. Только в отличие от того сценария, когда идея Лиги Наций формировала концепцию мироустройства на базе признания новой роли США и фактического утверждения главенствующего геополитического принципа *раx Anglo-Americana* [9], в сегодняшней попытке провести *upgrade* всей системы международных отношений мы усматриваем стремление вернуть ситуацию в формат *status quo*. За последние четверть века США воплотили столетнюю мечту Великобритании, претворив

в жизнь принцип *рaх Anglo-Americana*. Но Великобритания не торопится сдавать свои позиции и демонстрирует возросшую самостоятельность — как от США, так и от Евросоюза. Именно с этим обстоятельством, на наш взгляд, связан столь стремительный и показательный выход Британии из состава ЕС.

В целом, по мнению большинства исследующих данную проблематику ученых, вопросы обеспечения безопасности в международных отношениях продиктованы прежде всего интересами защиты своих государственных интересов силовыми методами, а вовсе не стремлением к международному сотрудничеству и созданию системы всеобщей безопасности¹ [10–12].

Распад Советского Союза, по словам В.В. Путина, явился крупнейшей геополитической катастрофой современности и напрямую повлиял, причем самым негативным образом, на систему международной безопасности. Если взять модель геостратегии, принятую в Европейском союзе, то ее можно определить двумя базовыми императивами. Первый императив — территориальный, заключающийся в том, что ЕС желает иметь четкую сферу своего влияния и контроля с помощью создания так называемых буферных зон. В течение какого-то времени ЕС пытался оформлять этот вектор своих геополитических намерений через создание межгосударственных союзов на основе принципа суверенного равенства. Сейчас, когда полным ходом идет экономический кризис, а следовательно, ослабла и ресурсная база для поддержания этого амбициозного геополитического проекта, европейские государства перешли к формированию альтернативной стратегии своего политического и экономического влияния — на основе односторонних действий. В частности, это коснулось переноса периметра обороны стран НАТО от своих границ к границам стран российского ближнего зарубежья.

При этом следует заметить, что этот процесс начался задолго до сегодняшних дней — от экономической и геополитической «оккупации» стран бывшего Варшавского договора после распада мировой системы социализма до искусственно созданного и до сих пор поддерживаемого в незатухающем состоянии военно-политического кризиса в Украине. Осуществление этой стратегии происходит путем дестабилизации этих стран для того, чтобы данные государства не смогли по политическим или экономическим соображениям войти в зону влияния других государств или образований. Эта тенденция четко просматривается в выстраивании стратегического оборонного периметра по линиям Калининград — Беларусь — Украина — Приднестровье — Крым — Абхазия — Южная Осетия, а также Кыргызстан — Таджикистан — Казахстан.

¹ *Walt S.M.* What Would a Realist World Have Looked Like? // *Foreign Policy*, 8 January 2016.

Ярким примером данного процесса опять же служат политические маневры Украины, которая, провозгласив себя внеблоковым государством, целенаправленно и динамично обнаруживает свое продвижение в направлении консолидации с Североатлантическим альянсом. В подобной политике двойных стандартов видится явное воплощение заинтересованности ЕС и США, которое проявляется в геополитическом и геоэкономическом поведении данных акторов в формировании и поддержке украинского кризиса.

В результате тотального информационного контроля и воздействия ЕС и США был создан образ вмешательства России во внутренние дела Украины без учета того обстоятельства, что украинский антиконституционный переворот был осуществлен с подачи, политического одобрения и содействия как США, так и ЕС. И был не только одобрен государственный переворот на Украине, но и оказана всесторонняя политическая, экономическая и даже военная поддержка путчистам, что ввергло Украину в состояние гражданской войны и экономического и социального коллапса.

Двойственность политики Запада просматривается в активизации политических действий в период с конца 2013 и по февраль 2014 г. Евросоюз и США способствовали дестабилизации обстановки внутри Украины и силовому смещению легитимной власти в этом государстве, в то время как Российская Федерация заняла нейтральную позицию, предоставляя украинскому народу законное право на самоопределение.

Конкретным примером, подтверждающим миротворческую направленность геополитических устремлений России, является решение «крымского вопроса», когда в результате волеизъявления населения была оказана политическая, экономическая, гуманитарная и социальная поддержка Республике Крым. Стоит отдельно отметить то обстоятельство, что урегулирование данного вопроса прошло без военных и кровопролитных столкновений, в отличие от ситуации, допущенной Киевом при решении вопросов волеизъявления населения на территориях ДНР и ЛНР.

Второй императив стратегии содружества ЕС и США связан с вопросом энергетической безопасности и сопутствующим ему противостоянием Востока и Запада (первый обладает необходимой базой природных ресурсов, а второй крайне зависим от этого фактора). Попытка России уйти от вектора сырьевой ориентации путем модернизации своей энергетической и экономических сфер, а также с помощью политических договоренностей с энергообразующими государствами закончилась введением Западом экономических санкций, направленных против Российской Федерации, под предлогом нерешенности все того же «украинского вопроса». При этом у самого Запада заканчиваются свободные ресурсы для того, чтобы привлекать в интеграционные проекты государства как Восточной Европы, так и постсоветско-

го пространства. Единственным способом не допустить потери контроля над этими пространствами является попытка дестабилизации военно-политической обстановки по периметру «буферных зон».

Третий элемент стратегии формирования системы международной безопасности, подконтрольной влиянию Запада, заключается в активном участии ведущих западных держав в различных региональных кризисах. Эти державы стремятся оказывать все большее влияние в тех регионах, которые являются приоритетными для большинства мировых акторов, прежде всего США и Китая. Ведущие мировые державы стремятся получить инструмент влияния на регулирование стоимости энергоносителей, а также на контроль над другими природными ресурсами. По опыту предыдущих лет установилась четкая зависимость, согласно которой при любой военно-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, происходит рост или падение цен на нефть, в зависимости от цели, которую преследуют геополитические акторы, участвующие в организации данной дестабилизации.

На сегодняшний момент преобладающей в формировании новой геополитической стратегии является линия сторонников жесткой парадигмы, идеологов негативной позиции по отношению к нормализации отношений между РФ и Европейским союзом. Нашей страной делаются попытки установить прагматично консенсусные отношения между Россией и Китаем, но Запад воспринимает данный сценарий как потерю влияния и контроля над Евразийским регионом. Прежде всего это касается позиции Соединенных Штатов и Великобритании.

Отметим, что равным образом настороженно столпы западной цивилизации относятся к дружественным отношениям Китая и Пакистана, существующим с 1951 г. В современную эпоху Китай и мусульманский Пакистан подняли свое партнерство на новый уровень, причем обозначили это такими довольно показательными акциями, как первый совместный военный парад. С другой стороны, в этом сближении двух государств-соседей существуют определенные опасности и для России. Дружба Пекина и Исламабада возбуждает негативные политические эмоции у Индии, с которой у России имеются давние и теплые отношения.

Но ни одна страна в современном мире не вмешивается столь активным образом в дела других суверенных государств, как США. В связи с этим мы полностью согласны с А.А. Куковским, который констатировал, что США в конце XX — начале XXI века в одностороннем порядке, нарушая международные соглашения и договоры, фактически закрепили за собой право брать на себя функциональную роль агрессора по отношению к любому государству, которое находится в зоне их национальных интересов [13]. Печальная судьба Ирака и Ливии, обладавших богатыми нефтяными ресурсами и стремившихся быть независимыми от США, в полной мере подтверждают этот тезис.

Однако такая жесткость в перспективе может обернуться достаточно негативными последствиями для самих США, а именно — привести к накоплению политического, социального и национального негатива. Это спровоцирует окончательную утрату тотального контроля над находящимися под их влиянием территориями. Особенно этот сценарий актуален в связи с дальнейшей невозможностью финансово-кредитной поддержки интересующих США стран докризисными темпами с одновременным переходом на силовые или провокационные способы воздействия и решением своих геополитических и геоэкономических вопросов. К таким провокационным методам ведения современной холодной войны можно отнести как поддержку так называемых «цветных революций», так и тотальную атаку, организованную США и вынужденно поддерживаемую ЕС, против политической позиции и всей экономики России в виде беспрецедентных со времен СССР финансовых и политических санкций.

На сегодня сформировался ряд деструктивных факторов, создающих угрозу национальной безопасности РФ. Прежде всего это внутригосударственная политическая обстановка и социально-экономическая ситуация, проблемность которой во многом вызвана действиями внешних геополитических оппонентов нашей страны [14].

Следует понимать, что активизация продвижения блока НАТО в виде создания и укрепления военных баз по периметру и на территории Евразийского региона, в том числе на территории бывших советских республик, является попыткой воплощения концепции так называемой «теории хаоса». Ее цель — дестабилизация обстановки в интересующих страны альянса регионах с одновременной попыткой не допустить возможности укрепления дружеских паритетных отношений между РФ и другими странами. Иными словами, не только накаляется обстановка в международных и межгосударственных отношениях, но и делаются попытки довести данный геополитический кризис до цивилизационного противостояния в целях дальнейшего вмешательства в любой конфликт на любой территории, безо всякой необходимости соблюдения международных правил, согласований и договоров.

В этом же ключе следует рассматривать и такую угрозу международной безопасности, как терроризм, превратившийся в современную эпоху в геополитического надгосударственного актора. Реализацию разнообразных террористических парадигм можно рассматривать как попытку создания или планомерной поддержки опасного инструмента агрессивной геополитики, способного выполнить задачи по хаотизации ситуации в любой стране и регионе мира.

Прагматика современной геополитики исходит из того, что де-факто идет новая холодная война. Это означает возможность оправдания таких кризисных явлений, как дестабилизация на рынке энер-

горесурсов, расширение военных заказов со стороны абсолютно всех ведущих акторов, общая милитаризация международных отношений, внутренняя мобилизация и ужесточение политического и социального режимов. Это делается, как правило, со ссылкой на существование внешнего врага в лице международного терроризма или отдельно взятых стран: Ирака, Ирана, Северной Кореи или даже РФ.

Так, США во время украинского кризиса на волне экзальтации, мобилизации и манипулирования общественным мнением пытались создать легитимность для любых проявлений искусственно внедряемого хаоса. Такие действия влиятельнейшего геополитического актора привели систему международной безопасности к точке бифуркации, когда возможны как сценарий резкой эскалации международной обстановки (вплоть до начала военных действий в мировом масштабе), так и обратный вариант, когда система международной безопасности будет сбалансирована взвешенным и объективным взаимным принятием новой концепции системы общемировой безопасности, основанной не только на роли главных геополитических акторов, например, в виде проекта некоего ООН-2.

Мирная альтернатива существует всегда. Если у Украины в создавшейся международной обстановке хватит политической воли признать факт законности самоопределения ДНР, ЛНР и Крыма, то это может поставить категорическую точку в попытке Запада расшатать военно-политическую обстановку в регионе постсоветских стран и снять общее геополитическое напряжение, стабилизировав международные отношения путем принятия нового формата системы международных отношений. Тем более что правовой и политический прецедент для этого в современной международной политике уже существует в виде решения югославского конфликта.

Можно сделать вывод, что наиболее приемлемым сценарием на ближайшую перспективу для мирового сообщества в целом и для России в частности является биполярная модель мира с такими осями, как США в виде складывающего свои полномочия мирового гегемона, и союза на прагматичной экономической основе между РФ и наиболее развитыми странами Европейского союза, такими как Германия и Франция. Именно экономика этих стран больше всего страдает от экономических санкций против России и от всеобъемлющего диктата США.

Перспективным представляется и ведущее участие России в цивилизационном евразийском проекте в условиях конкуренции с неолиберальным европейским проектом глобализации, где главную роль играют США. Евразийский ответ Российской Федерации на однополярную систему глобализации мирового сообщества выразился в создании и дальнейшей деятельности ЕАЭС. Государства бывшего СССР, являющиеся ныне соседями и партнерами России,

логикой всей своей исторической судьбы, а не только побуждаемые прагматичными экономическими интересами, должны будут присоединиться к евразийской цивилизационной парадигме. Например, Казахстану для сохранения своей независимости и защищенности от цивилизационной агрессии западной демократии жизненно необходимо присоединение к Евразийскому союзу.

К другому альянсу во главе с КНР также необходимо относиться объективно. С одной стороны, Китай имеет все возможности и ресурсы пойти на конфронтацию с любой из стран мира. С другой — именно эта сильная сторона является и слабым местом КНР. Китай может идти на силовые методы решения вопроса или жестко отстаивать свою политическую позицию, но объективно не способен идти на консенсус. Это скорее государство-одиночка, не способное вступать в паритетные альянсы, и именно поэтому вокруг КНР невозможно объединение стран Востока и Азии. Именно поэтому данный регион следует рассматривать как территорию постоянного риска.

Данная биполярная модель позволила бы вывести современную систему международных отношений из кризиса и преодолеть точку бифуркации в геополитике, не доводя ситуацию до силового способа решения вопроса «кто есть кто» в геополитической иерархии и не монополизировав права на определение геоэкономического сценария развития мирового общества.

На сегодняшнем этапе функционирования международного общества происходит кардинальная смена устоявшихся институтов и парадигм. В глобализирующемся мире эта смена носит масштабный общемировой характер, какими бы ни были приоритеты национальных доктрин в отношении внутреннего или международного развития. В этом смысле трансформация должна пройти по всем существенным точкам: философским, правовым, политическим. При этом надо понимать, что ни одна из доктрин не может дать полноценного ответа, ибо она тяготеет к политической частичности [15].

Так, например, развитие и утверждение такого феномена, как частные военные и охранные компании происходит в мировой политике в силу трансформации силовой составляющей системы международных отношений, которая в контексте теории реализма подразумевала, что «доминирующими процессами на международной арене являются межгосударственные конфликты и войны» [16]. Если раньше предпринимались усилия, направленные на реализацию интересов государств с помощью военных действий и непосредственно на ведение вооруженных действий, то сегодня реалистическая теория претерпевает трансформацию. И силовой аспект, составляющий базовую основу власти, традиционно находящуюся в руках государств, более не является абсолютным и исключительным, поэтому часть государственных силовых функций передается негосударственным структурам.

При этом важно понимать, что процесс приватизации сферы безопасности не выступает формой одностороннего «захвата» государственных функций частными структурами, а происходит вследствие либо прямого бездействия, либо в значительной мере с подачи самого государства и международного сообщества.

Видимо, мировое сообщество вступило в эпоху, когда роль государства постепенно трансформируется, а монопольное использование государством как аппарата управления своего права быть господствующим и единственным субъектом международных отношений, начинает изменяться.

В связи с этим одним из наиболее важных в ситуации сегодняшней кризисной международной обстановки представляется процесс узаконивания механизма и инструментария деятельности частных военных структур — как на национальном уровне, так и в международном законодательстве. При этом формирование четкой концепции и правил формирования и приложения сил частных военных компаний является задачей не только для государств — поставщиков услуг таких компаний, но и для государств, на территории которых эти компании непосредственно осуществляют или могут осуществлять свою деятельность.

Итак, система международной безопасности в современную эпоху призвана предотвратить гибель человечества и разрешить цивилизационные противоречия мирным путем. Необходимость формирования новой системы международной безопасности возникла в результате структурного и институционального кризиса мировой геополитической и геоэкономической систем. Видимо, для России наиболее реальным и действенным в плане безопасности является союз с наиболее развитыми странами Европы, которые уже сейчас начинают устывать от всеобъемлющего контроля США. Многообещающим является и совершенствование евразийских связей, где России традиционно принадлежит ведущая роль.

Сегодня мы наблюдаем образование нового формата системы международной безопасности, когда наряду с классическими гарантами общественной безопасности — государствами, на сферу безопасности начинают оказывать влияние и негосударственные частные структуры. К ним можно отнести, к примеру, ТНК, оказывающие значительное стратегическое влияние на формирование или прекращение военно-политических региональных или частных конфликтов, или частные и военные охранные компании, участвующие в подобных конфликтах как инструмент оперативного воздействия.

Международная безопасность обеспечивается конкретной деятельностью международных акторов и может быть определена как результат разумной и взвешенной политики, способствующей формированию эффективных гарантий мира и предотвращению новой мировой войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб.: ПОЛИКОНА. 2016. 193 с.
2. *Ибрагимов А.М.* Международные гарантии обеспечения норм права международной безопасности // *Право и политика.* 2009. № 8. С. 1687–1695.
3. *Горохов П.А.* Глобализация: опыт философского осмысления // *Вестник Оренбургского государственного университета.* 2007. № 7. С. 44–50.
4. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 1200 с.
5. *Filzmaier P., Geessler L., Höll O.* et al. Internationale Politik (Uni-Taschenbücher M). Wien: UTB, 2006. 564 p.
6. *Lehmkuhl U.* Theorien internationaler Politik. Einführung und Texte. München, Wien: De Gruyter Oldenbourg, 2001. 743 p.
7. *Schimmelfennig F.* Internationale Politik. Paderborn: Schöningh, 2010. 472 p.
8. *Weber C.* International Relations Theories: A Critical Introduction. Routledge, 2014. 292 p.
9. *Акчурина О.С., Демидов С.В.* Рождение идеи Лиги Наций в Великобритании. В кн.: Направления и формы гуманитаризации высшего образования. Вып. 3. Рязань: Изд-во РГРТУ. 2013. С. 26–33.
10. *Stoessinger J.G.* Why Nations Go to War. New York: St. Martin's Press, 1974. 230 p.
11. *Waltz K.N.* Theory of International Politics. New York: McGraw Hill, 1979. 256 p.
12. *Donnelly J.* Realism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 231 p.
13. *Куковский А.А., Петров А.В., Рослов П.Д.* Актуальные вопросы обеспечения безопасности в современном мире // *Вестник ЮУрГУ. Сер. Право.* 2016. № 2. С. 47–52.
14. *Доманов В.Г., Артюхин О.А.* Политический неоампир: выбор России или геополитический сателлитизм. Ч. I // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС.* 2015. № 1. С. 105–111.
15. *Каракулян Э.А.* Международная безопасность в контексте современных тенденций в праве международного сообщества // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2017. № 1. С. 122–129.
16. *Небольсина М.А.* Частные военные и охранные компании: тенденции роста и проблемы легитимации. В кн.: *Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение: 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.* М.: Изд-во ИМЭМО РАН. 2016. С. 102–106.

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Введение

В постиндустриальной цивилизации стратегия геополитических отношений основывается, по большей части, на геоэкономической парадигме. Эта парадигма базируется не только на завоевании территорий, овладении экономическим пространством или ресурсными базами, но и направлена на внедрение своего видения будущего и навязывание своей политической воли наиболее мощными акторами международных отношений. Реализация политических интересов ведущих держав приводит к их цивилизационному противостоянию, в котором одной из ведущих интенций является стремление к экономическому доминированию. Но в современную эпоху стратегические цели реализуются и достигаются с учетом геополитических интересов, исследование которых становится ныне все более актуальной задачей. Поэтому в этой статье мы рассмотрим основные аспекты влияния геополитических факторов на обеспечение военной безопасности нашей страны.

Материалы и методы

Методология исследования данной работы закономерно предполагает использование диалектического, историко-логического и историко-сравнительного методов, а также конкретно-политологических методов (ситуационный анализ, ивент-анализ, метод экспертной оценки).

Рассмотрим основные теоретические материалы, которые имеются в распоряжении исследователя, обращающегося к проблеме влияния геополитических факторов на военную безопасность страны.

Прежде всего, главным геополитическим фактором является занимаемая государством территория, т. е. исторически сложившееся жизненное пространство того или иного социума, включающее земельные ресурсы, недра, полезные ископаемые и др. Большинство войн во всемирной истории возникало из-за спорных территорий и желания овладеть их богатствами. Десятки философских учений

* *Ковалев А.А.* Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации // *Управленческое консультирование.* — 2018. — № 6. — С. 53–62.

возникло для оправдания захватнических стремлений: от Аристотеля, который еще в IV в. до н. э. говорил о войнах справедливых и несправедливых, до З. Бжезинского, обосновавшего ведущую роль США на «геополитической шахматной доске». От главного геополитического фактора — территории — зависят и все остальные. Отсюда геополитику в теоретическом плане нужно рассматривать как науку о территориальных интересах государства. А интересы эти можно защищать как мирными, так и военными средствами. В современную эпоху наблюдается невиданный ранее, качественно новый симбиоз военных и невоенных, прежде всего, информационно-политических, средств защиты геополитических интересов.

После исчезновения с политической карты мира СССР как исторической России сложился, по сути дела, однополярный мир, в котором доминирует одна сверх-держава — США, отстаивающая и проводящая в жизнь свои геополитические интересы агрессивной политикой глобализации. Эта политика включает целый комплекс насильственных, в том числе военных, методов, а также самых разнообразных способов социокультурного, экономического и политического воздействия, целью которого является навязывание американского образа жизни и либеральных ценностей. Территориальные претензии США к странам, богатым нефтью и другими природными ресурсами, но не принадлежащими к европейскому цивилизационному сообществу, оборачиваются прямым вооруженным вмешательством во внутренние дела этих стран (Афганистан, Сирия) и их фактическому уничтожению (Ирак, Ливия).

Сегодняшняя геополитическая стратегия США основана в основном как на геоэкономической конкуренции, так и на управлении национальными рисками. Эта стратегия направлена на упрочнение своей собственной политической системы и на подрыв социальной, политической и экономической систем своих оппонентов. Причем старый имперский принцип Британской империи «разделяй и властвуй» используется Соединенными Штатами в полной мере даже в отношениях с Европейским союзом, находящимся под их действенным и порой агрессивно-навязчивым влиянием.

Во второй пол. XX — нач. XXI вв. произошел переход от статистического к динамическому использованию пространства, которое выразилось монополизацией контроля над потоками информации, капиталов, рабочей силы. В связи с ростом экономического могущества Китайской Народной Республики и растущей геополитической активностью России по пути возрождения русской цивилизации возможно перераспределение влияния мировых центров силы. Стоит отметить, что некоторые политологи отмечают, что спад экономического потенциала и могущества США очевиден. Из придерживающихся такого мнения ученых следует назвать, прежде всего, историка Альфреда Уильяма Маккоя из Университета Висконсин

в Мэдисоне¹. Делается вывод, что эти процессы неизбежно приведут к ослаблению позиций этой сверхдержавы на международной арене, возможному появлению новых геополитических центров и воссозданию многополярного мира.

4 декабря 2014 г. Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному собранию отметил: «Надо с уважением относиться к законным интересам всех участников международного общения. Только тогда не пушки, ракеты или боевые самолеты, а именно нормы права будут надежно защищать мир от кровопролитных конфликтов»² [5]. Но это пожелание в современных геополитических условиях и состоянии противостояния цивилизаций, к сожалению, фактически невыполнимо. И говорить о сглаживании противоречий и уменьшении цивилизационного противостояния сегодня не приходится.

Напротив, современная международная обстановка свидетельствует о том, что политические конфликты все более и более обостряются. Территориальные претензии решаются чаще всего военной силой, но и сама война приобрела за последние годы новые, ранее просто невозможные формы. Ежедневно со стороны противоборствующих цивилизационных конгломератов звучат воинственные декларации и чрезвычайно угрожающие заявления. В условиях уменьшения авторитета и неэффективности международных институтов, отвечающих за поддержание и укрепление мира, в сфере безопасности опять стала преобладающей доминанта силовой компонент.

При этом происходящий процесс глобализации наложил свой отпечаток не только на геоэкономические и геополитические структурные изменения, но и на организацию и функционирование системы обороны и политики безопасности современных государств, так как вопросы безопасности перестали быть чисто внутренним делом государств, а сместились в надгосударственную и наднациональную плоскость. Этому способствовала динамика роста локальных межгосударственных конфликтов малой интенсивности к XX — нач. XXI вв., а также активное внедрение на геополитическое поле такой концепции, как «теория хаоса», и переформатирование существовавшей некоторое время архитектуры монополярного устройства мирового сообщества.

Во второй половине XX столетия общим местом в концепциях политологов и действиях политиков-практиков была интенция на создание международной системы коллективной безопасности. Приведем

¹ *Alfred W. McCoy. The Decline and Fall of the American Empire: Four Scenarios for the End of the American Century by 2025. The Huffington Post, 6 Dec 2010.*

² Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>

типичный для такой парадигмы пример определения системы коллективной безопасности: «Система безопасности, созданная усилиями нескольких государств или всего мирового сообщества для предотвращения или нейтрализации различного рода угроз (экономических, военных, экологических и др.) существованию и развитию человеческой цивилизации на региональном или глобальном уровне» [2].

В современную эпоху начинает складываться парадигма, основной чертой которой является стремление ведущих государств — игроков на международной арене — усилить переформатирование и укрепить собственные системы национальной безопасности. Ведущую роль здесь играет цивилизационное противостояние. Мы уже обращались ранее к исследованию современных цивилизационных противоречий, которые могут привести к «мировому пожару», и которые необходимо учитывать при построении стратегических и тактических действий в области военной безопасности [4].

Здесь отметим лишь, что наиболее значимыми и опасными противоречиями являются, на наш взгляд, следующие: 1) противоречия между интересами России и странами Европейского союза, бездумно следующими в фарватере американской политики; 2) противоречия между утратившей статус сверхдержавы Россией и сверхдержавой Соединенными Штатами Америки; 3) противоречия между США и развитыми странами Европы, с одной стороны, и со всем остальным миром, с другой, включая Россию. За последние двадцать лет лидеры Соединенных Штатов были твердо уверены в том, что их страна приобрела статус единственной сверхдержавы. Но такого рода самоуверенность может стать опасной для любой державы. Отметим, что однополярный мир противоречит, по мнению автора, фундаментальным законам диалектики.

Объективно России как державе, начинающей проявлять все большую геополитическую активность, выгоден рост противоречий как внутри самого Европейского союза, так и между ЕС и США. Выход Британии из Евросоюза и растущее число протестных настроений в странах Европейского союза, связанных с притоком мигрантов из Азии и Африки, может стать дестабилизирующим фактором для ЕС. А распад Евросоюза будет объективно содействовать решению многих геополитических вопросов в пользу России. И в этой связи компонент военной мощи российского государства опять стал преобладающим аргументом при решении спорных геополитических вопросов.

Следует понимать, что формирование объективных геополитических моделей дает возможность объяснить не только уже сложившуюся геополитическую структуру и соотношение сил на международной арене, но и дать объяснение направлениям и ключевым факторам геостратегии государств в направлении постоянной экспансии. Экспансия предполагает навязывание готовых образцов социально-экономического, по-

литического и культурного развития без какого бы то ни было взвешенного учета различия между цивилизациями. Уже четверть века глобализация осуществляется по унифицированным американским стандартам, причем демократию (феномен, свойственный исключительно европейской цивилизации) пытаются насильственно насадить в регионах с совершенно противоположной исторической традицией.

Поэтому современная модель геополитической архитектуры должна основываться на двух основных тезисах: уход в прошлое монополярного атлантизма и формирование многополярной модели геополитического сообщества. Период монополярного протектората и контроля США в сфере международных отношений заканчивается, и как любое завершение определенного этапа развития мирового сообщества и цивилизации, это чревато эскалацией напряженности из-за возникновения многовекторной комбинации интересов и различных возможностей участников данного процесса.

На формирование современной геополитической напряженности наложили свой отпечаток самые разнообразные факторы. Мы отметим лишь ведущие среди них:

- 1) цивилизационное противостояние,
- 2) усиление значимости некоторых геополитических акторов (например, КНР) и ослабление роли конгломератов (например, ЕС),
- 3) абсолютно беспрецедентная комбинация представлений на формирование нового мирового порядка, который мог бы отразить и сбалансировать возникшую на сегодняшний момент геополитическую ситуацию. Существующая ситуация в современном мировом сообществе уникальна еще и тем, что происходит кризис не только системы и институтов международных отношений, но и кризис структурно-цивилизационный, который совершается одновременно на геополитическом, геоэкономическом и духовно-культурном уровне.

На наш взгляд, вышеперечисленные обстоятельства в очередной раз подтверждают концепцию Г. Моргентау [7], согласно которой все цели внешней политики должны определяться вектором национального интереса и поддерживаться соответствующей силой, т. е., согласно «железному закону политики», во все времена между государствами определяющими выступают именно силовые отношения. Самосохранение системы международных отношений основывается на поддержании в ней динамического равновесия разных, иногда абсолютно противоположных интенций государств как составных элементов этой системы. Но данное равновесие, как и любая саморазвивающаяся система, рано или поздно приходит к необходимости более или менее существенных изменений — «перезагрузки», говоря популярным ныне языком.

Попытки максимальной реализации собственных национальных интересов отдельными участниками процесса либо вызывают

недовольство остальных участников, а соответственно провоцируются ответные противодействующие движения, либо ставят всю систему в монополярную зависимость от одного определяющего фактора. Эту мысль наглядно иллюстрируют современные отношения между США и Европейским союзом, многие развитые страны которого недовольны взятой на себя США ролью «старшего брата». Но главная опасность состоит в том, что Соединенные Штаты порой стремятся играть роль Большого Брата в оруэлловском смысле, а такие интенции рано или поздно вызывают перенапряжение и эскалацию противостояния всех участников системы.

Именно подобный процесс мы и наблюдаем в современных геополитических отношениях. Связано это прежде всего с тем, что в системе международных отношений отсутствует единая, четко обозначенная и общественно признанная структура управления, а следовательно, данная система относится к категории систем стихийного регуляционного механизма. Поэтому происходит постоянное противоборство интересов и позиций, интересов и обстоятельств между государствами, что до последнего момента и являлось нормой функционирования общепризнанной системы международных отношений. Но на данном этапе эта система в таком ее виде стала неэффективной, так как, во-первых, в нее были изначально заложены субъективные факторы тех геополитических акторов, которые ее формировали, поддерживали и продолжают контролировать, а во-вторых, произошло значительное смещение векторов сил, в первую очередь это касается усиления геополитического веса Китайской Народной Республики и Российской Федерации.

При этом также следует понимать, что мощь государства состоит из совокупности факторов экономического, политического и военного потенциала, она направлена как на отстаивание своих позиций на международной арене, так и на обеспечение внутривнутриполитического развития и функционирования государства. В этом контексте каждое государство является носителем, а следовательно, и субъектом силы, а сама система международных отношений выступает непосредственным объектом деятельности государств.

С одной стороны, стабильность системы международных отношений базируется на равновесии межгосударственных отношений всех стран, пребывающих в процессе постоянного национального, политического, экономического и социокультурного эволюционного развития. С другой стороны, для того чтобы система развивалась, нарушение данного баланса является аргументированным и непременным условием. Но, как следствие нарушения этого баланса, происходит эскалация конфликтности в межгосударственных отношениях. Таким образом, геополитика, как и экономика, развивается по циклическому сценарию. Рост общемировой конфронтации свидетельствует о том, что существует острая необходимость в реформати-

ровании и внесении структурных коррективов в существовавшую систему межгосударственных отношений.

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что если не отслеживать и не контролировать данные пики эскалации структурных сдвигов в международных отношениях, то возникает угроза перехода из фазы тотального международного кризиса в фазу общемирового вооруженного конфликта — войну. Однако в любом случае с учетом цикличности геополитических отношений, на одной из стадий международного конфликта формируется новая архитектура баланса сил в обновленной системе международных отношений, с учетом изменений в элементах и самой структуре системы. Следовательно, международные конфликты разного уровня интенсивности и напряженности являются логичным этапом развития системы международных отношений.

Несмотря на то что до сегодняшнего момента в условиях постиндустриального этапа развития мирового сообщества наиболее развитые страны уже более половины столетия решали вопросы без вооруженных серьезных конфликтов, это объясняется только одним аргументом: конфронтационная форма выяснения отношения является губительной и отсюда контрпродуктивной. Но в условиях процессов агрессивной глобализации и насильственной интеграции наметилась явственная тенденция к тому, что более развитые государства современного сообщества усиливают и совершенствуют свою сферу обороноспособности.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что ведущую роль при формировании глобального постиндустриального мирового сообщества играли лишь несколько стран. Именно эти страны не только создали проект «дивного нового мира» (если вспомнить без всякой иронии Шекспира и Хаксли), но и готовы отстаивать и навязывать свои интересы всему современному международному сообществу, в том числе используя при этом и фактор силы. Ведь войну можно политкорректно назвать «операцией по принуждению к миру», убийство мирных граждан — «зачисткой территорий», а стремление захватить богатые природными ресурсами страны неевропейской цивилизации — «необходимостью борьбы с терроризмом». Нестабильность современного сообщества, столкновение и конфронтация цивилизаций Запада и Востока позволяют внедрять в жизнь современного общества агрессивные идеологии, религиозный фундаментализм, шовинизм, национализм, т. е. тот самый инструментарий, который способен нарушить существующую систему международных отношений и привести к полной дестабилизации мирового сообщества.

Результаты

Систематизируем изложенный выше теоретический материал. Прежде всего отметим, что на сегодняшний день сформировался также целый ряд моделей взаимоотношений государств — от простой

классической формы двухсторонних отношений до отношений коалиций, основанных на объединении вокруг совпадающих интересов, либо вокруг интересов доминирующего лидера. Также третьей стороной, регулирующей межгосударственные отношения, может выступать надгосударственная структура, имеющая на это определенные полномочия — ООН, ОБСЕ, НАТО и т. п.

На современном этапе развития международных отношений военную безопасность любого государства необходимо рассматривать не только как систему, предназначенную для предотвращения или минимизации деструктивных последствий военно-политического противостояния, а как симбиоз осознанных и продуманных действий по мониторингу, анализу, прогнозированию, предотвращению или пресечению угроз и опасностей, исходящих от внешних оппонентов, включая как отдельные государства, так и надгосударственные структуры.

Кризис современного геополитического процесса, как нами было отмечено ранее, связан не только со структурными и институциональными изменениями самого общества, но и с попытками ряда государств и негосударственных акторов, используя свой экономический и политический потенциал, не только выражать и лоббировать свои интересы, но и откровенно навязывать свою геополитическую позицию. Это не могло не привести к эскалации нестабильности как на общемировом, так и на региональных уровнях. В идеале в механизме обеспечения военной безопасности современного государства должны начать играть все большую роль невоенные, несилловые его компоненты. Приоритет должен отдаваться использованию дипломатических, переговорных, политико-правовых и социально-экономических методов предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций, без трансформации их в форму военных угроз и опасностей.

К сожалению, современная ситуация не дает оснований для оптимистичных прогнозов. Видимо, мир вступает в новый период, который можно назвать новой «холодной войной». Мы согласны с мнением современных российских исследователей: современное сообщество, не научившись содействовать и взаимодействовать в формате мирных отношений как базовой модели взаимодействия, постоянно в скрытой или открытой форме наращивает военные ресурсы, а гарантом защиты является только присутствие в одном из военно-политических союзов, и, таким образом, нарушены все основные принципы, которые были сформулированы и заложены после окончания Второй мировой войны в существовавшую донныне систему обеспечений международной безопасности [5].

В сложившейся ситуации глобальной геополитической трансформации эффективность обеспечения военной безопасности, в первую очередь, формируется с помощью методов мониторинга и аналитического прогнозирования военно-политической обстановки как

в общемировом, так и на региональном и внутригосударственном уровнях. На сегодняшнем этапе сформировалась очевидная потребность в методологической и правовой разработке и введении в практическую деятельность международных отношений договоров и законов, запрещающих агрессивное применение невоенных средств, определив механизм и инструментарий информационной войны как одной из форм войны классической. Действенная информационная политика в современную эпоху может привести к победе в войне или же существенно способствовать таковой.

Структурно военную безопасность можно представить тремя взаимосвязанными уровнями: 1) общественный уровень, формирующий общественные отношения, включающие в себя и необходимость обеспечения военной безопасности; 2) государственный уровень, на котором происходят разработка и формирование концепции обеспечения военной безопасности; 3) военный уровень, на котором происходит непосредственное воплощение решений и действий по обеспечению военной безопасности в мирное и военное время.

Делая свой стратегический выбор за последние четверть века, Российская Федерация несколько раз модернизировала и корректировала свой политический курс развития [1]. Связано это, прежде всего, с напряженными отношениями, которые сформировались за последние несколько лет по оси США-РФ, с характерным стремлением Вашингтона не дать возможности усилению России как центра силы и притяжения в постсоветском регионе. Опасения США строятся на том, что Российская Федерация выступает динамично развивающимся государством, твердо отстаивающим свои позиции на международной арене в условиях происходящего геополитического противостояния.

Проблемы геополитики, затронутые в настоящей статье, трактуют по-разному. Причем определения самой геополитики значительно отличаются друг от друга, но в их обсуждении неизменным остается констатация связи геополитических факторов и военной безопасности. Приведем определение профессора В. А. Золотарева, доктора исторических и юридических наук, которое совпадает с позицией автора: «Под геополитикой понимается система научно обоснованных и официально принятых взглядов руководства одного государства или коалиции государств на их географическое положение и роль в мировом сообществе в политическом, экономическом, военном и других отношениях, реализуемых в практической деятельности с целью удержания ведущего положения в мире или регионе и обеспечения национальных и государственных интересов» [3, с. 8].

Политолог из Германии Гайнц Брилл рассматривает геополитику как «геопространственные, внешнеполитические акты великих держав в контексте геостратегии» [8, с. 21]. Брилл подчеркивает, что

геополитика — политическая интерпретация географических обстоятельств, она возникла из политической географии и первоначально находилась в оппозиции к ней [8, с. 19].

К сожалению, некоторая теоретическая слабость отечественной геополитики объясняется тем, что в СССР эта наука, наряду с генетикой, кибернетикой и сравнительной лингвистикой, понималась как лженаука со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями для тех ученых, которые все же имели смелость утверждать необходимость разрабатывать и учитывать созданные геополитические концепции. А ведь Советский Союз как историческая Россия имел обширнейшие как сухопутные, так и морские границы. Поэтому геополитические интересы великой державы — признавали ли ее первые лица реальность этих интересов или же нет — были весьма многосторонними и требовали комплексной защиты, в том числе и прежде всего — военными средствами.

В обсуждении проблем геополитики эту науку часто характеризуют как удачный междисциплинарный термин, относящийся к социальным дисциплинам, а порой — навешивают на нее ярлык околонучного, идеологизированного неологизма, порожденного западноевропейским интеллектуализмом. Мы полагаем, что статус геополитики как особого политолого-социологического подхода к изучению соотношения между географическим положением государств, их внешней политикой и состоянием военной безопасности вряд ли целесообразно ныне подвергать сомнению.

Заслуживает внимания одно из последних исследований, увязывающих проблемы геополитики и безопасности страны, в том числе и безопасности военной. Это исследование 2010 г., принадлежащее перу Е.А. Ходаковского «Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе гецивилизационных взаимодействий Запада и Востока» [6], в котором автор дает целостное рассмотрение основных угроз военной безопасности, существующих для России.

Заключение

В заключение нашего краткого исследования сделаем ряд выводов. Современная геополитика, которая в нашей стране уже четверть века не рассматривается лишь как «буржуазная наука», вынуждена иметь дело с постоянно, лавинообразно меняющейся политической реальностью. Изменениям подвергается не столько политическая карта мира, сколько цивилизационные союзы, возникшие после крупнейшей геополитической катастрофы новейшей истории — распада СССР как исторической России. В связи с возросшей геополитической активностью РФ можно говорить о ее активном включении в процесс противостояния цивилизаций.

Меняющиеся геополитические факторы действительно воздействуют на военную безопасность акторов цивилизационного противостояния, которое в ряде регионов мира перетекает в прямые военные конфликты. Вопросы безопасности в ядерную эпоху перестали быть чисто внутренним делом государств, а сместились в надгосударственную и наднациональную плоскость. Современная военная безопасность осуществляется не только поддержанием на должном уровне сугубо военной мощи, но и адекватным развитием информационной политики, соответствующей внутри и внешнеполитическим реалиям.

Геополитические претензии должны быть должным образом сформулированы и обоснованы, а противоречия решаться, по преимуществу, методами информационной войны, а лишь затем следует допускать возможные реальные военные действия. В современную эпоху наблюдается невиданный ранее, качественно новый синтез военных и невоенных, прежде всего, информационно-политических, средств защиты геополитических интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аминов И.Р.* О фундаменте национальной безопасности России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 2 (27). С. 56–62.
2. Гражданская защита. Понятийно-терминологический словарь. М.: Флайст, Информационно-издательский центр «Геополитика», 2001.
3. *Золотарев В.А.* Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001.
4. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб.: Поликона, 2016.
5. *Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В.* Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 49–54.
6. *Ходаковский Е.А.* Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе геочивилизационных взаимодействий Запада и Востока: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010.
7. *Bain W.* Deconfusing Morgenthau: Moral Inquiry and Classical Realism Reconsidered // Review of International Studies. 2000. Vol. 26. N 3. P. 445–464.
8. *Brill H.* Geopolitische Analysen. Beiträge zur deutschen und internationalen Sicherheitspolitik. 2. Auflage. Bissendorf, Biblio-Verlag, 2008.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НА ВОПРОС НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПУТЬ ОТ ЭКОНОМИКИ ДО ГЕОПОЛИТИКИ*

Исходя из международной исторической и экономической практики, необходимо отметить, что любой экономический (финансовый, банковский) или социальный кризис является закономерным результатом развития любой из сфер жизнедеятельности общества, так как выступает не как результат действий, а как форма отражения одной из фаз цикла системы. Так, к примеру, экономика является одной из наиболее ярких примеров именно взаимосвязанности, взаимовлияния и обобщающего характера этой системы. Связано это прежде всего с эффектом саморегулирования, определяющего границы и этапы развития, обеспечивающего импульс своего развития и самоопределение точки бифуркации в этом процессе, определяющего состояние равновесия во временном, количественном и качественном преобразовании системы.

Современная цивилизация вступила в фазу перерождения, модернизации и трансформаций, что обосновывает логичность и предсказуемость появления парадигмы кризисных явлений в национальных экономиках и, как результирующее следствие, общий структурный кризис мировой экономики. В первую очередь эта тенденция связана с факторами влияния процесса глобализации и существующего на сегодня цивилизационного противостояния, с попыткой унификации не только экономического пространства, но и социально-политического, национально-духовного, интеллектуального, ценностного и нравственного мировоззрения, что формирует ряд опасностей и угроз как сферам национальной и государственной безопасности в частности, так и международной системе безопасности в целом.

Экономическо-финансовые кризисы являются закономерным свойством мировой экономической системы. Но для понимания глубинных причин кризиса необходимо, к примеру, разделять структурно-институциональные, денежные, валютные, и долговые кризисы. Если первые являются экономической реальностью, то относительно

* Ковалев А.А. Влияние процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности: путь от экономики до геополитики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 6. — С. 1150–1161.

но долговых можно проследить четкую закономерность использования данного механизма как искусственно создаваемого явления, которое в последнее время все чаще используется как инструмент влияния и воздействия не только в сфере экономики, но и как существенный аргумент геополитического влияния. А этот уже напрямую затрагивает область сферы государственной, национальной и международной систем безопасности. Как видим, анализ кризисного явления только с позиции выборочно взятой сферы не срабатывает или будет неполноценным и необъективным.

Так как современный институциональный социально-экономический кризис является в большей степени производным от структурного общественно-экономического кризиса, вызванного переходом от эпохи индустриальной к эпохе информационной, то выходом из него видится не только перезагрузка или модернизация материально-технологической сферы, но и реформативное изменение абсолютно всех областей жизнедеятельности сегодняшней цивилизации. И как раз первоначальным, базовым полем может выступить усовершенствование международных и производственных отношений, которые являются лейтмотивом дальнейших институциональных и структурных изменений в обществе.

Происходящий сегодня кризис не выступает деструктивным явлением, разрушающим экономическую систему до основания. Сформировавшись из совокупности составляющих (геополитических, геоэкономических, социально-общественных, глобально-интеграционных) аспектов, он носит характер крупномасштабного институционального «возмущения» из-за перехода системой (и обществом) своеобразной точки бифуркации. Таким образом, современный кризис приобретает форму синхронизации экономических и геополитических циклов, комплексно и синтезировано объединяя в себе структурные изменения как самого общества, так и созданных им ранее систем. Именно поэтому, исходя из общепризнанной диалектической сущности, кризис несет не только угрозы, но и такую же степень возможностей для модернизации и выстраивания новых институциональных и структурных механизмов в геоэкономической и геополитической системах.

Рассмотрим более подробно факторы и аспекты, повлиявшие на формирование этого переходного периода.

Кризисные явления можно определить как результирующий знаменатель и последствие процессов глобализации и масштабной геополитической и экономической интеграции. В свою очередь, этот аспект был предопределен фактором ресурсного и экологического кризиса цивилизации. Эскалация откровенной борьбы за ресурсы и геополитический и геоэкономический потенциал со своей стороны сформировала тектонические сдвиги в социуме, затронув как

общественно-гражданскую, так и ментально-духовную сферы общества. Происходит динамичный распад патриархальных устоев и принципов, моральных и социальных ценностей и правил, что не косвенно, а напрямую оказало влияние на формирование состояния турбулентности, в которое вошло современное общество. Ярким отражением и примером обозначенного процесса, затрагивающего одновременно и социальную, и экономическую плоскости, можно назвать современные миграционные потоки, которые более схожи не с классическим перемещением трудовых ресурсов по периметру «выгоды — невыгодности» своего применения, а выступают формой нового «переселения народов», вызванного в первую очередь уже не экономическим, а именно цивилизационным кризисом.

В свою очередь, катализатором, значительно ускорившим динамику происходящих в обществе деструктивных явлений, стал кризис политической системы, над которой был проведен эксперимент «всеобщей демократизации». С одной стороны, это запустило механизм воплощения в жизнь концепции формирования общественного благосостояния. И этому воплощению были подчинены абсолютно все сферы жизнедеятельности и жизнеобеспечения общества.

Однако данная парадигма оказалась тупиковым вариантом развития общества, так как все ранее названные благие намерения в результате приняли форму «кредитности», то есть за абстрактную социально-экономическую идею социуму приходится расплачиваться абсолютно материальными и осязаемыми вещами — объемом ресурсов, уровнем личностной и общественной свободы, своими духовными и нравственными ценностями.

Информационная составляющая современного этапа развития общества определена степенью развития информационно-коммуникативных технологий, уровнем контроля за информационными потоками, механизмами и инструментами ее продуцирования и распространения. Следует понимать, что в большей степени на формирование сегодняшнего кризиса оказывает влияние динамически нарастающая потребность и способность общества к переработке, передаче и усваиванию информации. И именно поэтому разработка и внедрение новой парадигмы общества, общества именно информационного, скрывает внутри себя целый ряд противоречий. Так, под эгидой растиражированной концепции «свободы слова» и опасности авторитарного контроля над информационным полем происходит процесс унификации и контролируемой концентрации информации теми геополитическими участниками и негосударственными структурами, которые на сегодняшний момент располагают для этого техническими и финансовыми ресурсами и возможностями.

В этом следует согласиться с О.Н. Прокаевой, которая считает, что *«информационные технологии формируют новые способы манипу-*

ляции общественным сознанием со стороны более развитых стран в рамках мирового противоборства, и тем самым создают угрозу национальной идентичности» [1].

Следовательно, динамика прохождения информационной революции, с одной стороны, ускоряет переход общества с фазы индустриального развития в эпоху информационного сообщества, а с другой — формирует целый спектр угроз, которые базируются как раз на факторе уязвимости информационных технологий и применении их деструктивного потенциала.

Поскольку информационное звено современного сообщества приобретает базовую и основополагающую роль в формировании всей его архитектуры, систем и сфер, то именно на информационный фактор возлагается ответственность и основная нагрузка по обеспечению формирования механизмов распознавания индикаторов происходящих и потенциально возможных кризисных явлений, степени их угрозы для личностной, государственной, национальной или мировой безопасности.

Усиление динамики интеграционных процессов в условиях глобализации сформировало взаимозависимость между хозяйствами стран, и этот аспект современной геоэкономики, а также сложная конфликтогенная ситуация на геополитическом поле, создали угрозу трансформирования экономического кризиса в кризис мировой, а не только экономической.

Так, к примеру, происходящий сегодня глобализационный процесс с одной стороны можно рассматривать как форму региональной интеграции, направленной на формирование прозрачного, логично взаимосвязанного и взвешенно контролируемого пространства. С другой стороны, аспект регионализации необходимо рассматривать под углом концепции реакции национальных государств на вызовы глобализации в целях противостояния деструктивным явлениям и влиянию на национальную экономику с использованием механизмов и инструментов противостояния выборочному внешнему протекционизму. Последний аспект стал особенно актуальным в последнее время в связи с политикой агрессивного введения, внедрения и навязывания геополитических и геоэкономических правил функционирования современного общества, которые по тем или иным причинам не желают участвовать в процессе насильственного глобального монополизирования сфер мировой экономики и геополитики, предпочитая развитие по собственному сценарию (как, например, геоэкономическая и геополитическая позиция Российской Федерации). И это — логичный альтернативный путь свободного суверенного государства. Как верно замечает О.В. Родионова, *«если предлагаемый как образец государственно-правовой институт чужд конкретному обществу и идет вразрез с традициями и обычаями того*

или иного народа, то очень возможны проблемы «приживаемости» такого явления»¹.

Феномен происходящих сегодня геоэкономических и геополитических процессов состоит в том, что, несмотря на внешнюю односторонность, взаимовлияние и взаимозависимость, глобализм и регионализм выступают, с одной стороны, как синергетичные взаимодополняющие друг друга, катализирующие факторы, а с другой — как полные антагонисты. Любое региональное объединение уже по своей сути является «мини-глобализмом». Однако именно регионализм выступает оппонентом и инструментом противодействия глобализму, тем самым заявляя себя как абсолютно самостоятельное и самодостаточное явление, обладающее собственными конструкциями, механизмами, целями, логикой и инструментарием для воплощения своих целей. Так, к примеру, в докладе Национального совета по разведке США 2016 г. «Глобальные тенденции: парадокс прогресса» прямо говорится, что Россия и КНР в ближайшие пять лет станут не только мощными независимыми региональными лидерами, но и оспорят монопольное влияние США на мировой арене².

В связи с этим существует еще одна историческая и геополитическая задача, решение которой представляется довольно неоднозначным и непредсказуемым. И связано это с тем, что, как пишет проф. СПбГУ И.В. Радиков: «...перед Китаем стоит комплекс очень серьезных проблем (демографических, экологических, экономических), причем их сочетание таково, что решение одних ведет к усугублению других. Экспансия с целью захвата территорий и природных ресурсов может явиться для КНР возможным способом избежать серьезнейшего кризиса, угрожающего самому существованию этой страны» [2]. То есть, решая свои внутренние, институциональные и структурные проблемы, Китай потенциально готов переместить накопившееся напряжение в государстве из внутренней среды во внешнюю — даже ценой войны в целях сохранения своей целостности и, собственно говоря, государственности. При этом очевидным фактом является то, что КНР ставит свои национальные интересы выше любой формы системы международной безопасности именно в целях самосохранения, а не испытывая угрозу извне. Именно поэтому возникновение такого триумвирата, как США — КНР — Россия, не только не приветствуется многими геополитическими участниками международных отношений, но и очень похож на шаткий нейтралитет в треугольнике Великобритания — Германия — СССР образца 1938–1939 гг. Это

¹ Родионова О.В. Глобализация как основной детерминант модификации современного государства // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Естественные, общественные науки. — 2014. — Вып. 1. — С. 27.

² Global Trends. Paradox of Progress, January 2017. URL: <https://dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Full-Report.pdf>

прямо свидетельствует о подготовке международного сообщества к любым сценариям развития геополитического противостояния — вплоть до применения силы в разных ее проявлениях.

Несмотря на общность интернализационной природы, глобализм и регионализм имеют достаточно принципиальные отличия. Основной процесс глобализации является унификация абсолютно всех систем существования общества — от технологической, экономической и геополитической мирохозяйственной деятельности до попытки контроля над духовной и ценностной сферами, что сразу же формирует угрозу национальной и государственной безопасности. Со своей стороны, концепция регионализма находит свое выражение в таких аспектах, как самоопределение, самоидентификация, национальная, культурная, географическая и экономическая идентификация и близость. Другими словами, нельзя определять глобализацию как синергию региональных объединений. И именно поэтому мы считаем, что проект общей глобализации является искусственно созданным и искусственно поддерживаемым, а концепцию регионализации — абсолютно естественным явлением в любой сфере жизнеобеспечения общества — как современного, так на любом этапе прошлого или будущего.

Кроме того, транснациональная суть глобализации заключается в перемещении власти с наднационального уровня на глобальный, с ведущей ролью мирового рынка и полной зависимостью от него рынков национальных, пребывающих под тоталитарным контролем извне [3].

Следует четко понимать и осознавать дуализм и системность природы формирования и развития мирового хозяйства и социума. На сегодняшнем этапе это развитие проходит точку социальной, политической, экономической бифуркации, вызывая тем самым как разнообразие научных гипотез, течений и мнений, так и реальное практическое геоэкономическое, геополитическое и социальное противоборство в попытках реформатирования общества. И архиважную роль в данных процессах занимает противостояние политических и экономических центров силы.

В связи с этим необходимо обозначить еще одну негативную черту процесса глобализации, верно и достаточно емко обозначенную С.И. Самыгиным: *«Разрыв связи между транснациональным капиталом и национальной общностью, государством с его территорией и населением, уничтожает социальные обязательства капитала»* [4]. То есть транснациональная сущность глобализации ставит данный процесс выше любой институциональной формы, прав и решений международных или государственных структур, тем самым противопоставляя себя социуму (обществу) в принципе. При этом *«государство само нередко превращается в инструмент получения прибыли»* [4].

Таким образом, возникает угроза любой государственности в частности и всей системе международной безопасности в принципе.

На деструктивный характер описанных процессов указывает тот факт, что процессы экономической, инновационной, культурной и духовной глобализации не интегрируются, а искусственно и планомерно нивелируют любое наличие, проявление или реакцию региональных, национальных или локальных императивов.

Ярким примером этого выступает тот факт, что, несмотря на эскалацию и динамику практического воплощения проекта глобализации в повседневную функциональную жизнь современного сообщества, даже в своей кульминационной фазе роста данное действие и явление указывает на его искусственность (яркий пример — кризис проекта «Евросоюз»). Это происходит в первую очередь из-за наличия целого ряда противоречий и категоричного и безапелляционного навязывания «правил игры» без каких-либо попыток ведения реального и объективного диалога. Другими словами, вся «логика» процесса глобализации зиждется на полном отсутствии паритетных отношений, где происходил бы не ангажированный учет внутренних объективных и субъективных мнений, правил и ментальности. На поверку растиражированная концепция всеобщей демократизации, плюрализма и волеизъявления оказалась скрытой, цинично последовательной и планомерно внедряемой парадигмой тотального контроля и авторитаризма, а по факту — просто ширмой в геополитическом противостоянии государств и идеологий.

Как современная мировая экономика, так и геополитическое поле существования сегодняшнего общества продемонстрировали важность основополагающей роли элемента глобализации в региональном контексте. Однако односторонность и навязчивая необоснованность такого подхода начала проявляться уже в конце XX в. И фактически сотворенный путем ручного (неестественного) управления экономической, геополитической и социально-общественный кризис современности стал результирующим подтверждением того, что концепция глобализации потерпела фиаско в принципиальном и, что самое главное, навязанном противостоянии с концептом регионализации.

В результате такого взаимодействия и противостояния глобальных и локальных экономических, политических и социальных процессов сформировался такой феномен, как противопоставление концепции глобального интеграционного сообщества концепту «справедливого мира» — в его локальном и сетцентричном видении через парадигму децентрализации.

Специфика этого явления заключается в том, что акцент с интернационализации естественным образом был изменен. Вектор парадигмы встраивания локальных национальных и региональных рын-

ков в глобальную экономическую, геополитическую и информационную систему поменял направление на «подстраивание» универсального геоэкономического и геополитического поля под специфику и требования локальных рынков. Таким образом, как альтернативный вариант можно рассматривать стабилизацию международных отношений и устранение обострения противостояния транснациональных и надгосударственных структур с классическими национальными и региональными образованиями, например, в форме таких международных сообществ, как ЕАЭС, АСЕАН, БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС, СНГ и др.

Если рассматривать подобные региональные альянсы подробнее, то хотелось бы обратить внимание на их логичность в отношении вопросов сферы безопасности. Ведь если государства региона успешно осуществляют и соблюдают договорные отношения, то вмешательство или контроль внешней стороны уже в принципе не нужен, так как стороны согласовали все необходимые и важные вопросы и умеют держать их под контролем самостоятельно. В связи с этим отдельной острой политической проблемой выступает вопрос односторонних санкций в международном праве. Являются ли допустимыми в международных отношениях подобные действия, учитывая основополагающий признак суверенитета как «независимость во внешних сношениях»? [5].

Здесь хотелось бы отдельно коснуться вопроса монополизации блоком НАТО права на вмешательство в региональные, межгосударственные и внутригосударственные вопросы. Изначально данный альянс был задуман как военный и геополитический противовес Советскому Союзу и его союзникам. В дальнейшем, после разрушения СССР и Восточного блока, с прекращением Варшавского договора, по факту, миссия НАТО должна была быть завершена. Однако наметилась совершенно иная тенденция — блок не только стал динамично расширяться, вбирая в себя все новых партнеров, но и постепенно взял на себя функцию «международного прокурора» — с правом вмешательства во внутригосударственные и региональные взаимоотношения любых государств, даже вне зоны своих границ, а фактически — в любой точке земного шара. Постепенно стала образовываться своеобразная общемировая политическая и военная коалиция под эгидой обеспечения безопасности ее участников. Последовательно право на собственную безопасность альянса начинает подменяться правом на вмешательство в любую конфликтную геополитическую ситуацию. Таким образом, *«...в итоге, политический истеблишмент Соединенных Штатов фактически может осуществлять в самом произвольном порядке интерпретации тех или иных событий или действий в международных отношениях»* [6].

Однако возникает парадокс. Если, по официальной версии и доктрине блока, его усилия направлены сугубо на оборонительную и миротворческую функции, то к этой похвальной инициативе может, в принципе, присоединиться любой из участников международных отношений, принимающий подобные положения. И, кроме того, все значимые геополитические субъекты могут (при этом некоторые желают, а некоторые просто обязаны) вступить в НАТО, то в таком случае, когда туда вступят все участники международных отношений, возникает ситуация, что система начинает замыкаться на саму себя. Но тогда возникает совершенно логический вопрос: а зачем тогда нужна такая гонка вооружений во главе с главным идеологом НАТО — США, если в результате все со всеми в конце концов договорятся? Не проще ли уже сегодня начать формирование международной системы безопасности — и не путем военной эскалации, не взращиванием блоков и альянсов по целям, интересам и политическому весу, а через консенсус и формирование действенных наднациональных структур? Ответ опять же очевиден: сформирована глобальная система для тотального контроля, а не для поддержания баланса мировой системы безопасности. И это касается как военной, так и геоэкономической и даже социально-информационной и культурно-духовной сфер.

Налицо проведение политики двойных стандартов и сплошная подмена устоявшихся понятий, правил и традиций, сформированных или закрепленных в обществе в целом и международных отношениях в частности [7]. И здесь мы согласны с тем выводом, что: *«...структурное насилие связано не только с экономическим и социальным неравенством, но и с идеологически и культурно мотивированным насильем, сопровождающим реализацию политических проектов, построенных на антимодернизационной риторике»* [8].

При этом обращает на себя внимание целенаправленная подмена западом термина «законный» на «легитимный», и это естественно, ведь критерием «легитимности» проще манипулировать, чем соблюдать законность [9]. А квалифицируя и оправдывая линию по вмешательству во внутренние дела государств, термин «глобализация» (являющаяся свободным движением культур, капиталов, людей, технологий и ресурсов) на практике подменяют термином «глобализм», служащий мощным механизмом по экспорту стереотипов сознания [10].

В это же время Россией во время урегулирования сирийского кризиса была показана возможность и эффективность применения политики, направленной на соблюдение примата международного права путем недопущения нереалистичных политизированных запросов и невозможности силового сценария решения вопроса, способного размыть миропорядок, основывающийся на принципах Устава ООН. Россия, в отличие от большинства государств, участво-

вавших в урегулировании данного конфликта, смогла выстроить конструктивные отношения с обеими конфликтующими сторонами и при этом сформировать предпосылки для проведения переговорного процесса на международном и правовом уровне [11].

В связи со сказанным, мы считаем логичными выводы Б.Д. Накашидзе, касающиеся постановки вопроса о заключении международного договора, учитывающего новые международные и внутригосударственные реалии, который смог бы эффективно определять, в каких конкретных случаях, кем и для каких целей допустимо «вмешательство» во внутригосударственные или межгосударственные конфликты с использованием в качестве основания гуманитарной миссии [12].

Разумный баланс процессов глобализации и регионализации позволит модернизировать и взять под контроль происходящую трансформацию экономических и геополитических международных отношений, тем самым нивелируя угрозу эскалаций конфликтов, формируемых как раз на почве противостояния негативному влиянию и навязыванию глобализационной парадигмы. Противопоставление же глобализма регионализму приводит к таким геополитическим провалам, какие мы наблюдали и продолжаем наблюдать на примерах Ливии, Ирака, Ирана, Афганистана, Сирии. Некоторыми исследователями вопроса регионализации данное явление трактуется как *«функция описания и анализа реальных процессов передачи властных компетенций, а также является результатом регионализма и одной из его составляющих наряду с региональным самосознанием и региональной идентичностью, которые воплощаются в общественно-политических феноменах»* [13].

Со своей стороны, регионализм трактуется как последовательный ряд сделок между элитами национального, регионального и транснационального уровней [14]. И на сегодняшнем этапе развития международных отношений наметилась тенденция, когда региональные силы стремятся к взаимодействию с наднациональными структурами без посредничества, функцию которого ранее выполняло государство. Тем самым государство как институт утрачивает свою значимость и влияние, но одновременно возникает опасность утраты его суверенитета [15]. Именно поэтому при рассмотрении вопросов сферы национальной и государственной безопасности следует всесторонне проработать и анализировать данное «типичное» направление в современной политике. Так как в этом случае явно формируется угроза сепаратистских настроений, что явно подтверждается фактом роста количества новых государств, признанных мировым сообществом — с 51 страны в 1945 г. до 193 — в 2011 г.¹.

¹ Рост численности членов ООН с 1945 г. Организация Объединенных Наций, 2016. URL: <http://goo.gl/nSqM0W>

Взаимосвязанность, взаимозависимость, взаимовлияние или откровенная противоположность процессов глобализации или регионализации зависят от существующей геополитической тенденции, поскольку данные процессы являются амбивалентными¹.

Сущность синергии мировых экономических и геополитических явлений современного кризиса проявляется в четко обозначенных аспектах и факторах. Наша точка зрения состоит в том, что накопительный деструктивный эффект мирового экономического кризиса является результатом взаимодействия определенных факторов, и по своему эффекту превосходит ожидаемые последствия. Вхождение в мировой экономической, геополитической и социально-общественный кризис и дальнейшее прохождение его точки бифуркации связано с возникновением накопительного эффекта для международных субъектов, а уровень влияния и деструктивности определяется в зависимости от характера их значения и степени роли в развитии системы международных отношений. При этом следует учитывать то, что эффект накопительного фокусирования может иметь как положительную, так и отрицательную сторону, имея соответствующее модернизирующее значение для развития мировой экономики.

Специфика современного мирового экономического, геополитического и социально-общественного кризиса определена одновременным проявлением симбиоза кризисных явлений в различных сферах жизнедеятельности мирового сообщества и хозяйствования. На наш взгляд, обобщающая деструкция мирового структурного и институционального кризиса определяется как разница между реальными потерями от самого факта появления кризиса, сложности прохождения его этапов и объемом прогнозируемых (предсказуемых) накопительных потерь от данного кризиса в различных сферах мирового сообщества.

Вместе с этим необходимо отметить, что накопительный эффект проявляется только при условии положительного или отрицательного значения синергии, так как нулевое значение является признаком ее отсутствия или недостаточной значимости.

Полагаем, что противоречия и слабость развития современной мировой экономики заключаются в том, что ее свойства тесно взаимосвязаны с геополитическими процессами, которые иногда не поддаются природной объективной логике, а носят в основном субъективный управляемый и манипуляционный характер. Таким образом, отрицательные результаты системного и институционального современного кризиса общества целенаправленно созданы из политических мотивов и существенно затрудняют преодоление мировых

¹ *Алоян А.Р.* Проблемы взаимосвязи регионализации и глобализации // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2016. — № 2–6.

экономических кризисов, приумножая деструктивные масштабы их последствий, а положительные результаты, призванные ускорить переход с одного этапа развития общества на другой, искусственно затормаживаются.

Кроме того, следует согласиться с тем, что кризисное явление в любом государстве — это такое состояние национальной экономики, в котором приходится идти на определенные и тщательно просчитанные жертвы [16].

Следовательно, системное наложение нескольких кризисных явлений в одном временном периоде приводит к хаосу, не к качественному или количественному изменению определенных свойств, а к их поэтапному нивелированию и дальнейшему стадийному разрушению в результате накопления критической «массы» локальных кризисов, которые изначально запущены глобальным структурным кризисом. Последний, в свою очередь, искусственно направляется и поддерживается, а затем уже и сам провоцирует и подпитывает свою эскалацию, тем самым ставя под удар и собственную и мировую систему экономической, политической и социальной безопасности.

При этом следует понимать, что рынок и его среда в период трансформаций находятся в точке бифуркации, на стадии преобразований и становления, а следовательно, координация механизмов самого рынка на этом этапе подвергается значительному искажению и деформированию. Это не дает ему возможности функционировать, используя ранее используемые инструменты и алгоритмы, и в связи с этим возникает необходимость привлечения и активного (в некоторой степени даже авторитарного) регулирующего участия в данном процессе государства [17, 18]. И подобные правила и тенденции распространяются, на наш взгляд, как на социальную и экономическую сферы, так и на геополитическое поле, меняя структуру и характер системы международных отношений.

Итак, глобализационный путь развития современного общества вызвал целый ряд институциональных и структурных кризисов. При этом сформировавшиеся проблемы в форме экономических или геополитических кризисов и конфронтаций затронули не только отдельные государства или регионы, а охватили всю систему международных отношений. В связи с этим возникла актуальная потребность в выработке и согласовании обновленной общей международной политики абсолютно во всех сферах жизнедеятельности и функционирования общества.

Перезагрузке и модернизации подлежит как сфера экономических, политических и военных отношений, так и пересмотр самой концепции глобализации — с рассмотрением альтернативных путей развития современного сообщества, например, концепции регионализации. Естественно, это потребует глубинной структурной

перестройки всей существующей архитектуры международных отношений, но это и является первостепенным и актуальнейшим вопросом геополитики. Без его планомерного, всестороннего и прозрачного решения мировое сообщество войдет в состояние полной политической, экономической и социальной турбулентности, и результаты вхождения в это состояние для человечества абсолютно непредсказуемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Прокаева О.Н. Влияние процессов глобализации на проблему национальной идентичности // Инновационная наука. 2016. № 5–3. С. 65–67.
2. Радиков И.В. О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 2 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 2. С. 163–179.
3. Маркарян В.Р., Молчан А.С. Факторы устойчивого развития региональных социально-экономических систем в условиях глобализации экономического пространства // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 95. С. 1011–1020. URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/01/pdf/37.pdf>
4. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Рачина А.В. Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 17. № 1. С. 169–177.
5. Кешнер М.В. Легитимность односторонних санкций в современном международном праве. В кн.: Материалы VII Конгресса РАМИ, 28–29 сентября 2012 г. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 71–83.
6. Ковалёв В.В., Магомедов М.Г., Самыгин С.И. Практика двойных стандартов в мировой политике: угрозы национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7. С. 55–60.
7. Ноздрин А.В. Политика двойных стандартов в международных отношениях // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 1. С. 79–83.
8. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Имгрунт С.И. Цивилизационная безопасность современного мира в условиях актуализации цивилизационной идентичности: социальная утопия или перспективная реальность? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7. С. 38–43.
9. Мюллерсон Р. Два мира — два права? Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 2. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Dva-mira--dva-prava-16587>

10. *Ходынская-Голенищева М.С.* Сирийский кризис, методы дестабилизации «неугодных» государств и провоцирование «управляемого хаоса» // Вестник МГИМО. 2015. № 3. С. 43–50. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/en/razdely/international-relations/syrian-crisis-context-emergingmultipolar-international-order>
11. *Ходынская-Голенищева М.С.* Подготовка «Женева-2» в свете актуальных аспектов развития сирийского кризиса // Вестник МГИМО. 2013. № 5. С. 33–38. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/en/razdely/international-relations/international-conference-syriageneva-2-difficulties-inter-syrian>
12. *Накашидзе Б.Д.* Наднациональность в международном праве и государственный суверенитет: вопросы совместимости // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 58. С. 177–193. URL: http://ejournal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk__58._oktjabr_2016_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/nakashidze.pdf
13. *Рудницкая А.П., Сагакова К.В.* Основные направления реализации внешней и внутренней политики России в условиях современной системы мирового взаимодействия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4–2. С. 304–307.
14. *Смищенко Р.С.* Регионализм и модели регионализации в сравнительной перспективе // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2. С. 278–281.
15. *Рудницкая А.П., Глинник Ю.А.* Процессы регионализации в странах европейского Союза: вызовы и тенденции // PolitBook. 2016. № 1. С. 92–107.
16. *Харламов А.В., Харламова Т.Л.* Глобализация и системные изменения в управлении российской экономикой // Проблемы современной экономики. 2015. № 2. С. 121–124.
17. *Соловьёва О.А.* Государственное регулирование в условиях экономической трансформации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 8. С. 23–31.
18. *Naisbitt J.* Global paradox: the bigger the world economy the more powerful its smallest players. New York: William Morrow & Co., 1994.

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ*

У каждого государства, стремящегося сохранить свою территориальную, социально-экономическую и культурную независимость, есть некие ценностные каркасы, которые остаются в основе своей неизменными на протяжении длительного социального времени. К такой ценностной основе относится и военная безопасность страны, которая, в совокупности с другими компонентами, призвана обеспечить ее национальную безопасность в целом.

Вообще этим проблемам национальной безопасности в целом, равно как и значению ее отдельных составляющих, уделяется в последнее время все более пристальное внимание, в том числе и нашими московскими коллегами — специалистами Дипломатической академии МИД России (см., напр.: [1: 78–98; 2: 99–115; 3: 158–175]). Статьи на эти темы, в их самых разнообразных ракурсах и аспектах, публиковались и на страницах «Вестника» [4: 21–30; 5: 31–43]. На примере США затрагивались и вопросы сопряжения современной военно-политической мысли с политологическими концепциями и геополитикой вообще [6: 35–50]. В настоящей же статье внимание автора концентрируется прежде всего на взаимосвязи многих из проблем военной безопасности России с рядом геополитических концепций.

К сожалению, исключить военные действия с участием нашей страны, пусть даже первоначально локальные, в современную эпоху, насыщенную множеством больших и малых противоречий и конфликтов, чрезвычайно сложно. По сути, некоторые из таких конфликтов, устойчиво перешедших в фазу боевых действий, гипотетически можно воспринимать как первые уже вспыхнувшие очаги новой мировой войны. В том смысле, что если в ближайшее время их не удастся погасить, то грядущая мировая катастрофа станет вполне возможной, а при определенном стечении обстоятельств даже неизбежной.

Военную безопасность России в этих условиях можно определить как поиск таких форм отношений между нашей страной и ее возможными противниками, которые бы исключали или хотя бы до предела минимизировали саму возможность третьей мировой войны. Форм, обусловленных, конечно, внушительным комплексом действенных

* Ковалев А.А. Военная безопасность России и проблемы геополитики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2016. — № 2 (8). — С. 41–50.

и эффективных политических, экономических, социально-психологических, военных и других факторов. (Это определение можно считать уточняющим и дополняющим первоначальное. В своем диссертационном исследовании автор определял военную безопасность как «особое состояние отношений между государствами (или их коалициями), обусловленное сочетанием политических, экономических, военных и других факторов, исключающих возможность начала войны (военных действий)» [7: 39]).

Логично понимать при этом военную безопасность государства также и как некое качественное состояние, складывающееся из количественных факторов, важнейший среди которых — степень защищенности традиционных национальных достояний и ценностей, самих природных богатств нашей Родины от различного рода внешних и внутренних опасностей и угроз.

Широкие трактовки военной безопасности вообще имеют тенденцию максимально приблизиться к более многомерному понятию «национальная безопасность», стать своего рода его «рабочим ядром». Так, И.В. Радиков считает, что военная безопасность — это «состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития посредством исключения военного насилия» [8: 81–82]. Напомним в этой связи, что национальная безопасность в целом определялась в «Стратегии национальной безопасности

России до 2020 года» как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» ([9]; цит. по: [5: 32]).

Не вдаваясь в глубокие дискуссии по терминологии, в данной статье под военной безопасностью будем преимущественно понимать качество защищенности от агрессии и получения значимого ущерба со стороны других государств.

Говоря сегодня о военной безопасности, нельзя обойти вниманием проблемы геополитики. Саму геополитику тоже трактуют по-разному, причем определения в той или иной мере зависят от мировоззрения, политических взглядов автора, уровня и качества его образования, степени патриотизма и других самых разнообразных факторов. Позволим привести здесь определение профессора В.А. Золотарева, доктора исторических и юридических наук: «Под геополитикой понимается система научно обоснованных и официально принятых взглядов руководства одного государства или коалиции государств на их географическое положение и роль в мировом

сообществе в политическом, экономическом, военном и других отношениях, реализуемых в практической деятельности с целью удержания ведущего положения в мире или регионе и обеспечения национальных и государственных интересов» [10: 8].

В СССР геополитика, наряду с генетикой, кибернетикой и сравнительной лингвистикой, долгое время рассматривалась как лженаука со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями для тех ученых, которые все же имели смелость говорить о необходимости разработки собственных и учета существующих геополитических концепций. Между тем, Советский Союз имел обширнейшие как сухопутные, так и морские границы. Отсюда геополитические интересы великой державы — признавали ли ее лидеры реальность таких или нет — были весьма разнообразными, многоаспектными и требовали комплексной защиты, в том числе и прежде всего — военными средствами. Де-факто, на прагматическом уровне, это, естественно, так или иначе осознавалось и учитывалось руководством страны, но на научном, теоретическом уровне замутнялось господством идеологизированных догм.

Геополитику и поныне часто характеризуют как более-менее удачный междисциплинарный термин, относящийся к социальным дисциплинам, а порой и вовсе навешивают на нее ярлык околонучного неологизма, порожденного творчеством западноевропейских интеллектуалов. Думается, что хотя бы в качестве методологии особого подхода к изучению соотношений географического положения и ресурсных возможностей государств с их внешней (не в последнюю очередь военной) политикой статус геополитики вряд ли целесообразно подвергать сегодня сомнению.

Геополитические концепции широко применяются и в информационной сфере, особенно в ее сегментах, направленных на достижение и сохранение военной безопасности. Впрочем, еще до рождения термина как такового построения геополитического характера слишком часто использовались на протяжении истории для обоснования шовинистических и милитаристских интенций во внутренней и внешней политике.

Спустя столетия, в первой половине XX века, геополитические конструкции на новом качественном уровне были развиты в трудах англичанина Хэлфорда Джона Маккиндера [11] и немецкого генерала, считающегося одним из основателей Общества Туле (Thule-Gesellschaft), профессора Карла Гаусхофера [12]. Маккиндер и Гаусхофер использовали некоторые идеи американского адмирала Альфреда Тайера Мэхэна [13], признанного подлинным основателем геополитики как таковой. Хотя в научной литературе можно встретить и мнение, что само понятие ввел в западноевропейскую интеллектуальную традицию в 1916 году, в разгар Первой мировой войны,

шведский ученый-германofil и политик Рудольф Челлен в своем труде «Государство как форма жизни» [14]. Челлен считал, что, с точки зрения геополитики, три основных фактора оказывают влияние на положение государства: расширение, территориальная монолитность, свобода передвижения. Челлен вычленил геополитику как один из ведущих элементов политики вообще, понимаемой как многоаспектный, многоуровневый и направляемый процесс.

Адмирал Мэхэн развивал концепцию Sea Power, согласно которой завоевание господства на море признавалось основным законом и главной целью войны, достижение которой в наибольшей мере гарантирует победу над врагом и обретение мирового господства [13: 54–60]. Среди прочего адмирал обосновывал необходимость борьбы англосаксонской «морской» расы с «сухопутной» славянской, поэтому призывал сдавить Россию железным кольцом государств, обладающих «морской силой» [13: 59]. В целом он постулировал существование вечного противоречия между сухопутными и морскими державами и выделял то обстоятельство, что лишь всеохватный контроль над океанскими и морскими коммуникациями и крупными портами способен привести к долговременному геополитическому доминированию англосаксов в мире. Россию Мэхэн считал сухопутной, континентальной державой, которую нужно сдерживать совместными силами США и держав-союзников, обладающих «морской мощью».

Теперь, когда после распада СССР наша страна обладает лишь 4/5 своей бывшей территории и во многом утратила былое величие морской державы, некоторые застарелые идеи Мэхэна, к сожалению, оказались реализованными.

Как и Мэхэн, Хэлфорд Маккиндер в своей работе «Демократические идеалы и реальность» призывал сдерживать Россию путем постоянного военного давления на нее [11: 78–80]. Согласно концепции Маккиндера, Россия занимает самое выгодное географическое положение между Европой и Азией, то есть срединное, центральное положение. Поэтому ее ослаблению должны всячески содействовать другие государства планеты. Если смотреть с планетарной точки зрения, то в центре обитаемого мира находится Евразийский континент, в середине которого лежит так называемый Heartland, «сердце мира». Heartland — это самый удобный географический плацдарм для контроля над всей планетой, ибо этот плацдарм через систему концентрических кругов организует иерархию планетарного пространства. В самом его центре находится «осевой ареал» (pivot area). Это геополитическое понятие географически совпадает с Россией, вызывавшей особую ненависть у Мэхэна и Маккиндера.

То, что само понятие «геополитика» напрямую связано с проблемой военной безопасности, не требует особых доказательств.

Геополитические концепции, отдельные идеи и конструкции в той или иной степени всегда служили обоснованием возможной военной, социально-экономической или культурной экспансии, что явно и сегодня. Казалось бы, все перечисленные выше геополитические концепции принадлежат уже достаточно далекому прошлому. Однако, как показывает практика, они продолжают, хотя и в разной степени, воздействовать на умы людей, в том числе (и прежде всего) — на административные, дипломатические и военные элиты многих государств.

Причудливо смешиваясь подчас в головах иных генералов и политиков, как новые, так и старые геополитические идеи непредсказуемо влияют на характер их военно-стратегического мышления. Так, в этой связи О.П. Иванов и А.В. Копылов отмечали, например, «путаницу среди военных руководителей США в прочтении угроз американской национальной безопасности, которая проявилась во время слушаний в Конгрессе США летом 2015 года» [6: 45]. И этот пример — далеко не единственный.

Сложности тут добавляет и тот факт, что относительно современные геополитические идеи, естественно, богаче и разнообразнее рассмотренных «классических». Обратимся лишь к одному примеру.

Еще в 1990 году французский генерал Пьер Галлуа издал книгу «Геополитика. Истоки могущества» [15]. В ней он не только представляет свое теоретическое видение геополитики и основных периодов ее истории, но убедительно доказывает, что геополитика вовсе не тождественна географическому детерминизму и политической географии. Галлуа отмечает, что потенциал государства определяется его территорией, географическим расположением, населением, протяженностью и конфигурацией границ, состоянием недр, экономическими, культурно-образовательными и прочими факторами. При определении потенциала государства непременно и особо должно приниматься в расчет также наличие или отсутствие новейших средств массового уничтожения противника.

Таким образом, если обобщать, то приходим к выводу: отличия современных концепций геополитики от ее классических интерпретаций определяется тем, что в современную эпоху провозглашается ведущая значимость материальных, социальных и моральных ресурсов государства, взятых в их совокупности. Эта совокупность факторов часто именуется «геополитическим потенциалом». Не только активное использование этого потенциала, но порой само его наличие достаточно для успешного осуществления тех или иных внешнеполитических приоритетов.

Ушедший XX век в геополитическом плане был столетием борьбы за мировое господство, которую вели между собой государства или союзы государств, движимые различными идеологическими устрем-

лениями в не меньшей мере, чем сугубо материальными интересами. Идеологии придавался статус науки, как это было с марксистской философией в СССР. Собственно, мир в первой половине XX века стал ареной противостояния (в том числе и военного) трех основных субъектов, ориентированных на победу в глобальном, мировом масштабе. Эти три субъекта — национал-социалистическая Германия, ее союзники и вассалы; Советский Союз и созданный им позднее, после разгрома гитлеровской Германии, так называемый мировой лагерь социализма; англо-американский стратегический альянс, оформившийся после Второй мировой войны в НАТО — широкий блок ведущих (и «ведомых») западных государств.

Нацистская Германия, потерпевшая сокрушительное военное поражение, в геополитическом плане стремилась к мировому господству, расширению «жизненного пространства», обеспечению процветания и весьма своеобразно понимаемого «счастья» лишь для одной нации. Идеологи Третьего рейха все 12 лет его существования пытались сортировать нации и народы, ориентируясь на степень приближенности к арийскому эталону. Причем это стремление к расовой чистоте и изуверски понимаемому совершенству сочеталось с идеями ликвидации «недоразвитых» и «вредных» этносов и полного ущемления прав остальных народов.

Социалистический Советский Союз на протяжении семи десятков лет был ведом догмой об особом мессианском пути и избранности одного общественного слоя — пролетариата, союзником которого выступает беднейшее крестьянство. Ленин не скрывал, что конечная цель Октябрьской революции — осуществление мировой революции, которую можно трактовать и как особого рода геополитическую экспансию. Только Ленин изначально отводил самой России лишь роль экспериментальной площадки для реализации теории и практики мировой революции, а Сталин в интересах правящей партийной бюрократии соединил традиционный русский патриотизм с задачами практической реализации идеи построения великой империи социализма, в которой проблеме военной безопасности уделялось, конечно же, самое пристальное внимание.

Эти идеи не могли не раздражать западный мир, который в 1930-е годы колебался в выборе наименьшего зла между Гитлером и Сталиным, боялся и ненавидел их равным образом.

И все же противоречивая коалиция, в саму возможность которой верили немногие, трагически поздно, когда нацистами уже была захвачена практически вся Европа, но сложилась. Национал-социалистический Третий рейх был повергнут совместными усилиями социалистического СССР и англосаксонского мира. После Второй мировой войны цели последнего явственнее всего сформулировал Уинстон Черчилль в своей речи в Фултоне 5 марта 1946 года. В ней

Черчилль констатировал, что Соединенные Штаты находятся на вершине всемирной мощи. Это состояние он определил как торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и огромную ответственность перед будущим. Черчилль призвал к созданию коалиции народов, прежде всего — говорящих на английском языке, направленной на борьбу против складывающегося мирового социалистического лагеря.

В основу нового западного стратегического альянса легла теория и практика ранжирования стран мира по степени приобщенности к ценностям и идеалам «открытого общества» под планетарной эгидой США, которая, впрочем, открыто и явно не провозглашалась. Крах нацистской Германии, а к концу века и СССР, сделал наглядным и очевидным стремление США ускорить процесс американизации всего мира. Это стремление стало особо рельефным на рубеже третьего тысячелетия и, слившись воедино с объективным процессом всемирной экономической, политической и культурной интеграции, получило название «глобализация».

Глобализация серьезно влияет на современную мировую политику, включая отношения Запада и России. Вместе с тем, никто в мире не отрицает тот факт, что между Западом, который, за исключением отдельных оговорок, по-прежнему нельзя себе представить без экспансионистских планов, и Россией издавна существует значительная напряженность. Эту напряженность можно уже назвать исторически традиционной, что само по себе диктует необходимость крепить обороноспособность государства и не забывать о военной безопасности как важнейшей составной части национальной безопасности в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аникин В., Сурма И.* Международные аспекты экономической безопасности в условиях геополитической нестабильности // Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.
2. *Аникин В., Анненков В., Сурма И.* Энергетическая безопасность как основа национальной безопасности России // Там же.
3. *Неймарк М.А.* Культура как ресурс национальной безопасности России // Там же.
4. Он же. Культура и национальная безопасность России: бремя перемен // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2014. № 2.
5. *Копылов А.В.* О генезисе и сущности понятия «национальная безопасность» // Там же. 2015. № 2 (4).
6. *Иванов О.П., Копылов А.В.* Современные военно-политические концепции США: вперед в прошлое // Там же. № 4 (6).

7. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук по спец. 23.00.02 / Ковалев Андрей Андреевич. СПб., 2015.
8. *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: Дисс. на соиск. уч. ст. докт. полит. наук по спец. 23.00.01 / Радиков Иван Владимирович. СПб., 2000.
9. Российская газета. Федеральн. вып. № 4912. 2009. 19 мая.
10. *Золотарев В.А.* Военная безопасность Государства Российского. М., 2001.
11. *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. New York, Washington, DC: National Defence University Press, 1996. (Первое изд.: Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. London: Constable and Company, 1919.)
12. *Haushofer, Karl Ernst.* Geopolitische Grundlagen. Industrieverlag Spaeth & Linde. Berlin; Wien, 1939.
13. *Mahan, Alfred Thayer.* The Influence of Sea Power Upon the French Revolution, 1793–1812. London, 1967.
14. *Kjellén, Johan Rudolf.* Der Staat als Lebensform. Hirzel, Leipzig, 1917.
15. *Gallois, Pierre Marie.* Géopolitique, les voies de la puissance. Plon, 1990.

ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОГРАММАХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ VII СОЗЫВА*

Военная безопасность ранее ассоциировалась с такими категориями, как «защита социалистического Отечества», «обороноспособность», «военная мощь государства». Впервые на законодательном уровне определение военной безопасности дается в третьей редакции Военной доктрины России в 2010 г., которая рассматривает ее как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять»¹.

Решение задачи по обеспечению военной безопасности предполагает необходимость учета множества параметров, соблюдения специфических норм и принципов. Одним из элементов механизма обеспечения военной безопасности государства выступает нормативно-правовая база деятельности в данной сфере. И именно от того, каким законодательством будет регулироваться система обеспечения военной безопасности, зависит многое, в том числе и судьба страны.

В России завершилась очередная кампания по выборам депутатов Государственной Думы. Каждая из «старых» парламентских партий представляла на суд избирателей обновленные программы, в которых старалась отразить свои позиции по всем актуальным вопросам современной жизни России, в том числе и касательно вопросов темы военной безопасности.

Парламентское участие в вопросах обеспечения военной безопасности выражается в различных формах: в виде разработки, обсуждения и принятия соответствующих законов, утверждения федерального бюджета, в том числе оборонных его статей, ратификации международных договоров, проведения парламентских расследований, связанных с военными инцидентами, и т. д.

Непосредственно вопросы, связанные с обеспечением военной безопасности, находятся в ведении двух комитетов Госдумы — Комитета по безопасности и противодействию коррупции и Комитета

* Ковалев А.А. Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва // Управленческое консультирование. — 2016. — № 11. — С. 39–49.

¹ Военная доктрина Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 05.02.2010 № 146.

по обороне. Комитет по безопасности осуществляет подготовку законопроектов о правовом регулировании деятельности силовых структур — ФСБ, ФСО, СВР, ФСВНГ; о расходах федерального бюджета, направленных на обеспечение национальной безопасности, о социальной защите и пенсионном обеспечении лиц, проходящих службу в системе безопасности Российской Федерации; разрабатывает модельные законодательные акты для государств-участников СНГ и ОДКБ в сфере коллективной безопасности; осуществляет ратификацию международных договоров в области национальной безопасности, участвует в разработке правовых основ, связанных с геополитическими интересами Российской Федерации. В свою очередь, Комитет по обороне рассматривает и подготавливает законопроекты по вопросам обороны, полномочий органов государственной власти в данной сфере, рассматривает вопросы войны и мира, порядка введения и правового режима военного положения, финансирования расходов на оборону и т. д.¹

В информационной системе Государственной Думы происходит фиксация уровня законодательной активности каждого депутата. И анализ этого уровня свидетельствует о том, что с законодательными инициативами активно выступают далеко не все парламентарии. Возможно, это объясняется тем, что не все депутаты имеют образование и опыт практической деятельности, связанные с обороной и безопасностью. На данный аспект следует обязательно обращать и акцентировать внимание, так как плоскость безопасности всегда являлась и продолжает являться краеугольным камнем существования государства на всех этапах его формирования и развития. В какой-то степени этот пробел призван восполнить институт помощников и аппарат профильных комитетов и экспертных советов, где, как правило, работают профессионалы данной сферы. Однако необходима дальнейшая, более глубокая и предметная разработка методологии и инструментария изучения, анализа, формирования и контроля механизмов сферы безопасности.

Правовая основа деятельности Государственной Думы в области обеспечения военной безопасности закреплена в ряде нормативных актов, таких, как «О военном положении»², «О чрезвычайном положении»³, «Об обороне»⁴, «О безопасности»⁵. Рассмотрим подробнее их законодательные и правовые основы.

¹ Официальный сайт комитета Государственной Думы по обороне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet2-15.km.duma.gov.ru/site.xp/049056.html>.

² О военном положении: федер. конст. закон Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

³ О чрезвычайном положении: федер. конст. закон Российской Федерации от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ.

⁴ Об обороне: федер. закон Российской Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

⁵ О безопасности: федер. закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

В сравнительно свежем законе «О безопасности» определяются принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, полномочия и функции органов государственной власти в области безопасности. Согласно данному закону, государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики России. Государственная Дума в соответствии со ст. 9 закона принимает федеральные законы в области обеспечения безопасности¹.

Теперь непосредственно обратимся к обновленным программам парламентских партий, представленным ими в нынешней избирательной кампании. В том, что касается интересующего нас вопроса о военной безопасности, партийные программы во многом основываются на тезисах Послания Президента Федеральному собранию от 3 декабря 2015 г. В нем В.В. Путин акцентировал роль Российской Федерации в борьбе с международным терроризмом². Как мы знаем, Военная доктрина России относит международный терроризм к внешним военным опасностям для нашей страны. Президент делает акцент на то, что одному обособленному государству невозможно справиться с этой проблемой, особенно в условиях, когда границы в мире фактически открыты. Выходом из этой ситуации может стать создание мощного, единого антитеррористического фронта, который будет действовать на основе международного права и под эгидой Организации Объединенных Наций. Также Президент напомнил об общей ответственности власти, политических партий, гражданского общества, СМИ. Обращаясь к лидерам партий и участникам будущего избирательного процесса, ко всем общественно-политическим силам, Президент сказал, что они «должны сохранить нашу сплоченность, помнить, что главное для нас — Россия».

В программе Всероссийской политической партии «Единая Россия» имеется отдельная глава, посвященная справедливости и безопасности для мира и для России³. Партия рассматривает вопросы обеспечения военной безопасности в контексте внешней политики государства. Принципы и подходы в международных отношениях основаны на верховенстве международного права, укреплении коллективных начал и центральной координирующей роли ООН. Говорится в программе и о наличии эффективных, мобильных, хорошо оснащенных Вооруженных Сил, являющихся гарантией безопасности государства.

¹ О безопасности: федер. закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

² Послание Президента Федеральному собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

³ Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/program/33>

Согласно Конституции страны, вопросы внешней политики отнесены к компетенции главы государства. И в этих вопросах партия намерена помогать Президенту на своем, парламентском уровне, в процессе международного сотрудничества, выработки законопроектов и ратификации международных договоров.

В международных отношениях ЕР выбрала вектор активизации деятельности, направленной на нормализацию отношений с Европейским союзом, но только в том случае, если европейские страны проявят к этому встречную активность и политическую волю, т. е. на паритетных началах. Уделено внимание и развитию интеграционных связей в рамках Союзного государства, с евразийской «пятеркой», СНГ. В этой связи хотелось бы уточнить важность и своевременную актуальность данного вопроса, так как «узкое понятие «политическая интеграция» трактуется, как «политический процесс, ведущий к объединению различных государств и других политических сил, к координации и сближению их деятельности» [1, с. 187]. И ударение здесь ставится именно на сближении, что особенно важно в сегодняшней непростой геополитической ситуации. Как видим, Россия всегда готова к конструктивному диалогу не только со своими союзниками или потенциальными геополитическими партнерами, но и со своими оппонентами, и даже с теми акторами, которые открыто называют Российскую Федерацию врагом (или потенциальным врагом) № 1.

Важным вектором развития в программе партии названо укрепление безопасности. Здесь ЕР опирается на положения Стратегии национальной безопасности¹ и Военной доктрины России², в которой обозначены приоритеты в развитии военной организации государства. Это поддержание высокой боеготовности и гибкости Вооруженных Сил, укрепление систем стратегического сдерживания, дальнейшая модернизация неядерных вооружений. На последовательность данной политики указывает тот факт, что 5 декабря 2016 г. Указом Президента № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» была принята новая программа обеспечения государственной безопасности в ее информационном секторе. И связано это, прежде всего, с «увеличением масштабов применения отдельными государствами и организациями информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

² Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

и ее союзников и представляющих угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности» (п. 15 Указа)¹.

Данный пункт Указа интересен еще тем, что отражает формирующийся в последнее время тренд политической и государственной деволюции, когда полномочия частично передаются от общенациональных и наднациональных структур в пользу преобладания первостепенности и важности региональности. Касательно применимости данного аспекта к сфере парламентаризма и функционирования современных партий, можно отметить, что наметилась тенденция к необходимости перераспределения внимания партийной активности в сторону низового уровня, накладывая дополнительную, более конкретизированную и личностную ответственность на решение законодательных и управленческих задач. При этом эффективность или неэффективность решения таких задач на региональном уровне проявляется намного оперативнее и более показательнее, что, в свою очередь, так же динамично формирует общественное мнение о заявленных партиями приоритетах и позициях, и их фактической и результативной (или не результативной) деятельности.

В области внешней политики по вопросам военной безопасности партия выступает за недопущение эскалации конфликтов, гонки вооружений и конфронтации России с кем бы то ни было, за выстраивание конструктивных партнерских отношений со всеми центрами силы современного мира.

Можно сделать вывод об адекватности современной международной и внутри-политической обстановки предложенной программы партии «Единая Россия», ее нацеленности на единую с Президентом страны политику в сфере военной и национальной безопасности. Являясь правящей партией и традиционно получая на выборах большинство в парламенте, ЕР имеет все возможности для реализации своей стратегической программы. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что государственная политика современной России становится все более планомерно последовательной, и доказывает свою эффективность, получая стабильно высокую избирательную оценку от российского электората (общества). А в плане свидетельства преемственности российского парламентаризма можно повторить слова Президента РФ В.В. Путина, процитировавшего слова П.А. Столыпина, произнесенные также в свое время депутатам Думы России век назад: «Мы все должны соединить усилия, свои обязанности и права для поддержания исторического, высшего права России — быть сильной».

¹ Указ Президента от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>

Также партия «Единая Россия» в своей программе настаивает на немедленном и безусловном снятии антигуманных и незаконных во всех смыслах односторонних санкций ЕС с жителей Крыма¹. Там же предложена концепция договорной дипломатии и «мягкой силы», обозначенной использованием «инклюзивной системы региональной безопасности, включающей как США и их союзников, так и Китай, и Россию. При этом нашей стране важно занимать нейтральную позицию»². Поэтому так же оговорена позиция в отношении готовности идти на диалог и выстраивание паритетных отношений с Украиной, с целью стабилизации внутренней деструктивной ситуации в этом государстве и геополитическом партнере.

Если в целом взглянуть на программу «Единой России», то она сводится к предложению и готовности вести переговоры и политический диалог даже со своими геополитическими оппонентами и критиками, включая, в том числе, и стратегических потенциальных соперников. Другими словами, данная программа направлена на попытку достижения консенсуса в вопросе стабилизации сегодняшней геополитической обстановки и звучит призывом к формированию новой, прозрачной и справедливой системы международной безопасности.

Коммунистическая партия Российской Федерации представила «Программу возрождения»³, основная цель которой заключена в экономическом и духовном возрождении России. Программа КПРФ состоит из десяти разделов. Отметим те позиции, которые связаны с обеспечением военной безопасности. Первый раздел программы компартии назван «Страна в руках народа». Для обеспечения военной безопасности КПРФ предложено проведение национализации, в том числе предприятий ВПК, что снизит зависимость России от иностранного капитала в оборонной сфере. В разделе программы, посвященном развитию села, выделена важность аспекта сложившейся нынешней ситуации с продовольствием, что сформировало опасность дополнительной угрозы национальной безопасности страны. В разделе «Сильная страна — безопасность жизни» КПРФ напоминает, что в предвыборной программе 2011 г. партия настаивала на проведении новой внешней политики, в связи с тем, что кольцо военных баз НАТО вокруг России все крепче, все жестче уровень санкций и преследований наших соотечественников. Сегодня КПРФ считает необходимым сформировать авторитетное профессиональное правительство народного доверия, которое было бы способно укрепить национальную безопасность, упредить позиции

¹ Программа партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/program/userdata/files/2016/07/28/predvybornaya-programma.pdf>

² Там же.

³ Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party/program>

страны на мировой арене. Также партия призывает существенно повысить боеготовность Вооруженных Сил и авторитет воинской службы. Особое внимание, согласно данной программы, должно быть уделено информационно-технологической безопасности.

Учитывая, что Компартия РФ является оппозиционной партией, необходимо заметить, что реализация ряда выдвинутых ею предложений проблематична, так как они вступают в явное противоречие с политикой действующей власти (например, в вопросе о национализации). Тем не менее, к позиции второй по величине партии России власть не может не прислушиваться, ведь в этой программе содержится много рациональных предложений, которые можно использовать для формирования эффективной сферы безопасности нашей страны в частности, и укрепления государственности в целом.

Программа Либерально-демократической партии России содержит 21 раздел, построенный на 70 тезисах В.В. Жириновского¹. В преамбуле к программе говорится, что ЛДПР стремится к улучшению жизни граждан России, укреплению ее позиций в мире.

Первая программа партии была подготовлена в 1989 г., но большинство положений — таких, как сильное государство, сильная армия и патриотическое общество, — остаются актуальными и сегодня. В ЛДПР считают, что ядерное оружие России на сегодня остается наиболее сильным аргументом и фактором, который сдерживает США и их союзников от потенциально возможного военно-силового передела мира.

Вопросы внешней политики и вопросы военной безопасности отражены в двух тезисах — «Братская Украина» и «Полыхающий Ближний Восток». Позиция ЛДПР по ситуации в Украине следующая: всем юго-восточным регионам Украины должен быть направлен «посыл» о готовности России рассматривать вопрос о союзничестве или их вступлении в состав Российской Федерации в случае такого своего волеизъявления и по результатам итогов референдумов. При этом Россия со своей стороны должна получить гарантии невступления Украины в НАТО, в противном случае — начать подготовку к восстановлению своих военных баз за рубежом, как необходимого компонента обеспечения своей государственной и национальной безопасности.

По ближневосточному вопросу говорится, что уже в 1993 г. лидером ЛДПР были подробно описаны все возможные сценарии развития кризисов на Ближнем Востоке. Партия отмечает, что нахождение наших войск в Сирии оправдано, и сожалеет о том, что в связи с выводом войск из Вьетнама, Кореи, Мозамбика, Анголы, Афганистана, Кубы и Восточной Европы Россия утратила свое геополитическое

¹ Программа ЛДПР [Электронный ресурс]. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/

влияние в этих регионах мира и, как следствие, геополитический вес на мировой политической арене.

По мнению ЛДПР, внешняя политика нашего государства должна быть направлена на то, чтобы Россия стала центром интеграции государств, заинтересованных в политическом равноправии Востока и Запада. Для этого необходимы: интеграция бывших республик СССР в единое унитарное государство, четко обозначенная и донесенная геополитическим оппонентам внешнеполитическая линия, готовность отстаивать интересы России всеми возможными средствами, планомерное создание военных союзов и военных баз между странами ШОС и БРИКС, как обоснованный противовес динамическому расширению блока НАТО.

Программа ЛДПР традиционно носит довольно радикальный характер, граничащий с агрессивностью. Однако значение ее состоит скорее в том, чтобы оттенять выверенную и взвешенную политику государства, выступая «глашатаем» активно настроенной части российского сообщества. Вместе с тем необходимо заметить, что активизация только тех усилий, которые направлены на формирование военно-оборонительного потенциала, не сможет в достаточной степени компенсировать слабости прочих синергитичных факторов силы, способных обеспечить России статус великой и суверенной державы. Существует острая необходимость модернизации и диверсификации экономической сферы, планомерного наращивания гуманитарных и иных факторов «мягкой силы», которые смогут обеспечить формирование базового фундамента обеспечения национальной безопасности нашего государства [1, с. 46–55].

В программу партии «Справедливая Россия»¹ был включен раздел «Россия в глобальном мире» и отдельный подраздел — «Национальная безопасность», который гласит, что надежную безопасность России могут обеспечить только высокоэффективные Вооруженные силы, гарантирующие сохранение суверенитета и территориальной целостности страны. По мнению партии, для успешного решения оборонных задач Вооруженные силы должны иметь высококвалифицированные кадры, рациональную структуру, сбалансированный боевой состав, надежную систему управления, современное вооружение и военную технику. В части, посвященной социальному обеспечению военнослужащих и членов их семей, «Справедливая Россия» предлагает: увеличение денежного довольствия, решение жилищных проблем и вопросов пенсионного обеспечения, улучшение системы медицинского обеспечения и социальной адаптации военнослужащих.

¹ Программа партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/1_83.html

Согласно программе партии СР, необходимо поставить механизм распределения жилья под контроль ветеранских и общественных организаций военнослужащих запаса. Еще одна инициатива предусматривает налоговые льготы для малых и средних предприятий инновационного бизнеса, в которых работает не менее 50% военных пенсионеров. Уделено внимание обновлению материально-технической базы военно-медицинских учреждений, а также недопущению сокращений или реорганизаций лечебных заведений для военнослужащих. Все это естественным образом должно положительным образом сказаться на повышении имиджа и статуса армии, что станет дополняющим синергетичным звеном и эффектом в построении конструкции сильной и действенной обороноспособности нашей страны.

В подразделе «Военная инфраструктура и престиж Вооруженных сил» «Справедливая Россия» декларирует положения, аналогичные тем, что изложены в Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине Российской Федерации. В частности, это касается вопросов строительства Вооруженных сил, внедрения современных методов и способов ведения вооруженной борьбы, совершенствования системы технического оснащения войск.

Единственная из парламентских партий, «Справедливая Россия», концептуально подошла к вопросу формирования базового потенциала национальной и государственной безопасности, предлагая развивать систему кадетских, суворовских и нахимовских училищ, как надежного источника будущих военных кадров. В свое время лидер партии С. М. Миронов, будучи председателем Совета Федерации, по просьбе общероссийской общественной организации «Российское кадетское братство» взял на себя функции шефа-попечителя кадетских корпусов и училищ России. И в этом направлении было сделано немало. В структурах силовых органов власти имеются сегодня кадетские образовательные учреждения: в Минобороны их 27¹, в МВД — 7², в ФСБ — 1³, в ФСВНГ — 1⁴. Кадетские училища существуют и в системе Министерства образования и науки, а также в субъектах Федерации. Так, совсем недавно был заложен первый камень в строительство Тульского суворовского военного училища, инициатором которого выступил губернатор Тульской области Герой

¹ Интернет-портал Минобороны России. Среднее образование [Электронный ресурс]. URL: <http://ens.mil.ru/education/secondary.htm>

² Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/edu>

³ Официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/structure.htm>

⁴ Московское президентское кадетское училище им. М. А. Шолохова [Электронный ресурс]. URL: <http://mpku-vv.ru>

России генерал А. Г. Дюмин¹. Это стало символическим действием, направленным на формирование фундамента возрождения воинской славы российского государства.

Хотелось бы остановиться на предложенной партией «Справедливая Россия» инициативе относительно создания системы частных военных компаний, способных защитить национальные интересы России (в том числе за ее пределами) без прямого участия государства, а также обеспечить дополнительную возможность сохранения боевых навыков и трудоустройства бывших военнослужащих с высоким уровнем профессиональной подготовки. Данная инициатива вызывает ряд вопросов и требует общественного обсуждения. Особенную значимость данное предложение приобретает с учетом актуализации проблематики вопроса «гибридных войн» и таких явлений, как «теории управляемого хаоса», и эскалацию использования такого геополитического инструмента, как «цветные революции».

Предложенный партией «Справедливая Россия» законопроект относительно частных армий, довольно неоднозначная дилемма в контексте вопроса национальной и государственной безопасности. С одной стороны, это позволяет использовать такую современную, и сложную пока в понимании, но уже активно применяемую на практике модель ведения вооруженного и геополитического противостояния, как «гибридная война». Такой способ отстаивания своих интересов во многом позволяет решать вопросы точно и ситуационно на внешнеполитическом уровне. Но с другой стороны, мы должны оценивать степень угроз и опасностей, возникающих вследствие того, что данные военные формирования частично выходят из-под контроля государства, тем самым возникает опасность угрозы уже внутренней. Следует четко понимать, что раздробление функционала, обязанностей и возможностей государства и армии может спровоцировать ряд непредсказуемых и конфликтных ситуаций, от сепаратизма до манипулятивного использования данных инструментов со стороны внешних акторов в своих геополитических, стратегических и тактических целях.

Еще одно направление программы партии СР посвящено оборонно-промышленному комплексу. Здесь представлены 5 тезисов относительно повышения качественных параметров Вооруженных сил за счет ускоренного развертывания серийных поставок новейших образцов вооружений и военной техники, последовательного наращивания поступления современной военной техники в войска. Важность и своевременность необходимости формирования и развития

¹ *Гаврилов Ю.* Сергей Шойгу заложил камень в строительство Тульского СВУ [Электронный ресурс]. URL: // <https://rg.ru/2016/05/06/reg-cfo/sergej-shojgu-zalozhil-kamen-v-stroitelstvotulskogo-svu.html>

подобной тенденции особо актуальна в связи с фактическим нахождением геополитического пространства в исторической точке бифуркации политической и социальной мировых систем.

В качестве приложения к предвыборной программе партии «Справедливая Россия» разработана программа «25 справедливых законов»¹, однако среди них нет конкретизированных законодательных инициатив в сфере обороны и безопасности государства. Единственная, реально обозначенная инициатива связана с государственным пенсионным обеспечением военнослужащих в Российской Федерации. В ней предложено применение льготной нормы исчисления стажа: для участников боевых действий — год за три; для служащих в армии — год за два.

Таким образом, в программе каждой из парламентских партий можно найти рациональное зерно, выделить предложения и инициативы, которые могут быть использованы государством в деле обеспечения обороны и национальной безопасности. Так как, по меткому выражению Ч. Мака, «подобные партии действуют «на краях» сложившейся системы, по сути предлагая альтернативные существующим «левую» и «правую» повестки дня» [6, с. 23]. Очевидно, что и Администрацией Президента, и Правительством РФ все представленные в прошедшей избирательной кампании партийные программы будут внимательно изучены, проанализированы и учтены при выработке совместных Госдумой планов законодательной деятельности. В то же время нам представляется, что партии все еще уделяют вопросам безопасности недостаточно внимания, не считают их первостепенными в сегодняшних условиях, в то время как международная обстановка, складывающаяся вокруг России, становится все более напряженной и непредсказуемой.

Потенциал для решения вышеперечисленных задач у России есть, и здесь мы согласны со многими политическими и экономическими отечественными исследователями, что он «коренится в дальнейшем наращивании «веса» России на евразийском геополитическом, экономическом и культурном пространстве, повышении роли Российской Федерации в формирующемся полицентричном мире» [4, с. 22].

Если сравнивать программы партий созывов, предшествующих VII, то просматривается явный переход от формы гибридных классических и разносторонних тезисов и целей к выстраиванию синтезированной обобщающей и взаимодополняющей идеологии, направленной на формирование общего концепта национальной и государственной безопасности, уделяя значительное внимание и таким глубоким сферам российского сообщества, как духовность, образование и инфор-

¹ 25 справедливых законов [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/5_77509.html

мационно-психологическая защита населения. Вопросу безопасности партии в своих программах стали более значительно уделять внимание, и это стало для них объединяющим началом.

Период становления России в 1991—1993 гг. существенно дискредитировал идею парламентаризма, так как сначала была идеологически разрушена сама мысль о целесообразности существования СССР, а затем, точно так же, была нивелирована сама логика идеи социального и внутри— и геополитического баланса с помощью инструментария парламентаризма.

Партии, являясь выразителями определенных групп и классов населения страны, с одной стороны, отражают мнение общества, а с другой, в результате усредненности этого мнения в Парламенте, оказывают формирующее воздействие на это самое общество. Кризис парламентаризма в начале 90-х, и сейчас, уже в 2000-х годах, ярко показывает, что в условиях бифуркации и турбулентности возникает острая и логично мотивированная потребность в «ручном управлении» государством, пребывающем в кризисной ситуации, и окруженному внешними угрозами и опасностями. Это несколько напоминает ситуативное принятие решений при управлении самолетом — когда все вокруг спокойно, обстановка позволяет отпустить управление на автоматический выверенный режим, и таким образом происходит передача некоторых функций на механизмы и инструменты, согласованные и предусмотренные самой архитектурой и конструкцией самолета. Но когда самолет входит в область турбулентности или появляется незапланированная (непредвиденная) опасность, летчик просто обязан взять штурвал в свои руки. И в политическом аспекте данное сравнение не может выступать аналогией с авторитаризмом, потому что является лишь инструментом обеспечения национальной и государственной безопасности.

Таким образом, деятельность современных политических партий в современных условиях бифуркации и геополитической конфронтации должна быть направлена на сознательную, четко обозначенную многовекторную и многоэшелонную адаптацию государственной системы к существующим объективным социальным и политическим реалиям с учетом структурных и институциональных изменений социума, и ростом и разнообразием геополитических внешних угроз. При этом следует учитывать специфику современного этапа развития общества, в котором происходит постоянное сверхдинамичное формирование социальных, политических и военных вызовов, развивающихся в предельно кратких исторических сроках.

Современный структурный кризис мирового сообщества вызвал многовекторную диверсификацию институциональной архитектуры социума, государства и геополитического пространства, в свою очередь вызванных таким же эволюционными структурными сдвигами в понимании и формировании политических практик и систем.

Поэтому, исходя из вышеперечисленного, можно считать, что учитывая важность переходного и в известной доле конфронтационного периода, в котором сейчас находится Россия, необходимо объективно прислушиваться ко всем конструктивным идеям и конкретизированным позициям абсолютно всех парламентских групп и направлений политикума Российской Федерации, направленных на взвешенное и адекватное геополитической обстановке усиление обороноспособности, национальной и государственной безопасности, но при этом с позиции реалистичности обстановки и возможностей. А также, учитывая объективность и субъективность аргументации и обоснованности этих взглядов, позиций и предложений, следует четко понимать, осознавать и принимать к сведению то обстоятельство, что только объективный поиск компромиссов и комплексных решений в поисках разумного консенсуса при удовлетворении запросов социума, но с прагматично обоснованной под реалии сегодняшней геополитической ситуации программой государственного развития, Россия сможет выстроить эффективную систему баланса исполнительной и законодательной власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Балашов А.И.* Военный потенциал и экономические ограничения российской армии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 34 (319). С. 46–55.
2. *Косов Ю.В., Фокина В.В.* Политическая регионалистика. СПб.: Питер. 2009. С. 187.
3. *Шамахов В.А., Балашов А.И.* Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. 2016. № 1 (85). С. 22–30.
4. *Dynamics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
5. *Linz J.* The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. N 1. P. 55.
6. *Mack C.* When Political Parties Die. Westport: Praeger, 2010. P. 23.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ И УКРЕПЛЕНИЕ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ*

Сегодня в России вновь обострились дискуссии по поводу роли гражданского общества в жизни страны, в особенности — является ли эта роль благой или же деструктивной для укрепления военной мощи государства. В этой статье мы обратимся к некоторым аспектам проблемы влияния гражданского общества на укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций, которая пришла на смену либеральной эйфории по поводу «конца истории» и создания однополярного мира с доминированием в нем США. В современном мире возникают новые центры силы, носящие по большей части ярко выраженный цивилизационный характер. Прежде всего в этой работе нас будет интересовать ответ на вопрос: является ли деятельность гражданского общества в современной России позитивной и продуктивной для укрепления военной безопасности, без которой русской цивилизации и всему русскому миру немислимо достойно отражать идеологический, культурный, информационный, да и военный натиск противостоящих цивилизационных конгломератов.

Мы рассматривали ранее некоторые важнейшие черты основных цивилизационных общностей, равно как и основные противоречия между ними [6]. Здесь лишь отметим, что в течение последних десяти лет цивилизационное пространство, вступившее в противостояние с западной и иными цивилизациями современного мира, все чаще именуют понятием «Русский мир» [1; 9]. Русский мир является единым цивилизационным пространством на территории исторической Руси, т. е. бывшего Советского Союза, оказывая духовное воздействие на соотечественников по всему миру. Это пространство покоится на трех столпах: православие; великая русская культура и богатейший русский язык; общая историческая память о тяжелой и славной судьбе. Даже ныне покойный ненавистник России Збигнев Бжезинский был вынужден признать в интервью газете «Сегодня»: «Советский Союз был исторической Россией, называемой Советским Союзом»¹.

* Ковалев А.А. Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. — 2017. — №9. — С. 18–28.

¹ Сегодня. 1994. № 157 [Электронный ресурс]. URL: <http://russway.narod.ru/articles/bjezin.htm>

Мы не будем здесь касаться незавидной роли в деле уничтожения СССР некоторой части бывшей советской интеллигенции, которая считала себя столпом не только гражданского общества, но и державы в целом, а порой и всего миропорядка вообще, уподобляясь в этом небезызвестному Васисуалию Лоханкину из бессмертного романа «Золотой теленок». Роль эта однозначно деструктивна, и о ней хорошо в свое время сказал бывший диссидент и талантливый мыслитель А.А. Зиновьев: «Целили в коммунизм, а попали в Россию» [10]. Одновременно с осознанием гибельности и пагубности выбранного в начале 1990-х годов разрушения Русского мира начался процесс осознания ошибок и попыток их исправления, в чем активно приняли участие как многие патриотически ориентированные политологи (С.Г. Кара-Мурза, А. Дугин, А.М. Трайнин), так и высшие должностные лица государства.

Именно Президент В. Путин еще в конце 2006 г. дал стимул для современного оживления дискуссий о Русском мире. Выступая на встрече с творческой интеллигенцией в Доме Державина в Санкт-Петербурге, в канун Года русского языка, Президент в качестве важнейших составляющих «Русского мира» выделил «русское слово» и «русскую культуру». В.В. Путин тогда отметил: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами. Почаще употребляйте это словосочетание — „Русский мир“»¹. Это пожелание Президента начало воплощаться в политическую реальность общественоведами и политологами. Поэтому дискуссии о Русском мире как о некоей общности приняли оживленный характер в российском гражданском обществе.

Представляется необходимым сказать несколько слов о гражданском обществе в целом. Само это понятие относится к группе социально-философских и политико-правовых концептов, и вследствие своей существенной значимости приобретает порой категориальный характер. В черновиках И. Канта есть любопытный фрагмент, озаглавленный «Характер человеческого рода». Философ ставит вопросы и отвечает на них: «Каково природное назначение человека? Высшая культура. Какое состояние делает это возможным? Гражданское общество» [4]. Следовательно, гражданское общество понимается как состояние, без которого невозможно достижение подлинной культурной стадии в человеческой истории.

Г.В.Ф. Гегель, для которого государство, как известно, обладало высшей ценностью («Государство — это шествие Бога в мире») [2, с. 284], отмечал в «Философии права»: «В гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто» [2, с. 228].

¹ РФ сегодня. 2007. № 4.

В целом за всю двухсотлетнюю историю активного употребления термина «гражданское общество» чаще всего он соотносился с такими формами организации общественной жизни, как государство и семья. Часто при его употреблении явно или скрыто подразумевались различные формы общественного сознания и сферы и уровни регуляции жизни общества: экономика, право, политика, мораль. Это соотношение рассматривалось по объему и по функциям гражданского общества, а также по его роли в жизни страны.

По своему объему гражданское общество или включает в себя все, кроме государства, понимаемого как аппарат управления (по Марксу), или даже не включает в себя семью (по Гегелю). Спектр мнений и точек зрения довольно широк и порой противоречив. Гражданское общество захватывает тот уровень политических и экономических отношений, который напрямую не регулируется государством. Чаще всего в современную эпоху гражданское общество противопоставляется властному государственному аппарату.

Считается, что уровень самостоятельности и независимости гражданского общества напрямую связан с уровнем благосостояния в стране: чем богаче в стране большинство граждан, тем более они, как часть гражданского общества, независимы от государства. Уже здесь отметим существенное для нашей темы обстоятельство: опыт истории показывает, что богатые люди чаще всего в часы опасности для Отечества думают лишь о спасении собственных «кошелек и жизни». Тому можно найти массу примеров хотя бы в художественной литературе. У капиталистов нет Отечества, если перефразировать известные слова В.И. Ленина.

К. Маркс отмечал: «Выражение «гражданское общество» возникло в XVIII в., когда отношения собственности уже освободились из античной и средневековой общности. Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и прочей идеалистической надстройки» [8, с. 71].

Отметим, что в России сами ее грандиозные размеры не способствовали развитию и процветанию как демократических тенденций в управлении страной, так и гражданского общества. Гражданское общество в Европе сложилось в общих чертах еще в XVII в. Но процесс его формирования в России был сопряжен с определенными трудностями. Несхожесть форм гражданского общества в Западной Европе и в России определялась коренным различием их социальных основ. В Европе социальной основой гражданского общества выступало третье сословие, а в России таковой основой было дворянство, близкое к высшей власти.

Некоторые историки и философы замечают, что в дореволюционной России сложилась трехступенчатая социальная иерархия: государственный аппарат управления, дворянское гражданское общество и народ. Народ был, по сути дела, вытеснен из политической жизни в сферу «естественного состояния», каковым идеологами русского Просвещения признавались для него отношения личной зависимости. Даже просвещеннейшие люди, наподобие Н.М. Карамзина, видели в крепостном праве благо, ибо народ российский просто обречен на гибель без мудрой и доброй власти. Поэтому в дворянских идеологических концепциях гражданского общества доминировал этиатический позитивизм.

Этиатический позитивизм возводит воображаемую границу между государством и собственно гражданским обществом, интересы которого государство отстаивает лишь тогда, когда они превращаются в государственные интересы. Но эта граница из виртуальной чаще всего превращается в реальную. История показывает, что чаще всего интересы гражданского общества и государственного аппарата совпадают лишь во время войн и глобальных бедствий.

На наш взгляд, идеологи либеральных реформ 1990-х годов забыли о том (или же просто не читали Канта, Гегеля и Маркса), что гражданское общество и правовое государство отнюдь не бесконфликтны. Напротив, они наполнены неразрешимыми противоречиями, ибо многие протекающие в них процессы протекают в свободном режиме без какой-либо подстраховки со стороны государственной власти. Но в привыкшей к правовому и этическому этиатизму России это часто воспринимается как трагедия. Именно в гражданском обществе как ни в каком другом, видимо, создаются предпосылки для того, чтобы бедные становились еще беднее, а богатые — чрезмерно богатыми людьми.

Гражданское общество ассоциируется чаще всего с рыночной экономикой, которая в начале горбачевских реформ казалась панацеей от всех социальных бед, а потом наступило горькое разочарование. Ибо «не знали тогда наши наивные сограждане и образованные, но лишённые практического жизненного опыта интеллигенты, что в рыночной экономике наверх поднимается не тот, кто умнее или лучше работает, а тот, кто способен безжалостно топтать своих ближних, родных и друзей, и по их телам подниматься наверх» [3, с. 52]. Поэтому в нашей стране в последние годы наблюдается как разочарование в либеральной парадигме, так одновременно и сильная тоска по канувшей в Лету могучей цивилизационной и духовной общности, выраженной Советским Союзом.

Реальным физическим центром для возрождения такой цивилизационной и духовной общности, выходящей за пределы одной страны, становится современная Россия. К идее Русского мира как плацдарма для противостояния цивилизаций шли на протяжении

двух десятков лет после гибели Советского Союза как исторической России. После трагических событий 1991 г. явственно зримы стали черты кризиса цивилизационного сознания российского народа, оказавшегося правопреемником СССР и всего культурно-исторического наследия, выработанного за века российской истории. Лишь в современную эпоху начинается возрождение цивилизационного сознания, и связано это возрождение с растущей военной опасностью для нашей страны.

Военная опасность для России будет существовать всегда. Гигантские богатства и просторы нашей страны всегда были, есть и будут привлекательными для самых разнообразных агрессоров. Капитализм первоначального накопления, в который Россия оказалась ввергнутой реформами Ельцина, отбросил страну на обочину социального прогресса. Забыли верные мысли основоположников марксизма о том, что пока будет существовать капитализм, войны неизбежны. Вспомним хотя бы эти слова Ленина: «Война — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир» [7, с. 41].

Гражданское общество в современной России противоречиво, аморфно и не обладает внутренней целостностью. Но политические симпатии и антипатии, равно как и царящие в гражданском обществе настроения, не должны губить национальную идеологию, т. е. патриотизм. В деле патриотического воспитания именно готовность обеспечить военную безопасность Родины является ключевой составляющей. Военная безопасность, с одной стороны, должна быть доверена профессионалам, а с другой, она должна быть делом всего народа.

Для гражданского общества в широком понимании важно участие в разумном контроле над действиями власти. Главной целью гражданского контроля выступает совершенствование системы политического управления. В этом равным образом заинтересованы как сама власть, так и гражданское общество. Если вывести за скобки деструктивно настроенную часть гражданского общества (некоторых представителей интеллектуальной богемы наподобие работников и адептов радиостанции «Эхо Москвы»), то патриотически ориентированные граждане должны быть кровно заинтересованы в деле обеспечения военной безопасности своей Родины, ибо Россия — их земля и родная страна. У космополитов деструктивного толка слово «Родина» вызывает презрительные усмешки, а потому ни о каком допуске одиозных личностей наподобие Н. Сванидзе, Е. Альбац или Ю. Латыниной к контролю над действиями в деле укрепления безопасности страны не может быть и речи. Россию такие деятели называют не иначе как «эта страна».

Власть при этом должна была бы предоставлять гражданскому обществу возможности и условия для осуществления такого контроля, прежде всего, через информирование его о своей военной политике и реформах в военных и силовых ведомствах. Это сложно сделать в эпоху обострения международных отношений и цивилизационного противостояния, но к этому нужно стремиться. В свою очередь гражданское общество должно не просто интересоваться конкретной информацией о политике обеспечения военной безопасности, но и активно и широко обсуждать соответствующие проблемы. Гражданское общество в идеале должно выработать консолидированную общественную позицию по тем или иным вопросам, осознавая то обстоятельство, что гражданский контроль — это не просто формальность, не удовлетворение праздного любопытства или предотвращение возможных нарушений и злоупотреблений, но и забота о повышении эффективности работы контролируемых организаций.

Гражданское общество можно классифицировать по различным составляющим его сегментам. В целом, классовый подход к структуре бывшего советского общества работает сегодня не в полной мере. Изменились социальные условия, деформировался сам социум, нормы права и морали. Как, например, классифицировать доцента, в советское время относившегося к «прослойке», т. е. «трудо-вой интеллигенции», но ныне живущего плодами трудов своих на дачном участке? Или куда отнести врача, вынужденного подрабатывать таксистом? Современная социальная реальность поставит в тупик даже самого опытного классификатора и науковеда.

Как бы то ни было гражданское общество современной России можно подразделить, на наш взгляд, на следующие сегменты: квалифицированные рабочие промышленности; низко квалифицированные рабочие промышленности и поденщики; трудящиеся в сельской местности или живущие сельскохозяйственным трудом; в полном смысле этого слова трудовая интеллигенция (врачи, учителя, преподаватели вузов). Мы не относим к гражданскому обществу чиновников, представителей армии и спецслужб, ибо они относятся непосредственно к государству, т. е. аппарату управления, насилия и принуждения, и напрямую зависят от власти и выполняют ее волю. Да и вопросы военной безопасности страны, как правило, входят в круг профессиональных интересов армии и некоторых спецслужб, вне зависимости от степени патриотизма их конкретных представителей. Трудно также отнести к гражданскому обществу люмпенов, представителей творческой богемы, сексуальных меньшинств, разнообразные криминальные элементы, ибо перечисленные группы, как правило, лишены патриотической и гражданской составляющей в своем мировоззрении, а потому вопросы военной безопасности страны, да и сама страна в целом их волнуют мало.

Исторически сложилось так, что российская модель гражданского контроля над органами военного управления имеет этатический характер. Это выражается в жестком контроле со стороны государства за процессами создания и функционирования структур гражданского общества. Стремление «держать и не пущать» даже в самых невинных сферах ведет к оппозиционным настроениям в гражданском обществе. В целом, эффективность гражданского контроля над органами военного управления довольно низка. Это усугубляется и наличием Закона о государственной тайне¹, который устанавливает запрет на распространение информации, отнесенной к государственной тайне. Аналогичные правовые акты есть практически в любом государстве мира, но вирусы шпиономании до сих пор пребывают в латентном состоянии у многих государственных чиновников в нашей стране и часто активизируются. Тридцатые годы XX в. давно стали историей, но чрезмерная бдительность влезла в плоть и кровь отечественного чиновничества на генетическом уровне.

С другой стороны, разведки стран, цивилизационно противостоящих России, именно в последнее время проявляют повышенную активность. Но, к сожалению, законом о государственной тайне широко пользуются руководители некоторых министерств и ведомств, наделенных правом отнесения сведений к категории «государственная тайна», и включают в соответствующие перечни и ту информацию, распространение которой им не выгодно. Таким способом покрываются прежде всего коррупционные преступления.

К предмету гражданского контроля в области обеспечения военной безопасности можно отнести: правовую обоснованность решений органов военного управления с точки зрения соответствия нормам российского и международного законодательства; ход выполнения программ реформирования силовых министерств и ведомств, социальную обеспеченность военнослужащих, сотрудничество с другими государственными и международными организациями в сфере обороны и безопасности; соблюдение требований Конституции и законов в отношении прав и свобод граждан, проходящих службу в органах обеспечения военной безопасности и членов их семей; соблюдение бюджетных расходов на нужды обороны и безопасности; соблюдение законности при рассмотрении органами военного управления обращений и жалоб военнослужащих и членов их семей.

На наш взгляд, гражданский контроль в сфере обеспечения военной безопасности состоит из трех этапов: систематический мониторинг решений и действий должностных лиц, в полномочия которых

¹ О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1; Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года № 1203.

входит ответственность за обеспечение военной безопасности; проведение общественной экспертизы по конкретным решениям и действиям органов военного управления; публичное представление результатов. Самые разные общественные организации, включая правозащитные, профсоюзные, ветеранские, женские, претендуют на особую роль в гражданском контроле над силовой составляющей государства и системой обеспечения военной безопасности. В России наибольшей степенью активности в этой связи отличаются следующие организации: «Комиссия по делам ветеранов при Президенте России», «Координационный совет по социальной защите военнослужащих при Председателе Совета Федерации», «Комиссия по проблемам национальной безопасности и социально-экономическим условиям жизни военнослужащих Общественной палаты Российской Федерации», «Комитет солдатских матерей России», Всероссийское общественное движение «Боевое братство» и другие.

Это, безусловно, свидетельствует о росте гражданской активности в нашем обществе, наличии в нем неудовлетворенности тем, как функционируют и управляются со стороны государственных органов соответствующие военные структуры. К «гласу народа» властные структуры прислушиваются с разной степенью внимательности, но интенсивнее и чаще всего это происходит во время разнообразных выборов. В то же время понятно, что никакая общественная организация не может монополизировать право на гражданский контроль в военных вопросах, ибо это быстро приведет к ее превращению в закрытую корпоративную структуру. Напротив — самый широкий и открытый общественный контроль может стать залогом позитивных изменений в этой сфере. Хотя подчеркнем еще раз, что в тяжелые времена цивилизационного противостояния такой контроль испытывает весьма и весьма существенные трудности и ограничивается — порой без должных на то оснований.

Роль средств массовой информации как главного проводника информационной политики государства в современную эпоху трудно переоценить. В работе механизма гражданского контроля именно средства массовой информации призваны выступать в качестве посредника между гражданским обществом и органами власти. Но здесь многое зависит от уровня патриотической позиции, который обнаруживает то или иное издание. Согласно докладу Общественной палаты Российской Федерации¹, в стране издается около 10 тыс. газет

¹ Доклад председателя Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в СМИ на пленарном заседании Общественной палаты «Проблемы СМИ: ожидания общества и реальность» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/files/dokument2011/dokladguseva02112011.doc>

и около 7 тыс. журналов. Подавляющее большинство изданий принадлежат органам власти, поэтому на сегодняшний день отечественные СМИ не являются средством выражения гражданской позиции всего общества. Эту роль активно играют интернет, социальные сети, блогосфера, от которых порой трудно ожидать объективности и должного уровня ответственности за сообщаемую информацию.

Разумеется, чтобы СМИ могли выполнять функцию реального механизма гражданского контроля, необходимо значительное количество негосударственных СМИ, в том числе сетевых, способных предоставить возможности для выражения в обществе мнений. Но негосударственные СМИ чаще всего занимают не только критическую по отношению к государственной власти позицию, но и обнаруживают крайне низкий уровень патриотизма. Это недопустимо во времена цивилизационного противостояния. По меньшей мере странным, если не сказать более, звучит в этой связи неоднократно высказанная мечта упоминавшейся нами госпожи Е. Альбац о скорейшем распаде Российской Федерации на составные части.

Отсюда так важна четко выраженная патриотическая позиция известных и почитаемых в российском обществе деятелей культуры, активно противостоящих космополитическим и антипатриотическим воззрениям и пропаганде. Здесь достаточно вспомнить режиссеров и актеров Н. Михалкова, В. Меньшова, Н. Губенко, неоднократно обоснованно, взвешенно и логично критиковавших позицию либералов, настроенных враждебно против российской цивилизации.

В настоящее время в нашей стране реализуется комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности гражданского контроля над органами, обеспечивающими военную безопасность России. Граждане Российской Федерации имеют возможность участвовать в осуществлении гражданского контроля над органами военного управления через общественные организации, через парламентариев Федерального собрания, либо в иной форме, в порядке, предусмотренном законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹, а также согласно ведомственным нормативным актам.

Заслуживает упоминание деятельность общественных советов, которые устраивают слушания по актуальным вопросам в области обороны, приглашают представителей руководящего состава Министерства обороны и направляют запросы в органы военного управления. Важным направлением деятельности общественных советов является проведение открытых мероприятий, призванных содействовать максимально широкому подключению институтов гражданского общества к решению острых проблем в сфере обеспечения военной безопасности.

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ.

С другой стороны, общественные советы в большинстве своем играют лишь декоративную роль. Входящие в них представители политической и культурной элиты в большинстве своем не обладают необходимыми теоретическими, да порой и практическими, знаниями в обсуждаемых вопросах, не имеют опыта решения проблем, стоящих перед организациями, в советах при которых они состоят. К тому же решения, принимаемые общественными советами, носят сугубо рекомендательный характер и потому руководители соответствующих органов государственного управления не всегда принимают их во внимание, а иногда эти решения до них просто не доходят.

Значительной проблемой представляется и разобщенность самого гражданского общества, ситуация в котором порой напоминает знаменитую басню И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука». Чтобы граждане не начали гражданскую войну, они должны быть заняты мирным взаимодействием внутри гражданского общества. Граждане должны иметь навыки решения конфликтов и отстаивания своих интересов мирным путем. Главным инструментом для этого выступает парламентаризм в широком понимании: представление интересов на государственном уровне, выборы в органы власти в целом. Важно общение и отстаивание своих интересов через СМИ. Ведь основной единицей социального процесса является не отдельный человек, а структура, организация. Если граждане взаимодействуют между собой мирным образом, то перспектив соблазна массового насилия у них не будет. Если у них нет этого навыка, они, сталкиваясь с тем, что их интересы нарушаются, будут прибегать к насилию.

Нельзя не признать, что сегодня постепенно развивается и процесс институционализации контроля гражданского общества над обеспечением военной безопасности в России. Делается ряд попыток сформировать нормативно-правовую базу, закрепляющую механизмы этого контроля. Но, по нашему мнению, чтобы система гражданского контроля над органами военного управления функционировала эффективно, необходимо выполнять еще ряд условий. Назовем важнейшие из них: обучение представителей «гражданских» органов власти и представителей силовых институтов основам военно-гражданских взаимоотношений, теоретическим аспектам регулируемого процесса, способам и методам выработки и достижения социально значимых целей; привлечение к обсуждению вопросов обеспечения военной безопасности компетентных экспертов, в первую очередь, из числа научных работников, специализирующихся на данной проблематике; отказ от чрезмерной секретности; более широкое использование современных информационных технологий для обсуждения вопросов теории и практики обеспечения военной безопасности, проектов нормативных правовых актов в этой сфере.

Видимо, целесообразно создать специализированную электронную площадку и выступить в качестве модератора обсуждения всего круга вопросов, связанных с военной безопасностью. Причем, это нужно сделать не по принципу форума, как это, например, уже реализовано на сайте Совета Федерации¹, где эффективность функционирования данной площадки фактически равна нулю. Необходимо учитывать последние достижения политологии, философии, экономики. К сожалению, голос ученых в современной России не все хотят слышать, предпочитая внимать эпатажным высказываниям некоторых СМИ и оппозиционных политиков, лишь играющих на эмоциях. Это вполне объяснимо: для восприятия эпатажа нужны лишь чувства, а для понимания доводов и выводов обществоведов нужен ум и интеллект, напряженная творческая работа.

Хотя и некоторые ученые также разрабатывают порой чрезмерно утопичные проекты, трудно реализуемые в современную сложную эпоху. Предлагают, например, строить систему гражданского контроля на принципах «всеохватности, всеобщности, гласности, обязательности, многообразия форм и признания органов гражданского контроля законными представителями определенного круга лиц, выступающих в защиту общественных интересов» [5]. Но если безоговорочно и сразу внедрить в практику перечисленные принципы, то сам гражданский контроль в России окажется недостижимой задачей, ибо институты гражданского общества в России еще недостаточно развиты, а взаимоуважение между властью и обществом представляется скорее потенциальным, нежели актуальным явлением.

Эта неразвитость имеет как объективные, так и субъективные причины. Если первые трудно преодолеть в силу реальных внутри- и внешнеполитических условий, то вторые вполне преодолимы и зависят от конкретных деловых и морально-этических черт представителей государственной власти. Разумеется, власть — это отнюдь не вся страна, а государственный аппарат управления — не все государство в целом. В идеале, интересы гражданского общества и государственного аппарата должны совпадать — особенно в таких важных и судьбоносных для страны вопросах, как обеспечение военной безопасности государства.

Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»² устанавливает правовые основы осуществления

¹ Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/press-center/discussions/38324>

² Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ.

общественного контроля за деятельностью органов государственной власти. При анонсировании проекта данного закона в СМИ¹ отмечалось, что законодательным инициатором был непосредственно Президент России В. В. Путин. Таким образом, это — в полном смысле этого слова «президентский закон».

Данный правовой акт определяет, что общественный контроль может проводиться в форме общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы. Но п. 2 ст. 2 этого закона фиксирует, что общественный контроль над деятельностью в области обеспечения обороны страны и безопасности государства регулируется иными федеральными законами. То есть, в том числе и законом «О государственной тайне»² и Указом Президента «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне»³. Таким образом, у органов государственной власти есть правовые основания серьезно ограничивать деятельность представителей гражданского общества в сфере общественного контроля. По мнению автора, возможно необоснованное отнесение любых сведений к категории «государственная тайна». Это не вызывает особого оптимизма у некоторых общественных и правозащитных организаций.

К сожалению, правовых основ гражданского контроля за сферой деятельности самих органов обеспечения военной безопасности практически нет. Те законы, которые позволяют это осуществить в настоящее время, в большей части противоречат закону о государственной тайне. А это в свою очередь создает серьезную правовую коллизию, которая не устраивает многих представителей гражданского общества.

Подведем некоторые итоги. Для того чтобы деятельность гражданского общества в деле укрепления военной безопасности страны была положительной, большинству его представителей, в особенности научной и творческой интеллигенции, необходимо проплыть между Сциллой желания потворствовать исключительно реализации собственных амбиций и стремлений и Харибдой требования следовать в своем творчестве духу патриотизма. Патриотизм в современную эпоху противостояния цивилизаций приобретает статус национальной идеи, ибо лишь он может объединить разновекторные порой устремления государственной власти и гражданского общества.

¹ Чиновников — под общественный контроль [Электронный ресурс] // Expert Online. URL: <http://expert.ru/2014/03/13/chinovnikov---pod-obschestvennyj-kontrol/?ny>

² О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1.

³ Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года № 1203.

Сегодня государственный аппарат стремится сдерживать инициативы гражданского общества, делая это порой необдуманно и незаслуженно жестко. Деятельность самого гражданского общества в области обеспечения военной безопасности и укрепления патриотизма пока остается малопродуктивной вследствие его разобщенности и социальной аморфности. Для действенного симбиоза усилий гражданского общества и государственной власти в деле укрепления военной безопасности страны необходимы взвешенные и разумные шаги с обеих сторон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Батанова О.Н.* Русский мир и проблемы его формирования: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
3. *Горохов П.А., Батеженко В.В.* Феномен перестройки четверть века спустя: опыт социально-философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7. С. 51–56.
4. *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001.
5. *Даевтян Д.В.* Гражданский контроль как механизм обратной связи в процессе взаимодействия власти и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7–2. С. 52–54.
6. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. СПб.: Коновалов А. М., 2016.
7. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений (5-е изд.). Т. 26. М.: Политиздат, 1969.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. Т. 1. М.: Политиздат, 1980.
9. *Пивовар Е.И.* Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Материалы международной конференции «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2010. С. 167–170.
10. *Фокин П.Е.* Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый. М.: Молодая гвардия, 2016.

ДИСКУССИЯ НА ТЕМУ ПРОТИБОБОРСТВА И СОТРУДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: ОТ «ГИБРИДНЫХ ВОЙН» К «ГИБРИДНОМУ МИРУ»*

Введение

На сегодняшнем этапе развития цивилизации система поддержания мира и обеспечения безопасности, существовавшая до сих пор, исчерпала себя. Современная архитектура системы мировой безопасности находится в точке бифуркации и системного кризиса, который вызван трансформацией самого общества, активизацией (часто принудительной) процессов глобализации и интернационализации, ослаблением вследствие этого суверенитета и роли национального государства, попыткой полной монополизации экономической сферы и установлении тотальной политической гегемонии избранных государств над остальным геополитическим сообществом.

Следует помнить, что гегемония, в отличие от лидерства, предполагает приоритет двух базовых принципов — влияния и главенства, с постепенным переходом к диктату и подавлению несогласных, или любой альтернативной версии развития геополитических событий. При этом занять позицию гегемона позволяют как объективные факторы (превосходство в экономико-политической и военной сферах), так субъективные — самостоятельное назначение государством (элитой) себя на эту роль, через определение гегемонии как базовой государственной стратегии¹.

Как результат, мировое сообщество практически планомерно и целенаправленно было приведено на порог такого феномена как тотальная война «всех против всех». И способствует этому применение такого модернизированного варианта современной войны, как «гибридные войны». При этом сам феномен «гибридных войн» заключается в его двойственности. С одной стороны, с помощью этого военно-политического механизма осуществляется преднамеренная

* Ковалев А.А. Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 5. — С. 975–986.

¹ Шаклеина Т.А. В чем «призвание» Америки? // Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики. 2006. № 3. URL: <http://intertrends.ru/five/003.htm#note1>

эскалация и дестабилизация геополитической обстановки, с другой — именно использование этого инструмента позволяет на сегодняшнем этапе не допустить вхождения современного мирового сообщества в глобальную войну, которая будет отличаться своей масштабностью не только по количеству жертв, но и по уровню задействованных участников. Связано это с тем, что в такой потенциальной войне будут принимать участие не только государства, утратившие свою монополию на власть и насилие, но и негосударственные структуры и сообщества, использующие свой иррегулярный организационный и военный потенциал.

Так как данные процессы и изменения носят институциональный характер и происходят в так называемый «переходный период» между окончанием постиндустриального и формированием нового, информационного общества, то происходит и формирование нового политического порядка, чем пользуются некоторые участники международных отношений, навязывающие свое видение и сценарии формирования архитектуры и развития мирового сообщества путем установления новых глобальных правил.

Современный мировой порядок заиклен на парадигме тотальной войны как единственном способе решения геополитических и общественно-социальных вопросов (конфликтов). При том этот порядок базируется сразу на двух концепциях, помогающих осуществлять эту стратегию, — на концепции гибридных (тайных) войн и концепции тотальной «справедливой войны», когда понятие войны как преступления трансформируется в понятие войны как формы наведения «мирового порядка». Иными словами, война вводится в ранг естественного правового и политического инструмента, а по сути, формируются и используются масштабные и практически ничем не регламентируемые полицейские международные функции, поскольку международные институты и структуры, отвечающие за вопросы безопасности, показали свою слабость и безрезультатность перед вызовами и угрозами современности. Таким образом, современная война постепенно приобретает черты, более присущие по форме войне гражданской, с ориентацией на приоритетность силы, как основного инструмента установления порядка.

Ситуация, когда война принимает характер гибридной, связана прежде всего с тем, что в современной геополитической системе все страны зависят друг от друга, и появилась легитимизация возможности принуждения к миру, навязыванию фетиша демократии, чужеродных ценностей не только прямым военным воздействием, но и с помощью значительного современного арсенала экономических, политических и прочих механизмов и инструментов. Чаще всего применяется комплекс таких средств. В связи с этим войны современности получили название «гибридных», что характеризует их как соединение многих вариантов и видов военных и невоенных действий.

«Гибридные войны» — принципы и особенности

Под гибридной войной следует понимать комплекс разных форм и видов политической, военной и социально-экономической деятельности, направленный на планомерную и целенаправленную дестабилизацию всех сфер жизнедеятельности и государственного функционирования оппонента в рамках межгосударственного противоборства. При этом сам термин «гибридная война» целесообразнее толковать как стадию конфликтной эскалации, на которой дипломатические договоренности возможны, а полномасштабную войну еще можно предотвратить.

Наиболее популярной формой гибридной войны является оставление страны воздействия (цели нападения) наедине с самой собой. При этом страну-цель разрывает внутренняя неуравновешенность, поскольку международная или самоизоляция ведут к нарастанию внутреннего напряжения (например, в виде революционных движений или проявления массового недовольства).

В конце XX в. американский исследователь Д. Гранж определил асимметричное политическое насилие как противостояние с отклонением от нормы или косвенную конфронтацию, участники которой пытаются избежать преимуществ противника и одновременно стремятся использовать свои преимущества относительно слабостей оппонента¹. Использование преимуществ асимметричного подхода в процессе насильственной борьбы не является абсолютно новым подходом в политической истории человечества. Еще в 1969 г. Г. Киссинджер, анализируя войну во Вьетнаме, отметил изменчивый характер принципов политического насилия. По его мнению, в этой войне США, используя военные методы, стремились достичь физического истощения, а их противник направил свою стратегию на истощение психологическое. Это предполагало перевод противостояния в асимметричную плоскость, в рамках которой предусматривалось применение насилия для истощения сильного противника и формирование у него синдрома «усталости от войны» [1]. В дальнейшем научным сообществом в качестве синонимов асимметричного насилия начали использоваться такие понятия, как «малая война», «нерегулярные военные действия», «неконвенциональные войны», «антиповстанческие операции» и собственно «гибридная война». Все они так или иначе отражали специфику трансформации современного политического противостояния между силовыми структурами государства и негосударственными субъектами насилия. Однако чаще всего концепцию асимметричного насилия связывают с феноменом «четвертого поколения военных действий», в рамках

¹ *Grange D.L. Asymmetric Warfare: Old method, new concern // National Strategy Forum Review. 2000. P. 1–5.*

которого один из участников насильственного противостояния имеет негосударственное происхождение, а государство теряет монополию на легитимное применение силы.

Сама проблематика возникновения такого явления как «гибридные войны» обусловлена многоплановостью и многоуровневым характером концепции гибридности, что позволяет использовать этот инструмент достаточно широко и активно на геополитическом поле, избегая обвинений в двойных стандартах и легализуя агрессивные возможности и оправдывая любые деструктивные действия более сильного оппонента по отношению к более слабому [2].

Некоторыми исследователями проблематики «гибридных войн» освещаются лишь узкие вопросы, отражающие один из инструментов или явление данного феномена. Так, например, Ж. Бодрийяр акцентирует внимание на том, что из-за масштабной повсеместной информатизации всех сфер жизни современного общества появилась такая угроза безопасности, как установление дистанционной власти над информационным полем [3]. То есть, информационное пространство любого участника геополитических отношений подвержено риску внешнего воздействия не только в целях его нивелирования или установления контроля над информационными потоками, но и для формирования самого этого пространства.

Отдельного внимания заслуживает фундаментальная монография «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века» [4]. Данное исследование было проведено коллективом авторов факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством профессора П.А. Цыганкова и охватило широкий круг вопросов современной мировой политики с проведением предметного анализа тенденций и перспектив политического обустройства современной геополитики, выделением роли в этом процессе проекта глобализации и таких аспектов, как формирование информационного общества, сетечетрические и кибервойны.

Однако в большинстве случаев при анализе современных форм асимметричного насилия исследователи чаще всего опираются на количественные показатели, что не позволяет полностью выявить и описать влияние асимметричной стратегии на характер трансформации данной формы политического насилия. Этим обуславливается необходимость полноценного анализа данного феномена, что дает возможность анализа нелинейного развития событий на локальном, региональном, национальном и глобальном уровнях политических отношений.

Теория гибридной войны способна удачно описать эволюцию вооруженных конфликтов, разрушить традиционные рамки дискуссий по поводу военного насилия, повысить уровень осведомленности о потенциальных рисках и угрозах политической безопасности государств и детализировать широкий спектр возможных форм

и проявлений конфликтов. Лучше всего специфику гибридной войны описывает термин «конвергенция» (слияние), что действительно отражает слияние в единое целое вооруженных сил и гражданского населения, военной силы и информационно-психологической пропаганды, государственных и негосударственных субъектов насилия. Это указывает на способность современных конфликтов сочетать в себе сложные, военные, информационные, сепаратистские, партизанские и террористические угрозы.

Так, современный терроризм из несистемной, разрозненной формы трансформируется в деструктивную составляющую современной архитектуры международных отношений и выступает уже вполне сформировавшимся, самодостаточным, полномасштабным и значимым глобальным участником существующей системы общемировой безопасности. Но при всем понимании опасности мирового терроризма и необходимости формирования системы, механизмов и адекватных инструментов противодействия данной угрозе возникает еще одна проблема. Ведь в эпоху всеобщей войны, носящей асимметричный сетевой характер, возникает еще один парадокс (по М. Хардту) «в мире, где насилие не будет считаться легитимным, в принципе допустимо называть всякое насилие терроризмом» [5]. К тому же в связи с активизацией процессов глобализации и усилением экспансионистской политики западной цивилизации стирается тонкая грань между понятием террористической структуры и силами, ведущими освободительную или оборонительную партизанскую войну. При этом если возникает ситуация, сформулированная К. Шмиттом, когда много заинтересованных третьих лиц конкурируют друг с другом, то партизан обладает свободным пространством для собственной политики. И при этом у него появляются все шансы и возникают необходимые условия для своей легитимизации. Следовательно, возникает необходимость «трансформировать свое сопротивление в какую-то форму конституирующей силы, создающей общественные взаимоотношения и институты нового социума» [6].

Таким образом, в связи с актуализацией такого феномена, как «гибридная война» требуется разработка концептуального подхода к переосмыслению самого явления войны и ее законов.

Гибридный вариант ведения боевых действий применяется в том случае, когда существует потенциальная опасность масштабной ответной военной реакции со стороны атакуемого государства. Более успешно и безопасно в таком случае применение механизмов и инструментов информационно-психологического воздействия (деструктивные акции и операции по подрыву политической, экономической, социальной, общественной стабильности страны), а также целенаправленное разрушение национальной и личностной духовной ориентации, ценностей и устоев населения.

Показательным элементом «гибридной войны» выступает фактор задействования иррегулярных вооруженных формирований в виде оперативных точечных действий подразделений специального назначения или с привлечением частных военных компаний. Одновременно с этими оперативными действиями проводится планомерная целенаправленная поддержка деструктивных, повстанческих и сепаратистски настроенных движений государства-цели в виде технического, финансового и консультативного сопровождения.

«Гибридный мир» как альтернатива «гибридной войны»

В свою очередь, «гибридный мир» выступает как результат комбинации и генерализации геополитических линий, направленных на осмысление, разработку и внедрение в практическое использование концепции мира — противоположной современной концепции насилия и противоборства. Актуальность проблематики вопроса реформирования архитектуры системы международных отношений и мировой безопасности связана с эскалацией как цивилизационного противостояния Востока и Запада в целом, так и с геополитической конфронтацией России и стран Запада в частности.

Также следует учитывать, что современное общество переходит от политики «обороны» к концепции «безопасности», и при этом зарождается следующая дилемма: при установлении всеобщего мирового порядка и достижении стабильности резонно должен быть поставлен вопрос о дальнейшей необходимости существования самой силы, которая сможет обеспечить достижение этого порядка. В противном случае подобная сила может трансформироваться из формы объективного не ангажированного «судьи» в форму глобальной контролирующей структуры или геополитического участника, использующего в качестве подтверждения своих прав и полномочий и с целью продвижения собственной идеологии угрозу тотального насилия [5].

Исходя из изложенного, нельзя не согласиться с И.В. Радиковым, утверждающим: «...чтобы выжить, человечество сегодня должно устранить главную угрозу своему существованию — политику господства над народами, ведущую, как свидетельствует история, к мировой войне. Иначе его ожидает апокалипсис» [7].

Еще одной необходимостью конструирования архитектуры «гибридного мира» для создания полноценной и эффективной системы мировой безопасности является то, что фактически происходящая сегодня тотальная война несет важную концептуальную опасность. Она носит неофициальный, закамуфлированный характер, а значит, ввиду своей многоликости, «гибридности», правовой и структурной неоформленности не может быть завершена классически — путем заключения мирного договора.

Для проведения эффективной гибридной военной операции необходима оптимизация и интеграция абсолютно всех современных методов и средств: военных (модернизация военной техники и повышение эффективности высокоточного оружия включая ядерное, космическое и электронное), информационных (информационно-психологические средства воздействия и противодействия, киберпространство), невоенных форм противостояния (дипломатия, финансовое и ресурсное противоборство).

Такой синергетический симбиоз необходим как для наступательных операций, так и в качестве полноценного паритетного оборонного «щита» государства, а также как балансирующая превентивная мера для сохранения стабилизации в рамках современной системы международной безопасности.

Обязательно во всех предпосылках к развязавшейся гибридной войне необходимо искать не только политический и социально-общественный следы, которые всегда и так выносятся на поверхность, но в большей степени — фактор экономический. Здесь мы согласны с С.Ю. Глазьевым, так как если исследовать государственную стратегию, к примеру, Соединенных Штатов, то «сталкиваясь с перенакоплением капитала в финансовых пирамидах и устаревших производствах, а также с утратой рынков сбыта своей продукции и падением доли доллара в международных транзакциях, США стремятся удержать лидерство за счет разворачивания мировой войны с целью ослабления, как конкурентов, так и партнеров»¹. Не секрет, что на сегодняшний день именно США пытаются всеми силами и средствами удерживать свой статус экономического и политического гегемона, задавая векторный тон всей геополитической деятельности современного международного сообщества. Именно стратегия данного государства оказывает основополагающую роль в деятельности стран евроатлантического сообщества относительно дестабилизации прочих геополитических участников международных отношений путем целенаправленного использования тактики «гибридных войн» для свержения правительств других стран и изменения их политических режимов и геополитических и геоэкономических позиций. В продолжение этой мысли можно согласиться с А.И. Фурсовым, считающим, что «конечной целью североатлантических элит всегда была ликвидация России с последующим присвоением русских ресурсов и пространства» [8].

Современные высокотехнологичные войны, включая новейшие виды и формы высокоточного и информационного оружия, стали

¹ Глазьев С.Ю. Об эскалации международной военно-политической напряженности и необходимых действиях России // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. — 2015. — № 16. — С. 30–45.

возможными благодаря ряду факторов. Во-первых, это снижение степени вероятности крупномасштабной глобальной войны с одновременной эскалацией войн региональных и локальных. Во-вторых, современные военные и вооруженные противостояния стали все более скоротечными, и при значительной динамике изменений ведения боевых действий одновременно могут резко и неожиданно охватывать крупные регионы даже на значительных расстояниях от противостоящих сторон. Классические формы военных действий переходят в фазу объемных сетецентрических операций, в которых основным фактором выступает не количественный состав вооруженных сил, а высокотехнологическая ресурсная и квалифицированная человеческая база, потенциал информационного контроля и интеллектуального противоборства [9].

«Цветные революции» как инструмент «гибридной войны»

Особое место в ведении гибридных войн занимает комплекс методов и способов информационного воздействия на государственные и социально-гражданские системы в целях формирования или подчинения своему контролю процессов управления социальным поведением сообществ, политической активности населения страны, ее руководства или целенаправленной деятельности направленной на свержение легитимной власти и изменение геополитических систем стран. Так, например, в основе феномена «цветных революций» лежит создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной¹.

Такие возможности достигаются благодаря тому, что информация выступает одновременно и объектом и средством воздействия. Именно поэтому инструментарий информационных войн активно используется современными мировыми центрами силы для стимулирования необходимых геополитических и геоэкономических процессов полностью невоенными методами, путем информационно-психологического воздействия на государственные и общественные системы в целях их изменения, контроля и подчинения. Яркими примерами таких геополитических ходов на информационном поле являются события в Ливии, Тунисе, Египте, Сирии, Украине.

Предотвращением трагических событий украинского переворота 2013–2014 гг. должен был заниматься легитимный президент, законно выбранный народом этой страны, с применением всех процедур и регламентов, притом без каких-либо несогласий со стороны внеш-

¹ *Манойло А.В.* Украина — генеральная репетиция // *Стратегия России.* — 2015. — № 4(136). — С. 27.

них основных геополитических участников (включая ЕС, США и РФ). Вместо этого проведенная операция в стиле «гибридной войны» помогла осуществить государственный переворот по всем классическим правилам. Россия дипломатично не вмешивалась в сам внутривосточный конфликт на Украине и не предпринимала активных попыток эскалации зародившегося внутреннего политического и социально-гражданского противостояния, до тех пор пока сформированную и сложившуюся ситуацию активно не начали использовать в своих геополитических целях ЕС и США.

Обозначенные участники международных отношений целенаправленно и деструктивно вели дестабилизацию обстановки в этом регионе с одновременными планомерными действиями в виде экономических и политических санкций в отношении России и проведением агрессивного информационно-психологического воздействия на Российскую Федерацию и мировое сообщество. Именно поэтому ответным шагом России на начало информационной войны Запада и «гибридной войны» в форме АТО (антитеррористической операции) Украины на территории Донецкой и Луганской народных республик стало использование инструментов миротворческой поддержки в Крыму и гуманитарного содействия ДНР и ЛНР. При этом, согласно формальным признакам международного права, данные действия никак нельзя назвать ни вооруженным конфликтом, ни предъявить претензии относительно эскалации и дестабилизации политической и социальной обстановки на Украине, так как по факту Российская Федерация выполняет гуманитарную миссию в государстве, где ведется междоусобная война и был произведен государственный переворот, силовыми и политическими методами свергнута легитимная власть¹ [10].

Кроме того, если разбирать конкретный пример проведения гибридных военно-политических действий в Украине, то мы наблюдаем очередной парадокс. Очевидным фактом является то, что при обострении противостояния между государственной властью и оппозицией по сценарию «цветных революций» главной задачей силы, осуществляющей попытку захвата власти, является деятельность по недопущению эффективного использования законной властью силы для пресечения деструктивной деятельности протестного движения с одновременным силовым давлением со стороны самой оппозиции. При этом фактически идет «игра в одни ворота».

Продолжим свою мысль относительно странностей и нелогичности украинского переворота. Если в 2014 г. массовые выступления населения были преподнесены как «революция достоинства», и ме-

¹ Дьяков С.Г. Так кто же ведет на Украине «гибридную войну»? Сайт РИСИ. 28.12.2015. URL: <http://riss.ru/analytics/25075>

ждународным сообществом поддерживалась мысль о легитимности вооруженного свержения законной власти, то спустя три года уже власть, пришедшая «на штыках» к руководству страной, осуществляет беспрецедентные масштабные меры по подавлению протестов и инакомыслия с помощью полицейских, судебных и военных мер. Подтверждается тезис, что режим, проявивший решимость и рискнувший «пустить кровь», имеет шансы сохранить свою власть [11].

Хотелось бы в связи с этим обратить внимание на тезис С. Хантингтона: «...когда бывшие оппозиционные группы приходят к власти, конфликт нередко вступает в новую фазу: в новом правительстве различные группы борются между собой из-за характера режима, который они должны установить» [12]. Из этого следует, что приверженцы демократии, согласно Хантингтону, представляют собой достаточно разрозненную по политическим взглядам группу, для которой демократия выступает не целью устройства государственных и общественных отношений, а является лишь формой прикрытия деятельности по свержению легитимной власти.

И действительно, украинскую «революцию достоинства» можно по факту считать именно переворотом, так как ни один из декларируемых тезисов, которыми обосновывалась необходимость проведения такой акции, за три года не был осуществлен. Произошло банальное смещение одних элит другими при одновременном уходе в режим внешнего подчинения, притом абсолютно во всех сферах — экономической, политической, военной — до полного диктата даже в социально-гражданской (подчинение стандартам и требованиям внешней стороны) и духовной сферах (имеется в виду целенаправленное и преднамеренное наступление на институт Русской Православной Церкви на территории Украины). Другими словами, налицо полный набор по-прежнему ведущейся «гибридной войны».

Можно с достаточной степенью уверенности считать высокую результативность проведения таких внешнеполитических операций, как мирное обеспечение прохождения референдума в Крыму в 2014 г. и гуманитарная и политическая поддержка ДНР и ЛНР — без прямого военного вмешательства прямым доказательством перехода международных отношений из фазы «гибридной войны» на этап формирования «гибридного мира». Также данные стратегические операции нивелировали попытки США и НАТО усилить деструктивную ситуацию и эскалацию геополитической обстановки в регионе СНГ и укрепить позицию в зоне своих жизненных интересов. Таким образом, мы видим два разных подхода к решению конфликта: если Российская Федерация проводит явно выраженную миротворческую миссию в целях ослабления напряжения и стабилизации обстановки

в ДНР и ЛНР для недопущения гуманитарной социальной катастрофы, то Киев пытается постоянно усиливать эскалацию данного конфликта, заявляя о готовности перейти от боевых действий в форме АТО к полномасштабной войне.

Показательным примером осознания необходимости и эффективности применения гибридных форм проведения тактических операций можно считать и действия РФ в Сирии. В этой стране результативно проявил себя метод урегулирования вооруженного конфликта путем использования механизмов сетцентрических военных действий с применением видов высокоточного оружия нового поколения.

Практические результаты, достигнутые Россией в улаживании конфликтов и противостояния в Крыму и Сирии с помощью созидательного применения инструментария «гибридных войн» позволяют дать положительную оценку этой форме воздействия при проведении миротворческих операций, что вносит значительный практический вклад в формирование новой архитектуры современной системы международной безопасности. Однако вместе с этим также необходимо учитывать аспект ограниченности использования концепции гибридной формы проведения операций. Связано это с тем, что в современных конфликтах все сильнее развивается динамика применения гибридных способов ведения военных действий в случае вооруженного конфликта, например, в виде партизанского или террористического противостояния.

Следовательно, актуальность данной проблемы, наработки и опыт «гибридных» войн уже сейчас могут пригодиться не только для отстаивания государствами своих интересов и безопасности, но и для преодоления такой опасности, как усиление геополитического влияния и притязаний ТНК и мирового терроризма. Эти участники мировых политических отношений начинают оказывать все более существенное влияние на геополитическую обстановку, включая вопросы развязывания и прекращения войн, смещения легитимной власти в государствах и прочих значимых для общества политических и геоэкономических актов.

Несмотря на постоянное декларирование в геополитике парадигмы борьбы за мир, новый виток гонки вооружений современности превратил в гибридное оружие абсолютно все ресурсы жизнеобеспечения, превратив практически всю планету (и даже космическое пространство) в тотальный театр боевых действий [13].

Возникновение такого феномена, как «гибридные войны» сместило и смешало угрозы национальным государствам, поскольку своей структурой и синергетичностью затрагивают одновременно как внешние, так и внутренние уровни жизнеобеспечения и функционирования, включая абсолютно все сферы жизни — от политической и экономической до социально-общественной и духовной.

Таким образом, «гибридная война», ставшая порождением геополитического и социального структурного и институционального кризиса общества, находящегося в точке бифуркации, и нивелированием системы международных отношений и международного права, является альтернативным способом разрешения политических и социальных конфликтов и одновременно инструментом участников международных и межгосударственных отношений.

Именно поэтому под «гибридным миром» следует понимать не только противостояние «гибридной войне», но и модернизацию системы международной безопасности и установление новых «правил игры» на геополитическом поле.

Несмотря на всю конфликтогенность условий современного геополитического противостояния стран западной коалиции и Российской Федерации, необходимо уделять больше внимания и усилий не только развитию механизмов и инструментов ведения войн четвертого поколения в их гибридной форме, но и выстраиванию четкой концепции «гибридного мира», в котором новая архитектура геополитики будет основана на идее разумных противовесов, созданных на базе превентивной дипломатии и парадигмы миростроительства. Это позволит построить новую систему глобальной и региональной безопасности, соответствующую новым вызовам, и предотвратить повторение подобных кризисов в будущем.

Деятельность по совместному формированию системы мировой безопасности является исключительно важным аспектом для урегулирования отношений западной коалиции с Российской Федерацией, изменения целенаправленной конфликтной и шантажирующей парадигмы внешней политики на цивилизованную парадигму терпимости и взаимовыгодного сотрудничества.

В целом же за последние десятилетия выработано понимание системы мировой безопасности как концепции разноуровневой системной деятельности в течение длительного периода времени в целях устранения глубинных причин конфликтов и создания структур, способных обеспечить культуру диалога и мирного урегулирования споров. Такая деятельность может включать в себя самые разнообразные мероприятия — от уроков примирения и взаимопонимания — к справедливому распределению или доступу к ресурсам, реформы конституционного строя, борьбы с коррупцией в правоохранительных органах или обеспечения честных и справедливых выборов, введения гендерного равенства, устранения различных форм дискриминации и т.п.

Новая система мировой безопасности должна способствовать утверждению так называемого «позитивного» или «устойчивого» мира, то есть не просто остановке насилия или боевых действий,

а устранению глубинных причин конфликта, урегулированию проблем, которые могут вызвать его восстановление, так как около половины конфликтов в течение 20 лет после завершения их «горячей» фазы в той или иной форме повторяются. То есть конечной целью деятельности по урегулированию конфликта является не достижение перемирия или даже формального мира, а именно состояния устойчивого мира и устранения причин конфликта.

До сегодняшнего момента поддержание мира обеспечивалось присутствием ООН в конкретном регионе по согласованию со всеми заинтересованными сторонами и было направлено на развертывание военных сил и полицейских подразделений международного миротворческого контингента. Использование такого политического инструмента, как Совет Безопасности ООН, является существенным аспектом сегодняшнего обеспечения эффективности системы глобальной безопасности. Однако раньше операции, осуществляемые для поддержания мира (ОПМ) под эгидой ООН, базировались на трех принципах: согласия участвующих в конфликте сторон, беспристрастности и применении силовых методов воздействия исключительно в целях самообороны и защиты мандата. Сегодня же геополитическое поле и «правила игры» претерпели значительные изменения, и поэтому эффективное миротворчество требует построения новой архитектуры европейской и мировой безопасности, особенно с учетом наметившихся трендов регионализации [14].

Происходящие в современной геополитике события показали, что для достижения своих целей в так называемых зонах «исключительных интересов» любое государство готово применить весь имеющийся военный, политический, ресурсный и информационный потенциал для проведения экспансионистских, агрессивных действий. Но в конечном итоге следует учитывать тот факт, что целью урегулирования конфликта является не его ликвидация, что зачастую невозможно (а иногда и нежелательно), а трансформация в мирный процесс социальных и политических изменений, которые устранят причины конфликта.

Необходимость созидания архитектуры «гибридного мира» обусловлена рядом факторов, среди которых — уже фактическое принятие за норму возможности изменять границы и политический облик существующих государств.

Необходимо понимать, что «гибридный мир» отличается от обычного изменениями, не предусмотренными изначальным замыслом. Именно поэтому, естественно, потребуются большой объем ресурсов и принципиальных реформ, способных кардинально реструктурировать систему глобальной мировой безопасности [15]. Такая со-

зидательная и реформаторская деятельность, направленная на укрепление структур ООН и повышение эффективности ее миротворческих инструментов, обеспечит гарантированное выполнение ими своих функциональных обязанностей [16].

Следует четко осознавать необходимость осторожного применения в современной геополитике такого мощного инструмента, как «гибридная война» ввиду неоднозначности и непредсказуемости получаемых результатов. Ведь на практике, к примеру, полемика относительно возврата Крыма Украине вызовет еще больший дисбаланс и эскалацию напряженности обстановки не только на самой Украине, но и на региональном уровне в СНГ и Восточной Европе. Ведь по факту появляется право насильственным способом принуждать прекращать свой суверенитет одних государств в интересах и при агрессивных действиях других, что сразу же нивелирует само понятие и понимание суверенитета как это было в ситуации с Югославией. А подобные действия уже создадут политическую и социально-общественную напряженность не только в регионе Западной Европы, но и угрозу призыва к ответственности таких надгосударственных структур как НАТО или ООН. Это в свою очередь приведет к цепной реакции по вопросам правовой и политической оценки деятельности данных структур на территории Ирака, Ирана, Сирии, Афганистана и т.д.

Выводы

Все изложенное ясно свидетельствует о том, что общество уже вступило в фазу «гибридного мира». Мир фактически стал другим. Безвозвратно отжила свое и полностью нивелирована старая система международной безопасности, базировавшаяся на классическом видении роли государства на международной арене. Кардинально изменилась социальная система и ментальность современного общества. Это свидетельствует о том, что пора от теоретических рассуждений и допущений переходить к практическому формированию новой архитектуры международной безопасности, разрабатывая ее парадигму с учетом уже де-факто существующих концепций «гибридных войн» и «гибридного мира». Данные процессы уже невозможно повернуть вспять или пренебрегать ими. Их необходимо постепенно и планомерно вводить в правовые рамки международного существования государств и мирового сообщества.

Однако в связи со сказанным хотелось бы остановиться на таком постоянно умалчиваемом или вскользь обходимом моменте. Вариант европейской интеграции России в так называемую форму «расширенного Запада» либо теоретически озвучивает сам Запад, либо эту линию транслируют прозападные российские политики. Сразу

возникает закономерный вопрос, а почему Российская Федерация не может выступать полноценным полюсом современной геополитики, уже имея свой собственный контингент союзников, представляя таким альянсам, как НАТО и ЕС, разумную альтернативу в форме ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС и БРИКС? Ведь Россия представляет собой самодостаточную державу, исторически выполняющую функцию регионального балансирующего центра между Востоком и Западом. Например, США имеют на порядок меньший исторический опыт как государства, как нации в разрешении геополитических вопросов. Кроме того, Россия, как правило, участвует в решении региональных геополитических вопросов, действительно входящих в круг ее ближайших интересов или непосредственно затрагивающих национальные или государственные интересы.

В то же время как политика гегемонии США распространяется абсолютно на любой регион мира, если преследуются какие-то национальные интересы этой страны. Следовательно, существовавшая до сих пор архитектура международной системы безопасности требует существенных уточнений не только на геополитическом и дипломатическом уровнях. Связано это прежде всего с тем, что произошли не только значительные сдвиги в сфере международных отношений, но и значительное столкновение цивилизационных интересов Запада и Востока, и с этим уже невозможно не считаться. Кроме того, цивилизационное противостояние явно вышло из-под контроля Запада, ранее считавшего, что процессы взаимоотношения мировых центров формируются и контролируются именно западной частью мирового сообщества. Существующие на сегодня региональные и локальные конфликты явно указывают именно на системную составляющую. Другими словами, манипулируемый Западом Восток был долгое время направляем или контролируем политическими или экономическими механизмами. Однако на сегодняшний момент Восток уже не согласен, а Запад уже не может осуществлять подобный контроль, не прикрываясь при этом откровенно насильственными (Ирак, Ливия), или манипуляционными (Украина, Турция, Сирия) действиями.

Таким образом, в результате проведенного исследования сформулирована и обоснована идея создания новой архитектуры международных отношений — через применение концепции «гибридного мира», которая заключается в идее недопущения дальнейшей эскалации геополитической обстановки путем приведения к единым и распространяющимся на всех существующих участников международных отношений, правовым и политическим нормам, по которым и будет в дальнейшем функционировать система мировой и общественной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Mack A.* Why big nations lose small wars: the politics of asymmetric conflict // *World Politics*. 1974. Vol. 27. Iss. 2. P. 175–200. doi: <https://doi.org/10.2307/2009880>
2. *Магда Е.В.* Гибридная война: выжить и победить. Харьков: Виват, 2015. 320 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.
4. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: колл. монография / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. 381 с.
5. *Хардт М., Негри А.* Множество: Война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 43.
6. *Шмитт К.* Теория партизана. М.: Практикс, 2007. 301 с.
7. *Радиков И.В.* Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождение» войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015 . № 3. С. 35.
8. *Фурсов А.И.* Холодный восточный ветер русской весны. М.: Книжный мир, 2015. С. 230.
9. *Горбачёв Ю.Е.* Сетевая война: миф или реальность? // Военная мысль. 2006. № 1. С. 66–76.
10. *Белозеров В.К., Соловьев А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 8–11.
11. *Гапич А.Э., Лушников Д.А.* Технологии цветных революций. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2014. С. 56.
12. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX в. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 156.
13. *Сидоров П.И.* Ментальная экология террористической гражданской войны // Экология человека. 2014. № 7. С. 15–23.
14. *Осинов Ю.М.* Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // Философия хозяйства. 2014. № 1. С. 17–22.
15. *Барановский В.Г., Иванова Н.И.* Глобальное управление: возможности и риски. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 315 с.
16. *Дынкин А.А., Иванова Н.И.* Глобальная перестройка. М.: Весь мир, 2014. 528 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ В ЖИЗНЬ РЕФОРМЫ СИЛОВЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ*

В средствах массовой информации и в научном сообществе не первый год обсуждаются различные варианты реформы институтов власти. Эти вопросы не раз поднимались и на страницах «Управленческого консультирования». Достаточно упомянуть работы Л.Т. Станкевича, Н.В. Горбатовой, посвященные административной реформе России [6], Л.Г. Ивашова о состоянии и перспективах военной реформы в современной России [3], И.Н. Барцица о международных методиках оценки эффективности государственного управления [1], К.Б. Дорогого о реформе государственного управления в России в критериях системности [2] и мн. др.

В самом общем плане под реформой понимается изменение в какой-либо сфере жизни, ее преобразование. Английское слово *reform* буквально означает: изменение (*re*) формы (*form*). Но употребление данного термина оправдано и тогда, когда речь идет о коренном изменении содержания. Конечная цель любой реформы — это существенные изменения в механизме функционирования объекта. Важно отметить, что понятие «реформа» не является синонимом таких родственных категорий, как «оптимизация», «усовершенствование», «модернизация». Термин «модернизация» происходит от английского слова *modern*, что означает современный, обновленный. Обычно под модернизацией понимают обновление объекта и приведение его в соответствие с современными требованиями и нормами. Также это может быть процесс полной или частичной реконструкции общественной системы с целью ускорения экономического и социокультурного развития. В новейшей истории модернизации подвергались — с большей или меньшей степенью успеха — общества с различным общественно-политическим укладом. Социалистический Китай, например, с 1989 г. весьма успешно осуществлял модернизацию экономики, которая привела к изменению геополитического статуса КНР и ее окончательному превращению в великую державу.

* *Ковалев А.А.* Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти // Управленческое консультирование. — 2016. — №10. — С.126-134.

У истоков самого понятия «модернизация» стоят философские идеи эпохи Просвещения. Идеология просветителей питала собой не только европейский рационализм, но и веру в неодолимую силу исторического процесса как прогресса свободы. Воле наделенного разумом реформатора приписывались порой сакральные качества. Именно философия Просвещения лежала в основе большинства красивых социальных утопий, всеобъемлющих экономических доктрин, технико-технологических и социокультурных проектов XIX и XX вв. Эта философия до сих пор отчетливо проявляется и во многих современных теориях модернизации, хотя от эпохи Просвещения нас отделяет уже более трех веков. Но при любой модернизации существует опасность разрушения государствообразующего каркаса и основ экономического строя. Так произошло в СССР во время перестройки 1985–1991 гг., которая осуществлялась без должного социально-экономического обоснования и привела к распаду Советского Союза.

Понятие «оптимизация» означает, в свою очередь, процесс максимизации выгодных характеристик, соотношений, и минимизации расходов. Оптимизация предполагает достижения оптимума, то есть наилучшего состояния системы. Процесс оптимизации более мягок по сравнению с модернизацией и предполагает не коренную перестройку устаревшего социально-экономического механизма, а лишь замену некоторых его износившихся частей.

История России знала немало реформ — от Петра I, Александра II, Петра Столыпина до А. Косыгина, М. Горбачева, Е. Гайдара, от отмены крепостного права до приватизации в 90-е годы XX в. Новый этап реформ в России начался в 2000 г. Непосредовательность и непродуманность проводимых в это время преобразований, «серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ, опасная дезинтеграция государственных институтов, системный экономический кризис, издержки приватизации в сочетании с политическими спекуляциями на естественном стремлении людей к демократии» [5, с. 67] порождали реальные угрозы национальной безопасности.

В конце 2015 г. на страницах одного федерального издания вышла статья¹, посвященная вопросам проведения административной реформы. Мы не будем подробно анализировать содержание указанной статьи, но выделим для себя некоторые моменты. В статье говорится, что для экономии бюджетных расходов следует отказаться от федеральных органов исполнительной власти с объективно малой численностью сотрудников, предусмотрев укрупнение действующих министерств путем создания так называемых «больших» ведомств. В представленной структуре исполнительных органов власти наше

¹ Путину предложат сократить правительство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2015/561dfd359a794761d7a9ec5d>

внимание привлекло так называемое «Министерство безопасности Российской Федерации». Сразу оговоримся, что цель нашей статьи — проанализировать некоторые теоретические вопросы обеспечения национальной безопасности, и мы ни в коей мере не претендуем на всеобъемлющий подход к проблеме. Решение этой задачи — прерогатива законодательного и исполнительного корпуса власти в теснейшем взаимодействии с научным сообществом.

В апреле 2016 г. дан старт очередным реформам в силовых институтах власти. Президент России своим решением на базе Внутренних войск МВД России создал Федеральную службу войск Национальной гвардии Российской Федерации¹, а также упразднил Федеральную службу по контролю за оборотом наркотиков и Федеральную миграционную службу, функции и полномочия которых до 1 января 2017 г. должны быть переданы в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации².

По мнению профессора И.В. Радикова, «удовлетворение потребности в безопасности в различные исторические эпохи определялось уровнем общего развития не только государства (общества), его экономической и культурной составляющих, но и самого человека, живущего в данной среде и воспринимающего ее в силу особенностей своего характера и окружения» [4, с. 7]. В процессе осуществления реформ институтов власти необходимо учитывать процесс развития самого общества и взаимовлияние силовых органов власти и общества.

Существует несколько аспектов указанной взаимосвязи, в том числе политический, экономический, социальный. В России всегда была необходима мощная и разветвленная структура силовой компоненты государственного механизма. Это было связано прежде всего с обширностью территории страны и невозможностью осуществлять всеобъемлющую безопасность государства небольшими силами. Стоит предположить, что целью предлагаемой реформы силовых министерств и ведомств и создания Министерства безопасности России является реализация оптимального варианта поддержания и укрепления национальной безопасности страны.

Профессор И. В. Радиков считает, что «с появлением новых опасностей и угроз, новых факторов развития возникает потребность в новой парадигме безопасности и осуществляющей ее на практике системы безопасности» [4, с. 8]. Условиями такой реформы могут выступать: политика государства в этой сфере, основанная на Стратегии национальной безопасности и других концептуальных доку-

¹ Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 157 от 5 апреля 2016 г.

² О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156.

ментах; экономически обоснованный уровень, достаточность сил и средств для обеспечения безопасности.

Предпосылки реформирования министерств и ведомств, идея создания объединенного органа по обеспечению безопасности находят свое косвенное отражение в Стратегии национальной безопасности России¹. Как мы знаем, это — базовый документ, определяющий цели, задачи и меры, направленные на укрепление национальной безопасности России. Указанный документ включает в понятие национальной безопасности оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные российским законодательством, в том числе государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую и т. д. Обеспечивается национальная безопасность путем реализации политических, военных, организационных, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие возникшим угрозам.

Стратегия национальной безопасности использует также термин «национальный интерес», под которым понимается потребность личности, общества и государства в обеспечении их защищенности. К национальным интересам на долгосрочную перспективу относятся укрепление обороны страны, обеспечение неизблемости конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации. Обеспечивается же национальный интерес эффективностью функционирования систем обороны страны, государственной и общественной безопасности.

Реформа силовых министерств и ведомств в сфере обороны осуществляется в рамках совершенствования военной организации государства на основе сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения военных формирований и органов современным вооружением, специальной техникой и т. д. В области государственной и общественной безопасности реформа силовых институтов власти направлена на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, совершенствование системы профилактики преступности, разработки и использования специальных мер, направленных на снижение криминализации.

Основной упор делается на то, что усиливается роль государства в качестве гаранта безопасности личности, повышается доверие граждан к правоохранительной системе. Все это достигается в случае совершенствования структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти, комплексного развития правоохранительных органов и специальных служб, повышения социальной ответственности органов обеспечения безопасности.

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

В указанной нами статье¹ представлена структура нового силового министерства. Сказано, что ведомство создается на базе существующей Федеральной службы безопасности России путем добавления функций в сфере связи и фельдъегерской деятельности, государственной охраны, внешней разведки, обустройства границы и специального строительства. В структуре объединенного Министерства безопасности России предполагается три агентства: Федеральное агентство связи и фельдъегерской деятельности, Федеральное агентство внешней разведки, Федеральное агентство охраны. Нам неизвестно, каким образом планируются возможные будущие изменения — объединением или поглощением структур.

В структуру федеральных органов исполнительной власти входят министерства, службы и агентства². Между ними имеется ряд отличий как в правовом, так и в организационном плане. Одни министерства и ведомства находятся в прямой подчиненности Президенту России (к примеру, ФСБ, СВР, ФСО, Минобороны), другие подчиняются председателю правительства Российской Федерации (экономические, социальные министерства, в частности, Минздрав, Минобрнауки, Минсельхоз и др.).

Федеральное министерство осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в своей сфере деятельности; Федеральная служба осуществляет функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности; Федеральное агентство осуществляет функции по оказанию государственных услуг, правоприменительные функции.

Аббревиатура МБ (Министерство безопасности России) ассоциируется с КГБ (Комитет государственной безопасности СССР, существовавший с 1954 по 1991 гг.). Основными функциями КГБ были как раз те, что планируются нынче в новом министерстве. А именно: внешняя разведка, контрразведка, охрана государственной границы СССР, охрана руководителей государства, организация и обеспечение правительственной связи. Одной из задач КГБ было также обеспечение высших органов государственной власти информацией, затрагивающей государственную безопасность и оборону страны.

В советское время в структуре органов государственного управления были министерства, комитеты, агентства. В основу деятельности министерств СССР был положен отраслевой принцип управления, государственный комитет СССР осуществлял межотраслевое управление, а государственное агентство было органом специально-

¹ Путину предложат сократить правительство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2015/561fdf359a794761d7a9ec5d>

² О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314.

го назначения. Существующие ныне силовые организации в той или иной мере берут свое начало именно в КГБ СССР. К примеру, Первое главное управление КГБ передало свои функции СВР России, Второе главное управление КГБ отвечало за нынешние функции ФСБ России в области контрразведки, Восьмое главное управление КГБ передало свои функции Службе специальной связи и информации ФСО России, Главное управление пограничных войск КГБ — явный аналог Пограничной службы ФСБ России, Девятое управление КГБ трансформировалось по функциям в ФСО России, функции Пятнадцатого главного управления КГБ перешли к Спецстрою России.

Проведем ретроспективный анализ истории создания ныне действующих институтов власти в современной России. Вспомним, как были образованы ФСБ, ФСО, СВР, ГФС, Росграница.

Начнем с Федеральной службы безопасности России. 19 декабря 1991 г. на базе упраздняемых на тот момент Министерства внутренних дел СССР, Министерства внутренних дел РСФСР, Межреспубликанской службы безопасности и Агентства федеральной безопасности создается Министерство безопасности и внутренних дел РСФСР. Но уже в 1992 г. из структуры этого ведомства отдельно выводится Министерство безопасности России, которое в 1993 г. стало именоваться Федеральной службой контрразведки. Через два года, в апреле 1995 г. она стала называться Федеральной службой безопасности. В 2004 г. в ходе административной реформы ФСБ России придан статус федеральной службы.

Федеральная служба охраны Российской Федерации была создана путем объединения Главного управления охраны Российской Федерации со Службой безопасности Президента Российской Федерации в 1996 г. В 2004 г. в состав ФСО России включена Спецсвязь России, являющаяся правопреемником Федерального агентства правительственной связи и информации РСФСР.

Служба внешней разведки России ведет свою историю с 1992 г. Изначально она именовалась Федеральной службой внешней разведки России (в 1996 г. в течение непродолжительного времени также называлась Федеральной службой внешней разведки). В 2004 г. наряду с ФСБ ФСО также придан статус федеральной службы.

Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации образована на базе Минсвязи России. С 1992 по 1995 гг. именовалась Федеральным управлением фельдъегерской связи при Минсвязи России, затем реорганизована в Государственную фельдъегерскую службу Российской Федерации. В 1996 г. была упразднена, однако через три недели решение было отменено и была образована Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации Министерства связи Российской Федерации. В 1997 г. в результате реформы фельдъегерская служба стала называться Государственной

фельдъегерской службой при правительстве России. Последний раз изменения коснулись службы в 2000 г., когда она была преобразована в Государственную фельдъегерскую службу Российской Федерации.

Интересно проследить историю реформирования Спецстроя России. Так, в 1997 г. были ликвидированы Федеральное управление специального строительства при правительстве России, Федеральное специализированное управление по строительству в восточных районах России при Государственном комитете Российской Федерации по жилищной и строительной политике, Главное военное эксплуатационно-восстановительное управление Государственного комитета Российской Федерации по связи и информатизации, Центральное управление военно-строительных частей при Министерстве Российской Федерации по атомной энергии и была образована Федеральная служба специального строительства России. Однако, менее чем через год, в 1998 г., созданное ведомство было упразднено. В 1999 г. было образовано Федеральное управление специального строительства при Государственном комитете Российской Федерации по строительной, архитектурной и жилищной политике, которое спустя полгода оказалось в подчинении у правительства России, а после этого преобразовано в Федеральную службу специального строительства при Правительстве России. В 2000 г. — новая реформа и новое преобразование — в Федеральную службу специального строительства, которая в 2004 г. переименована в Федеральное агентство специального строительства.

Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации просуществовало 9 лет, с 2007 по 2016 гг. В соответствии с указом Президента Российской Федерации, 2 февраля 2016 г. Росграница как федеральное ведомство было упразднено¹, а его функции переданы Министерству транспорта России.

Для того чтобы понять, какие задачи будут стоять перед новым министерством, стоит ознакомиться с действующими задачами, стоящими перед ФСБ, ФСО, СВР, ГФС, Спецстроем России. Эти задачи сформированы в базовых правовых актах. Так, перед ФСБ в сфере обеспечения безопасности поставлены 15 задач². Мы не будем их подробно разбирать. Если кратко: управление органами безопасности, организация их деятельности; информирование Президента России, органов власти об угрозах безопасности Российской Федерации, органов выявления, предупреждения и пресечения деятельности иностранных спецслужб, террористической деятельности, организованной преступности, ведение уголовных дел, защита информации и др.

¹ Об упразднении Федерального агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 40.

² Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 960.

У ФСО значительно меньше задач, их 8¹. Это связано с тем, что в зоне ответственности ФСО находится определенное количество «специальных лиц», именуемых объектами государственной охраны. И именно деятельность органов государственной охраны направлена на обеспечение безопасности Президента России, председателя правительства, глав палат Федерального собрания, руководителей высших судебных органов государства. Также в задачу ФСО входит обеспечение организации и функционирования федеральных информационных систем, правительственной связи, обеспечение информационной безопасности, участие в борьбе с терроризмом. СВР имеет в своем арсенале 3 основных задачи², главная из которых — обеспечение Президента, правительства и Федерального собрания разведывательной информацией, необходимой для принятия решений, в том числе в политической, экономической, оборонной областях.

Росграница до своего упразднения осуществляла функции по выработке и реализации государственной политики в сфере обустройства государственной границы, создания, развития, обеспечения деятельности пунктов пропуска через границу Российской Федерации³.

Спецстрой находится в структуре Министерства обороны России и решает 7 задач⁴. Это в основном деятельность, связанная со строительством и реконструкцией объектов обеспечения обороны и безопасности государства, строительство и восстановление автомобильных дорог оборонного и общего пользования.

Таким образом, проанализировав задачи силовых органов власти, закрепленных в правовых актах, можно выделить ряд управленческих и обеспечивающих функций. К управленческим функциям относятся: управление ресурсами и средствами; информирование органов власти; выявление, предупреждение и предотвращение угроз безопасности. К обеспечивающим функциям: строительство спецобъектов; организация правительственной связи и доставка специальной корреспонденции. Помимо прочего, существуют также идентичные задачи, но у каждого в своей, сугубо специфической сфере деятельности. Это борьба с терроризмом, обеспечение информационной безопасности, разведывательная деятельность, защита сведений, составляющих государственную тайну.

¹ Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2004 г. № 1013.

² О внешней разведке: Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ.

³ О Федеральном агентстве по обустройству государственной границы Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 октября 2007 г. № 1359.

⁴ Вопросы Федерального агентства специального строительства: указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1084.

Анализируя идею создания Министерства безопасности России, выделим здесь ключевую категорию — «безопасность». Итак, основной целью создания объединенного силового ведомства является обеспечение безопасности. Однако действующее российское законодательство не содержит четкого определения понятия «безопасность». В Конституции России имеется 11 установок по различным вопросам безопасности¹: это безопасность государства², государственная безопасность³, общественная безопасность⁴, оборона и безопасность⁵, экологическая безопасность⁶, безопасность граждан⁷, безопасность людей⁸, а также безопасность труда⁹.

Базовый закон «О безопасности» состоит из 20 статей¹⁰ и вообще не содержит никаких определений данного понятия. Его с полным основанием можно назвать «Законом о Совете безопасности», потому что Совету безопасности, вернее, его статусу, посвящена одна, самая большая из четырех имеющихся глав закона, в которой достаточно подробно расписаны задачи, функции, состав, организация деятельности Совета безопасности. Есть даже статья, специально посвященная секретарю Совета безопасности, его статусу, порядку назначения и наделения полномочиями. В этом законе указаны принципы, содержание, правовые основы, полномочия органов власти в области безопасности и т. д.

Несмотря на то, что данный федеральный закон является «рамочным», самым большим методологическим упущением является то, что в нем отсутствует юридическое определение категории «безопасность». Таким образом, говоря о безопасности с правовой точки зрения, мы не имеем официальной трактовки этого понятия.

Это может вызвать правовые коллизии. Этим же федеральным актом законодатель ликвидировал базовое определение безопасности, которое было в Законе Российской Федерации «О безопасности» и определялось «как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹¹.

¹ Конституция Российской Федерации: офиц. текст.

² Там же, ч. 5 ст. 13; ч. 3, ст. 55; ч. 1 ст. 82.

³ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 114.

⁴ Там же, п. «б» ч. 1 ст. 72.

⁵ Там же, п. «м» ст. 71.

⁶ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 72.

⁷ Там же, ч. 1 ст. 56.

⁸ Там же, ч. 3 ст. 37, ч. 2 ст. 74; ч. 1 ст. 98.

⁹ Там же, ч. 3 ст. 37.

¹⁰ О безопасности: Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

¹¹ О безопасности: Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. (утратил силу).

В свою очередь, стратегия национальной безопасности¹ трактует, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации — прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Согласимся с профессором Санкт-Петербургского университета, доктором политических наук И. В. Радиковым, который подчеркивает: «Мы должны исходить из того, что потребности безопасности России существуют объективно. На каждом этапе ее исторического развития они не должны выходить за пределы неких границ при любой внутривнутриполитической структуре. Но высшим критерием этих потребностей, национальных интересов в демократическом обществе должны быть потребности каждого человека, ибо только их гарантия способна дать государству и обществу подлинную стабильность и безопасность... Защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, установление политической, экономической и социальной стабильности, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества в сущности своей являются с позиции конкретного человека способами обеспечения главного, жизненно важного, значимого интереса государства — всестороннего развития личности» [5, с. 75].

По нашему мнению, целью реформы силовых органов власти в сфере безопасности является обеспечение значительного повышения эффективности и надежности безопасности государства при минимальных затратах с учетом требований обновленной стратегии национальной безопасности России и других концептуальных документов в сфере обороны и безопасности государства. В ходе проведения реформы необходимо также провести глубинные преобразования в правовой, экономической, технической, научной сферах системы обеспечения безопасности России. Это в свою очередь приведет к изменению всех структур управления в сфере безопасности государства и принципов их деятельности, к совершенствованию организационно-кадровой структуры, а также к уточнению военно-технической политики обеспечения безопасности государства.

На наш взгляд, реформы силовых структур назрели давно и являются весьма своевременными. Прежде всего, это связано с изменившейся внешнеполитической обстановкой, когда России приходится отвечать на недружественные и агрессивные действия как внутри

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

страны, так и за рубежом. Концентрация силовых структур и их интеграция в одно целое может привести к положительным результатам в деле обеспечения всеобъемлющей безопасности страны. Однако такое укрупнение должно быть проведено с максимальной степенью эффективности, дабы не породить очередную громадную и нежизнеспособную бюрократическую структуру, которую через какое-то время придется снова расчленять на более мелкие структурные единицы. Опыт государственного строительства в нашей стране показывает, что такая опасность есть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Барциц И.Н.* Международные методики оценки эффективности государственного управления // Управленческое консультирование. 2009. № 4 (36). С. 10–26.
2. *Дорогой К.Б.* Реформа государственного управления в России в критериях системности // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). С. 145–152.
3. *Ивашов Л.Г.* Военная реформа в современной России: состояние и перспективы // Управленческое консультирование. 2006. № 2 (22). С. 42–51.
4. *Радиков И.В.* Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 5–11.
5. *Радиков И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 1. С. 64–82.
6. *Станкевич Л.Т., Горбатова Н.В.* Административная реформа России как процесс формирования диалога государственной власти и общества // Управленческое консультирование. 2005. № 3 (19). С. 197–211.

О РОЛИ И МЕСТЕ ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВЛАСТНОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ*

По мнению многих специалистов, в настоящее время вероятность развязывания против России крупномасштабной агрессии весьма мала [2]. Тем не менее, это не означает, что не нужно принимать мер по обеспечению военной безопасности страны и укреплению ее обороноспособности. Мир не стал более безопасным, скорее, наоборот: по всему миру пылают вооруженные конфликты, некоторые из них — в непосредственной близости от границ России. Поэтому усилия по обеспечению военной безопасности государства не только не могут быть снижены, но и должны быть значительно увеличены.

В своих работах мы неоднократно показывали, что одно только укрепление обороноспособности не может решить проблему обеспечения военной безопасности, так как вопреки конституированному в Российской Федерации подходу, безопасность не только и не столько состояние защищенности, сколько ситуация, при которой объекту безопасности не может быть причинен существенный вред в виде деструкции, дисфункции, ухудшения условий существования [1]. Таким образом, безопасность объекта обеспечивается, в первую очередь, принятием превентивных мер по недопущению нападения на него, ослаблением источника опасности, упрочением самого объекта и созданием условий для оперативного устранения последствий нападения, в случае его осуществления.

Вследствие этого военная безопасность государства должна обеспечиваться путем исключения (существенного снижения вероятности) возникновения войны, противодействия вовлечению в войну, а в случае ее возникновения — сведением к минимуму разрушительных последствий и ущерба для населения страны. Требуемый уровень военной безопасности может быть обеспечен только целенаправленными и скоординированными действиями государственных институтов и гражданского общества [3, 4]. Поэтому для обеспечения военной безопасности государство должно осуществлять комплекс мер

* Ковалев А.А. О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны // Управленческое консультирование. — 2018. — №2. — С. 24-31.

во всех важнейших областях функционирования общества — политической, экономической, информационной и других, оказывающих существенное влияние на задачу обеспечения военной безопасности.

Как известно, военная безопасность имеет два аспекта: внутренний и внешний. Внутренний аспект военной безопасности связан, прежде всего, с проблемами взаимодействия власти с гражданским обществом и взаимоотношений центра с регионами. Именно поэтому вопрос обеспечения военной безопасности страны должен стать одним из основных в повестке дня органов власти всех уровней — от федерального до местного, в том числе и такого института власти, как полномочные представители Президента Российской Федерации в федеральных округах. Первые полпреды Президента России появились еще в сентябре 1991 г., спустя месяц после произошедшего в августе государственного переворота и смены режима власти в стране. Тогда они назывались «полномочными представителями в республиках, краях, областях, автономных областях и автономных округах, городах Москва и Ленинград». Это были выходцы из демократического движения на местах, как правило, не имевшие никакого опыта государственной службы и выполнявшие функцию идеологического контроля на этапе тотальной смены советского аппарата власти на демократический. На том этапе не было никакой унификации этого нового для России института. Достаточно сказать, что в 1991—1992 гг. полпреды повсеместно назначались в краях и областях, а в республики президентская власть не решалась назначать своих «наместников» вплоть до 1997 г. Для четырех республик Северного Кавказа был назначен один полпред. А в таких республиках, как Татарстан, Башкортостан и Якутия полпреды вообще не были назначены.

В 1993 г., после принятия новой российской Конституции, куда было внесено понятие о субъектах федерации, полпреды стали называться «полномочными представителями президента в субъектах федерации». А начиная с 1997 г. их стали именовать полпредами в регионах. При этом назначались на эту должность уже не демократы первой волны, а все чаще люди, имевшие опыт управления. Это диктовалось необходимостью контроля за проведением экономических реформ. Но и тут все еще не было общих правил игры. Так, в Нижнем Новгороде функции губернатора и функции полпреда президента совмещал один человек — Б.Е. Немцов. То же самое было и в Москве, где мэром и одновременно полпредом был Г.Х. Попов. В этих случаях говорить о каком бы то ни было контроле не приходилось. Политическая и экономическая ситуация в регионах была разная. Так, в Чеченской республике, находившейся в те годы в состоянии вооруженного конфликта с федеральным центром, невозможно было обойтись без фигуры полномочного представителя президента,

притом — человека именно из федерального центра и облеченного достаточно большими полномочиями. В 1994—1999 гг. функции полпреда в Чечне последовательно выполняли люди, одновременно занимавшие высокие посты в федеральных органах власти: министр по делам национальностей Н.Д. Егоров, вице-премьер правительства О.Н. Сосковец, секретари Совета безопасности РФ О.И. Лобов, А.И. Лебедь, И.П. Рыбкин.

В годы президентства Б.Н. Ельцина его наместники в регионах часто менялись, конфликтовали с губернаторами, чьи функции им приходилось фактически дублировать, не имея для этого реальных рычагов влияния. К концу 1990-х стало очевидно, что этот институт надо или серьезно реформировать, или упразднить как избыточную структуру в пирамиде власти.

Принципиально иной подход был предложен новым Президентом России В.В. Путиным. Указом от 13 мая 2000 г. в стране были созданы семь федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Южный, Уральский, Сибирский и Дальневосточный. Соответственно вместо 87 полпредов стало 7. Позже, во время президентства Д.А. Медведева, из Южного был выделен Северо-Кавказский округ, куда вошли республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания, Чеченская республика и Ставропольский край. В 2014 г. был образован Крымский федеральный округ. Однако уже в 2016 г. Республика Крым и город федерального значения Севастополь были присоединены к Южному федеральному округу. Таким образом, на сегодняшний день в России восемь федеральных округов.

Однако существование данного института до сих пор вызывает дискуссии в обществе. Зачем он нужен? Какие задачи и функции выполняет? Не изжил ли он себя за четверть века своей истории в новой России? Во-первых, сам институт федеральных округов не предусмотрен российской конституцией, существует в рамках президентского указного права, что в определенной степени ограничивает его легитимность, и, как видно из ретроспективного анализа, создавался он как инструмент антикризисного управления. Во-вторых, данный институт в своем развитии пережил несколько трансформаций, каждый раз принципиально менявших характер и смысл его деятельности. В-третьих, это наиболее закрытая, непрозрачная структура, что заставляет общество сомневаться в ее эффективности. Тем более что вопрос об упразднении данного института уже поднимался на довольно высоком уровне. Так, нынешний председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко, сама в прошлом полномочный представитель президента в Северо-Западном федеральном округе (март — октябрь 2003 г.), выступая на заседании Госсовета в декабре 2011 г., заявила о том, что институт полномочных представителей

президента «изжил себя» и может быть упразднен¹. Этого, однако, не произошло.

Почему В. В. Путин не упразднил, а только реформировал институт полпредов президента? Можно задать и другие вопросы, например: почему большинство первых назначенцев В. В. Путина на должности полномочного представителя были выходцами из силовых структур: бывшие сотрудники КГБ/ФСБ Г.С. Полтавченко, В.В. Черкесов, армейские генералы А.В. Квашнин, В.Г. Казанцев и К.Б. Пуликовский, имевшие опыт руководства боевыми действиями в Чечне? Ответ очевиден: после «смуты» 1990-х необходимо было в определенном смысле выровнять положение дел в регионах, которые в те годы принимали местные законы, часто вступающие в противоречие с Конституцией, не подчинялись федеральному центру и т. д. Для наведения единого порядка, унификации законов, выстраивания вертикали власти в роли полномочных представителей Президента нужны были люди не из местной обоймы, порой сидевшие в тех же зданиях, что и губернаторы, делившие с ними одну приемную и морально зависимые от них. Вот почему отдельным Указом Президента от 28 июля 2000 г. были определены не только города их пребывания: полпредство Южного федерального округа в Ростове-на-Дону, Приволжского — в Нижнем Новгороде, Сибирского — в Новосибирске и т. д., но и здания, предоставляемые для размещения полномочных представителей и сотрудников их аппаратов.

Нужны были известные в стране, авторитетные и влиятельные люди, имевшие серьезный опыт работы в кризисных условиях. А практика работы в силовых ведомствах позволяла более эффективно, порой жестко контролировать деятельность местных властей. Теперь полпреды считались сотрудниками Администрации президента, вошли в состав Совета безопасности РФ. И надо признать, что на этапе выстраивания жесткой вертикали власти институт полномочных представителей Президента в федеральных округах в основном справился со своей задачей. Сегодня это авторитетные представители высшей государственной власти на местах, без согласования с которыми не решаются ни кадровые, ни какие-то иные вопросы. Давно не слышно о конфликтах между полпредами Президента и губернаторами, случаях игнорирования их мнения.

Пройдя путь от противостояния к взаимодействию, от жесткого надзора к согласованному сотрудничеству, федеральная власть укрепила свое влияние на местах, что благотворно сказалось на стабильности государства в целом. В этом есть определенная заслуга института полпредства. Тем не менее, и сегодня не всем понятно, чем же

¹ Валентина Матвиенко предложила упразднить полпредства // Газета Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/1846319>

конкретно занимаются в своих округах полпреды Президента. Согласно официальным документам их основными задачами являются:

- организация в соответствующем федеральном округе работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом Российской Федерации;
- организация контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти;
- обеспечение реализации в федеральном округе кадровой политики Президента Российской Федерации;
- представление Президенту Российской Федерации регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе, а также о политическом, социальном и экономическом положении в федеральном округе, внесение Президенту Российской Федерации соответствующих предложений.

Главная же функция полпреда — обеспечение координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в соответствующем федеральном округе. Для ее реализации у полномочного представителя Президента есть право беспрепятственного доступа в любые организации, находящиеся в пределах вверенного ему федерального округа. Они взаимодействуют в этом плане с территориальными управлениями МВД и ФСБ, прокуратурой. Полпреды задействованы в коррупционных расследованиях в своих округах. Громкие коррупционные дела последних лет, фигурантами которых стал целый ряд губернаторов, были реализованы не без участия полномочных представителей Президента. Можно сказать, что сегодня они занимаются наблюдением за всем, что происходит во вверенных им регионах, анализом всех происходящих в них процессов. Очень важна роль полпредов в контроле за проведением выборов разного уровня.

Непосредственное обеспечение деятельности полпредов осуществляют подчиненные им федеральные инспекторы в краевых и областных центрах, столицах республик, крупных городах. Так, представительство президента в Северо-Западном федеральном округе находится в Санкт-Петербурге, а федеральные инспекторы этого округа есть в Архангельске, Вологде, Калининграде, Петрозаводске, Сыктывкаре, Мурманске, Пскове и других городах, образуя, таким образом, разветвленную сеть президентского представительства на местах. Федеральными инспекторами в границах округа руководит аппарат полномочного представителя, в состав которого входят, например, департамент по вопросам внутренней политики, департамент по реализации общественных проектов, департамент по вопросам государственной службы, кадров и государственных наград и т. д. Координацию деятельности самих полпредов осуществляет глава Администрации Президента Российской Федерации.

При всем этом институт полномочных представителей Президента в федеральных округах не является самостоятельным органом власти, а лишь ответвлением власти президентской. Выполняя контрольные, координационные, аналитические функции, согласовывая кадровые назначения, перестановки и отставки, участвуя в разработке экономических программ региона, полпреды сами не могут принимать решений, но могут рекомендовать решения, с одной стороны, — губернаторам, с другой — Президенту страны.

Нас особенно интересует взаимодействие полпредов Президента с силовыми ведомствами в регионах. Надо не забывать, что сами эти ведомства являются, по сути, полномочными представителями соответствующих федеральных органов. Так, Федеральная служба безопасности имеет свои управления в регионах, которые так и называются: Управление ФСБ по Краснодарскому краю... по Санкт-Петербургу... по республике Дагестан и т. д. То же и с другими силовыми федеральными службами (ФСО, ФСВНГ), которые, дислоцируясь в регионах, подчиняются не региональным властям, а Москве. Нам представляется, что это затрудняет взаимодействие полпредов в федеральных округах с соответствующими федеральными службами в регионах, хотя они и имеют право согласования кандидатур при назначении руководителей этих подразделений.

Что касается взаимодействия, то здесь прослеживается тенденция к созданию на региональном уровне координационных структур (коллегий) с участием территориальных подразделений федеральных силовых органов. Сегодня в структуре аппаратов полномочных представителей Президента в большинстве федеральных округов функционируют координационные и совещательные органы, в том числе — по вопросам борьбы с терроризмом, обеспечения обороны и национальной безопасности.

Так, в Северо-Западном федеральном округе эти проблемы рассматриваются в Совете по вопросам безопасности, противодействию коррупции и экстремизму, основными задачами которого являются: оценка общественно-политической и социально-экономической ситуации в федеральном округе; выработка предложений и рекомендаций по устранению угроз национальной безопасности, повышению эффективности деятельности территориальных силовых органов и их взаимодействию с органами государственной власти. Там же действует Межведомственный совет по защите информации, который является консультационно-совещательным органом, также координирующим деятельность территориальных органов МВД, ФСБ и других, их взаимодействие с региональной властью, органами местного самоуправления в части реализации государственной политики по защите информации.

В Центральном федеральном округе действуют комиссия по информационной безопасности и коллегия по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности. В Приволжском федеральном округе — координационный совет по защите информации и коллегия по вопросам безопасности. В Северо-Кавказском федеральном округе — межведомственная рабочая группа по защите информации и подготовке специалистов в области информационной безопасности, а также координационное совещание по вопросам безопасности, противодействия коррупции и обеспечения правопорядка. В Дальневосточном федеральном округе работают межведомственные комиссии по пограничной политике, информационной и общественной безопасности, укреплению законности и правопорядка.

А вот в структуре аппарата полномочного представителя Президента в Сибирском федеральном округе коллегиальных органов, связанных с проблемами безопасности, судя по всему, не существует¹. Отсутствует подобная информация и на официальных сайтах полномочных представителей Президента в Южном² и Уральском³ федеральных округах.

Проанализировав положения о совещательно-коллегиальных органах по вопросам безопасности при аппаратах полномочных представителей Президента в федеральных округах, можно констатировать, что основными их задачами являются:

- анализ системности и комплексности применения политических, организационных, информационных, правовых и иных мер по обеспечению безопасности;

- анализ эффективности деятельности в федеральном округе правоохранительных и иных государственных органов, ведающих вопросами обороны и безопасности;

- мониторинг состояния военной безопасности, гражданской обороны и мобилизационной готовности, безопасности пограничного пространства;

- выработка рекомендаций и предложений по предотвращению угроз национальной безопасности на территории округа, укреплению законности и правопорядка, обеспечению защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка и собственности.

¹ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://sfo.gov.ru/polpred/orgs>

² Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://ufo.gov.ru>

³ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://uralfgo.gov.ru/polpred/orgs>

Таким образом, институт полпредов взял на себя миссию анализа деятельности силовиков разных ведомств и организации коллективного обсуждения актуальных вопросов безопасности, выработки предложений и рекомендаций на этот счет.

Насколько это эффективно, если учесть, что при губернаторах действуют свои советы безопасности, также являющиеся, по сути, межведомственными коллегиями? Ведь получается, что советы и совещания при аппаратах полномочных представителей Президента, практически, дублируют их работу. А если учесть, что в них участвуют, скорее всего, не первые лица силовых ведомств, как в советах безопасности при губернаторах, а подчиненные им сотрудники, и сами эти советы и совещания никак не вписаны в структуру властных механизмов обеспечения безопасности государства, деятельность их превращается в пустую формальность, что не способствует ни работе самих силовых ведомств, ни советов при губернаторах.

Однако других более-менее легитимных механизмов и возможностей влияния чиновников полпредств и самих полпредов на решение вопросов обеспечения безопасности регионов, а тем более страны в целом, на данный момент просто не существует. И, видимо, именно поэтому некоторые исследователи даже не включают полпредов в состав субъектов обеспечения военной безопасности Российской Федерации [5]. Тем не менее, институт полпредов продолжает функционировать и по-своему реагировать на вызовы времени. И сегодня, когда идет ротация в губернаторском корпусе, и на должности руководителей регионов приходят новые люди, опытные полпреды могли бы сыграть роль не надзирателей, но наставников, помочь в анализе ситуации в регионе, поиске оптимальных решений возникающих проблем, в том числе в сфере обеспечения спокойствия и стабильности в регионах, особенно по периметру границ России, где сегодня особенно много угроз национальной безопасности нашей страны.

Кроме того, целесообразно было бы перенести акцент в проведении мероприятий по усилению антитеррористической защищенности, информационной, экологической и даже экономической безопасности с глав субъектов Российской Федерации на полномочных представителей Президента в федеральных округах. Такой шаг мог бы освободить глав регионов от несвойственных им задач, для решения которых в составе создаваемых при них советов, как правило, нет соответствующих специалистов. Тем более что структуры Вооруженных сил, Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, в какой-то степени Федеральной службы безопасности и других силовых ведомств «привязаны» именно к округам, а не к субъектам.

В любом случае, очевидно, что институт полномочных представителей должен быть очень серьезно реформирован и интегрирован в прописанный в Конституции механизм управления государством и легитимизирован, в первую очередь, в качестве одного из субъектов властного механизма обеспечения военной безопасности государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Атаманов Г.А.* Методология безопасности [Электронный ресурс] // Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука-XXI», 2011. URL: <http://nauka XXI.ru/materials/302/>
2. *Волошко В.С.* Военная политика и проблемы обеспечения военной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/safety/9.htm>
3. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.
4. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб.: Коновалов А. М., 2016.
5. *Фатеев К.В.* Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. М.: За права военнослужащих, 2005.

ПОЛИТИКА ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

В современной международной политике часто принято выдвигать взаимные обвинения в применении двойных стандартов. Следует отметить, что само это выражение несколько грешит алогичностью. Любая страна проводит внешнюю политику, которая призвана, прежде всего, служить ее интересам. Но в современную эпоху невозможны международные отношения и система всемирной безопасности, которые были бы построены на соблюдении интересов лишь одного государства или цивилизационного конгломерата.

Порой абсурдность обвинений в применении двойных стандартов состоит в том, что международная политика призвана защищать интересы каждой из сторон, поэтому она априори не может быть односторонней и базироваться на одном-единственном стандарте. Времена лорда Палмерстона давно канули в лету. Этот политик еще мог в середине XIX века сказать, что «Great Britain has no constant friends or enemies but rather constant interests» (У Британии нет ни постоянных врагов, ни постоянных друзей, а есть только постоянные интересы) [6]. США после распада СССР и возникновения однополярного мира пытались в своей международной политике за последние четверть века реанимировать формулу Генри Джона Палмерстона, но вызвали этим лишь обострение международной ситуации и качественно новый виток противостояния цивилизаций.

Реальную политику необходимо рассматривать и с позиции философии (через применение критерия истинности), и как конечный результат — деятельность, направленную на поиск истины. Одновременно необходимо понимать, что политика является инструментом, а не конечным результатом поиска истины. И её функциональной обязанностью является поиск консенсуса и выстраивание паритетных отношений между акторами в сфере международных взаимоотношений и во внутригосударственных процессах. Реальная политика всегда многовекторна, и каждое государство считает именно свои политические стандарты для внутренней и внешней поли-

* Ковалев А.А. Политика двойных стандартов как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы безопасности. — 2017. — № 5. — С. 12–24.

тики истиной в последней инстанции, а подходы другой стороны считает враждебными, нелепыми и провокационными. Как отмечает П.А. Горохов, «восемь столетий назад цивилизованные ныне англичане называли своих французских соседей не иначе, как “французские собаки”, уже тогда не считая за людей своих соседей, отделенных от них Ла-Маншем» [8, с. 67]. Такое сформированное веками ксенофобское отношение к соседям и партнерам — питательная почва для теории и практики политики двойных стандартов.

Многие события всемирной истории могут быть оценены неоднозначно. Скажем, вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года — объективная реальность, имевшая место в действительности. Но трактовать его можно по-разному. Отечественная историческая наука, ориентированная патриотически, оценивает ввод советских войск в Польшу как освободительный поход Красной Армии, восстановление исторической справедливости и возвращение Западной Украины и Западной Белоруссии как исконных территорий Российской империи [13, с. 7]. Польская же современная историческая традиция, ориентирующаяся на оценки либеральных западных историков, оценивает это событие как оккупацию и очередной раздел Польши, предпринятый двумя сговорившимися тоталитарными государствами: СССР и Третьим рейхом [21]. После этого события Польша исчезла с политической карты, превратившись в *Ostmark*. Впрочем, во всемирной истории Польша часто играла роль «государства-призрака», и даже сама необходимость ее существования то признавалась, то отрицалась ее сильными соседями: Германией и Россией, — в зависимости от политической конъюнктуры. Видимо, такова печальная геополитическая судьба всех небольших государств.

Но все же в международной политике и во всемирной истории есть события, которые этически и аксиологически не могут трактоваться неоднозначно. История есть политика, опрокинутая в прошлое — гласит меткий и всем известный афоризм М.Н. Покровского. Скажем, бомбардировка Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года не диктовалась никакой военной необходимостью, а была обусловлена лишь необходимостью демонстрации силы со стороны получивших ядерное оружие США. Это страшное событие однозначно должно быть оценено как преступление против человечества и дичайшее варварство. Разумеется, в американской историографии это событие оправдывается военной необходимостью сокрушения Японской империи. Это — ярчайший пример применения политики двойных стандартов, которая выступает отнюдь не раритетным, а вполне актуальным явлением.

Сам термин «политика двойных стандартов» довольно широко используется в современной политической практике. Цель предлагаемой работы — попытка ответить на вопрос, в какой мере современная политика двойных стандартов представляет угрозу для

национальной безопасности Российской Федерации. Эта цель конкретизируется в следующих исследовательских задачах: 1) выяснить возможность четкого методологического обозначения понятия «политика двойных стандартов»; 2) предложить свое определение этого понятия; 3) оценить роль политики двойных стандартов в цивилизационном противостоянии; 4) выявить роль институтов международного права в реализации такой политики.

Различные аспекты понятия «двойные стандарты» исследовались в работах таких авторов, как А.В. Ахматов [1], Е.В. Булипопова [2, с. 3], О.В. Кузьмина [11], В.Ю. Лукьянов [11], Л.В. Распутная [17], А.В. Олейник [14], О.Г. Шульц [19].

Е.В. Булипопова справедливо отмечает, что «термин «двойные стандарты» появился в XIX веке и сегодня употребляется в политтехнологических целях, при этом ни одна из известных дефиниций не поясняет генезис и особенности практического использования понятия» [3, с. 115].

Русское понятие «двойные стандарты», равно как и немецкое выражение *Doppelstandards* и французское *double standard* — прямая калька с английского словосочетания *double standards*, которое первоначально использовалось в гендерной психологии и философии по отношению к различным требованиям к мужчинам и женщинам. Так, о «двойных стандартах» любили рассуждать феминистки.

Глобализация, инспирированная США и ставшая социокультурной и геополитической реальностью за последние четверть века, вызвала значительное противодействие со стороны

Российской Федерации, Китая, Индии, мусульманских стран. Это противодействие агрессивной американской политике вылилось в состояние цивилизационного противостояния, которым определяется, на наш взгляд, современная эпоха [10]. И сегодня, как никогда прежде во всей новейшей истории, теория и практика применения двойных стандартов находит широчайшее применение, ибо цивилизационные конгломераты ведут масштабные информационные войны, призванные идеологически разоружить и духовно уничтожить противника.

На практике политика двойных стандартов часто нивелировала право любого государства на самоидентификацию и отстаивание своих национальных интересов, порой прикрываясь уже ставшим немного абстрактным институтом международного права. Последние события на Украине показывают опасность применения практики двойных стандартов в идеологических и мировоззренческих баталиях. Политики США любят рассуждать о свободе и о неотъемлемом праве народов на самоопределение, но забывают об этом, когда ситуация развивается в невыгодном для Запада ключе. Террористов и бандитов в Чечне и Сирии в США именуют «повстанцами», а во-

оруженные формирования ДНР и ЛНР — бандами. Над этим иронизировал еще в 1975 году англичанин Джеральд Сеймур в романе «Игра Гарри»: «Для одного — террорист, а для другого — борец за свободу» [23, p. 17].

Впрочем, в процессе противостояния Русского мира и Западной цивилизации национальные элиты бывших советских республик настолько одержимы стремлением влиться в ряды противников России и заслужить награду от заокеанских друзей в виде персональных преференций, что готовы на любые шаги ради достижения этой желанной цели. Дихотомия «хороший свой — плохой чужой» примитивна и подходит, скорее для ментальности младших школьников, играющих в войну, но она работает и в головах маститых политиков, отвечающих за судьбы вверившихся им народов. Да и «своих» разведчиков никогда не именуют «шпионами», ибо этот мало почетный термин используется лишь как жупел для именованя агентов противной стороны.

Политика двойных стандартов имеет долгую историю в геополитике и социокультурной практике. Из наиболее ярких примеров использования принципов двойных стандартов в геополитической практике XX столетия можно назвать Мюнхенское соглашение 1938 года, пакт о ненападении между Германией и СССР в августе 1939 года и Договор дружбе между СССР и Рейхом в сентябре 1939 года. Можно вспомнить политическое участие Запада в организации распада СССР, оккупацию Югославии, Ирака, Афганистана, активное вмешательство внешних сил во внутригосударственную политику государств региона СНГ и бывших стран социалистического лагеря.

Так, развязав военные действия блока НАТО в 1999 году в Югославии, США и их союзники оправдывали свои действия проведением миротворческой деятельности с целью предотвращения межэтнического противостояния сербов и косовских албанцев. Но когда возникла схожая ситуация в этническом конфликте в Южной Абхазии в 2008 году, где осуществлялись репрессии по отношению к абхазцам и осетинам со стороны грузинской армии, западные политики тут же объявили о нарушении всех международных прав со стороны Российской Федерации. Проводилась достаточно жесткая агрессивная информационная и геополитическая деятельность, с целенаправленным намерением дискредитировать внешнеполитические действия российской дипломатии и её вооруженных сил, с одновременным нивелированием миротворческих действий России и объявлении прямой российской агрессии против Грузии [11]. Такого рода применение политики двойных стандартов — составная часть информационной войны, представляющая существенную опасность для национальной безопасности России.

Из примеров более ранних исторических событий, до сих пор оказывающих влияние на существующую геополитическую действительность, можно назвать вооруженный конфликт в Афганистане. Ввод военного контингента СССР в 1979 году с целью поддержки демократии в стране и недопущения эскалации вооруженного конфликта на границе государства, был встречен и прокомментирован западным сообществом как акт открытой агрессии. В то же время в 2001 году военные подразделения НАТО, с приоритетным преобладанием США, с такой же целью вводятся на территорию Республики Афганистан. То есть когда СССР заботился о военной безопасности своих границ, то это было названо агрессией и вмешательством во внутренние дела сопредельного государства. Введение же войск союзников под эгидой США было названо ответом на рост терроризма и защитой национальной безопасности США и ЕС.

То есть на поверку все попытки принудительного «навязывания демократии» оказываются очередными геополитическими ходами, направленными на внедрение и поддержку своих политических и экономических целей и планомерное двуличное решение поставленных в связи с этим задач. Ярким примером двойной политики является внедрение вооруженных и управленческих сил США и их союзников в Ирак, Ливию и Афганистан, с дальнейшим отходом с этих позиций и невыполнением взятых на себя обязательств, и фактическом уклонении от решения декларативных задач, поставленных перед фактической оккупацией названных государств.

Инструментарий двойной политики как нельзя лучше подходит для проводимого на сегодня США воплощения в жизнь «теории контролируемого хаоса». То есть по политическим и экономическим (как внешним, так и внутренним) соображениям, и объективным факторам, сложившимся в современной геополитике и геоэкономике, США уже не может выдерживать взятую на себя единолично роль «всемирного полицейского», и вынуждено отступать с занятых позиций, но при этом, отступая, категорически не собирается уступать эти позиции прочим акторам международных отношений. И не давая при этом возможности оставляемым территориям самостоятельно решать проблемы государственного самоопределения и формировать социально-гражданские, политические, экономические и военные национальные институты.

Рассматриваемая нами тема особенно актуальна для современной России, так как уже несколько лет Российская Федерация находится буквально в полной политической и экономической блокаде, вызванной именно активным применением политики двойных стандартов по отношению к действиям российской власти.

Для того чтобы не попасть под летальное воздействие такого инструмента современной геополитики, как двойные стандарты, на данном этапе России необходимо создать свой собственный меха-

низм противодействия влиянию политики двойных стандартов, проводимой внешними политическими акторами, с целью нивелирования политического веса РФ на международной арене. Этой цели служат недавно созданные в Вооружённых силах РФ войска информационных операций, которые призваны, в том числе, и противодействовать информационным атакам, основанным на применении двойных стандартов.

Осознанное и целенаправленное устремление западного блока государств на применение двойных стандартов создает определенные опасности и угрозы для национальной безопасности нашего государства. Историческими примерами тому из недавнего прошлого выступают скоординированное воздействие на процессы распада СССР и Югославии.

Видимо, впервые наиболее удачной политической операцией с применением двойных стандартов в социалистической стране, приведшей к краху правящего режима, были устроенные в конце декабря 1989 года провокации в Румынии. Тогда западные агенты в этой стране выносили из моргов трупы и оставляли их на улицах в качестве жертв режима Чаушеску. До этого через «пятую колонну» и агентуру в западные СМИ было запущены негативные материалы о румынском диктаторе. Таким вот способом обрабатывалось мировое общественное мнение. Хотя сам Чаушеску вовсе не был святым, но и всех тех страшных преступлений, в которых его обвинили впоследствии и за которые расстреляли, он не совершал. В целом, операция по свержению Чаушеску была поручена руководителю восточноевропейского отдела ЦРУ Милтону Бордену, который через 15 лет не отрицал тог факта, что акция по физическому устранению «гения Карпат» санкционировалась правительством США [22, S. 352].

И именно спецслужбы США стоят за устранением Слободана Милошевича, Саддама Хусейна, Муаммара Каддафи, Эдуарда Шеварднадзе с политической сцены, а чаще всего — и из жизни. Практика двойных стандартов в освещении политических событий, применяемая США, опасна, ибо может быть повторена в любой стране мира, в том числе и в России. Поэтому для устранения возникшей политической угрозы на сегодня существует острая потребность в формировании целевой программы, структур и подготовки квалифицированных кадров для планомерной работы в области информационных потоков, с использованием всех доступных инструментов международного права, полит- и PR-технологий [5].

Одной из самых главных причин существования самой идеи и практического воплощения политики двойных стандартов, является проблематика пробелов и коллизий в области международного права. Особенно тех его пунктов и положений, к которым относятся право народа на самоопределение, приоритет существующей территориальной целостности государства [4].

Но данная проблематика, на наш взгляд, является преднамеренно надуманной, ведь в Декларации принципов международного права (1970) прямо указано, что «при истолковании и применении изложенных выше принципов последние являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов». А вот неприменение данного принципа как раз и вызывает предпосылки и провоцирует к использованию политики двойных стандартов и концепции двойной морали. Чтобы не возникало данной правовой и моральной дилеммы, необходимо использовать указанные международные принципы только в их взаимосвязи. В конце концов, задача международного сотрудничества состоит не в попытках доказывания кто прав, а кто виноват, а в поисках общего консенсуса с целью выработки объективных решений по формированию разумного баланса в сфере международных отношений и при разрешении конфликтных меж- и внутригосударственных ситуаций.

Также следует признать существующий разрыв между динамикой политических процессов и отражением и реализацией принципов международного права. Фактически на сегодняшний день не юридические нормы регулируют международные отношения, а политические потребности диктуют праву условия их формирования с множеством постоянно меняющихся, иногда до взаимоисключения, факторов реальной действительности.

К сожалению, естественным в международных отношениях является тот аспект, что базовым фактором при определении и расстановки балансов в принятии резолюций или решений, выступает степень влияния государств, определяемая рядом критериев. Среди них важнейшими являются наличие ядерного оружия, доля в мировом ВВП, объем расходов на оборону, доли в финансировании ООН и МВФ, численность общего населения и вооруженных сил государства, наличие размещенных за рубежом военных контингентов. Таким образом, дается характеристика местоположению, роли и качественному и количественному взносу государства в систему современных международных, экономических и военных отношений [12].

Следует однако отметить, что опасность проводимой непоследовательной политики с использованием инструментария двойных стандартов представляет угрозу не только при решении какого-то единичного геополитического конфликта, но формирует перманентное недоверие и ведет к полной дискредитации отношения к международным организациям и межгосударственным структурам, таким как Совет Безопасности ООН. Тем самым создается предпосылка для хаотизации и дезориентации современных международных отношений, что, в свою очередь, формирует почву для дальнейшего формирования геополитических противостояний и региональных межгосударственных и внутригосударственных социально- гражданских, этнических и политических конфликтов.

Даже сам факт наличия возможности применения «права вето» в ООН при решении спорных конфликтных вопросов, уже априори создает почву для неоперативности и необъективности решения конфликтной проблемы. К этому следует добавить наличие противоположных мнений и собственных интересов у каждой из сторон, принимающих общее регулирующее решение в свою пользу, или в пользу своих союзников, о чем мы уже писали выше.

Следовательно, согласование принимаемых решений по актуальным вопросам международной политики порой проходит не по сути самой проблемы, а становится инструментом торга в геополитическом перераспределении динамично меняющейся карты мира. Такие решения становятся элементом борьбы за сферы влияния между более мощными акторами — это касается первого, базового круга всех зарождающихся цивилизационных противостояний. Равным образом, эти решения — следствие борьбы на региональных уровнях между более слабыми государствами — это относится к межэтническим, межконфессиональным и межгосударственным, но в основном территориальным конфликтам.

Таким образом, к примеру, в Совете Безопасности ООН сформировались определенные блоки с целью защиты своих геополитических действий. Что примечательно, ни одна резолюция не была принята в сотрудничестве между странами Запада и Россией или КНР. Другими словами мы опять видим явное проявление двойных стандартов, когда международная организация, призванная осуществлять контроль над поддержанием межгосударственного мирного мирового баланса, сама выступает ареной для выяснения политических отношений — тем самым эскалируя геополитическую обстановку. Как правило, еще со времени биполярного мира и «холодной войны», существовало неприкрытое противостояние участников ООН по векторной оси — стран-членов и союзников НАТО на одном крыле, и прочими государствами с другой стороны. Такая же политика принятия резолюций «блочным» вариантом поддерживается и поныне.

Еще одной из причин роста использования двойных стандартов является кризис проекта глобализации по-американски. Всё больше качественных и количественных изменений указывают на готовность мирового сообщества на возврат к парадигме приоритета национальных государств [9]. Например, США приостановили своё участие в ЮНЕСКО, когда деятельность этой международной организации перестала соответствовать американским интересам. На геоэкономическом поле можно наблюдать, в качестве показателя стремления ухода от глобализационной парадигмы к региональной и национальной плоскости, пример учреждения Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Это явилось результатом принципиального расхождения позиций и невозможности вести равновесный диалог с МВФ.

Следует обязательно обратить внимание на тот аспект, что в основе всех механизмов политики двойных стандартов лежит разноректорность соотношения политики и морали. То есть когда в угоду стратегическим и оперативным соображениям государства в своих действиях на международной арене начинают проводить концепцию «двойной морали», разделяя мировое сообщество на «своих» и «чужих» [20], при этом не брезгуя прямым обманом и вводом в заблуждение мирового сообщества, как было в случае с надуманным поводом для военной агрессии против Ирака. Задекларированное перед нападением союзников на это государство наличие разных форм оружия массового уничтожения так и не было подтверждено.

Режим турбулентности в современных политической и экономической системах на глобальном и региональных уровнях формирует временную целесообразность использования двойных стандартов, но только в определяемых международными структурами рамках, без применения инструмента «табеля о рангах» на политическом поле, сообща, и без так называемых «крайне особых ситуаций», которые в результате превращаются в постоянную эксплуатацию позиций политики двойных стандартов. С этой же целью необходимо более оперативно и качественно формировать новые механизмы международного правового регулирования, с целью сокращения постоянно существующей дистанции между правом и практической плоскостью развития ситуации в международных отношениях.

В заключение обратимся к философским основаниям такого явления, как политика двойных стандартов. Это явление тесно связано с важнейшей гносеологической категорией «истина», которую в классической философии со времен Аристотеля традиционно понимают как адекватное отражение объективной реальностью познающим субъектом. В идеале, истина отражает предмет вне зависимости от субъективного сознания. Разумеется, в гуманитарных и общественных науках, в том числе и в политологии, велик процент субъективности. Понятие «истина» как категория — необходимая абстракция, но истина всегда конкретна в форме истинных фактов или суждений, то есть в философии политики и теоретической политологии она тесно связана с общественно-политическими реалиями, исторической эпохой и страной. Поэтому постмодернисты с такой радостью ухватились за тезис Ницше, высказанный им с апломбом в работе «По ту сторону добра и зла»: «Ложность суждения еще не служит для нас возражением против суждения» [23, р. 23]. В наше время часто рассуждают о множественности истин, и эти рассуждения становятся теоретической основой для практического применения политики двойных стандартов.

В современной философии появилась тенденция перехода от категории истины к более «мягким» формам этой категории. Это концептуальное понятие все чаще заменяется терминами «смысл», «правдоподобие», «достоверность». Таким образом, вводя некую размытость в понятие истины, допускается, что наличие сомнений, в том

числе и субъективных, в толковании истинности происходящего становятся как бы критериями истины. Тем более, если эти сомнения и противоречия поддерживаются большинством или авторитетными субъектами. Этот процесс как раз ярко выражен в современной политике двойных стандартов. В современной сфере социальных и гуманитарных наук, которая сформировалась под действенным влиянием постмодернизма, категория «истина» носит субъективно-оценочный характер, а, следовательно, для корректности предлагают применять категорию «достоверность» [16].

Но здесь как раз и возникает прямой путь к возникновению двойной и множественной стандартизации, так как у каждого субъекта может формироваться и использоваться своя степень «достоверности», и свой собственный взгляд на предлагаемую достоверность. Либо может происходить переформатирование степени достоверности под свой взгляд и соответствие внутренним целям или субъективному пониманию.

А такие исследователи проблематики категории истины, как Л.А. Маркова, А.П. Огурцов, Ю.С. Моркина, предлагают еще более кардинальную замену понятия истины на понятие смысла, аргументируя это тем, что четкие границы между истиной и ложью, субъектом и предметом приводят к приоритетности понятия смысла, так как он присутствует в каждой из сторон противостояния [15].

Но в таком случае происходит простое нивелирование одной философской категории и замена её другой. И в этом случае почему-то забывается о том, что цель науки как раз и состоит в поиске истины, а не в судебном принятии решений, что есть истина, а что нет. Наука должна формировать путь и выбирать инструменты для принятия такого решения. Поэтому замену или подмену классической формы категории истины мы видим нецелесообразным, так как произойдет размывание не только понятия истины, но и заменяющих его понятий смысла, достоверности, правдоподобия или любого другого.

Кроме того, размывание границ между истиной и ложью порождает исчезновение границ различий между добром и злом, что приведет к кардинальным этическим проблемам. У каждого может быть своя истина, но атомная бомбардировка мирных жителей была, есть и должна остаться злом, равно как и врачебные опыты над заключенными в нацистских лагерях никогда не должны получить позитивную этическую оценку.

Мы придерживаемся в этом вопросе классических позиций относительно того, что благодаря свойствам самой сущности истины — целостности, системности и логической непротиворечивости, возможен логический критерий истинности — доказательность, без дополнительной необходимости обращения к эмпирической проверке [18, с. 57].

Подведем выводы нашего исследования. Во-первых, подчеркнем, что четкого методологического обозначения для понятия термина «двойных стандартов» нет и быть не может именно из-за слишком большой обтекаемости оценочных мнений и субъективных суждений, вкладываемых в это понятие.

Во-вторых, если обобщить существующие на сегодня определения понятия «двойные стандарты», то их можно применить в той ситуации, когда одно и то же явление объективной реальности намеренно оценивается противоречиво и чрезмерно эмоционально. В политике практика двойных стандартов выражается в том, что действия одних стран поддерживаются и оправдываются, а других — осуждаются и наказываются, причем сущность этих действий одинакова. Применяется совокупность принципов, дающих больший приоритет одной стороне, чем другой, в зависимости от позиции, занимаемой оценивающим и оцениваемыми субъектами.

В-третьих, приходится констатировать, что на сегодняшний день политика двойных стандартов выступает как реальность существующего цивилизационного противостояния между евроатлантическим и евразийским сообществом, играя роль действенного инструмента информационной, идеологической и мировоззренческой войны. Общим знаменателем эскалации политики двойных стандартов выступает переформатирование архитектуры международного сообщества в форму многополярного мира, более противоречивого, а, следовательно, и более конфликтного.

В-четвертых, в современную эпоху цивилизационного противостояния международная правовая оценка носит ангажированный и заведомо субъективный характер, что отодвигает институт международного права на вторую роль, уступая его позиции политике лоббирования исключительно национальных интересов. Сама политика двойных стандартов используется при этом довольно интенсивно, а международное право становится инструментом такой политики.

Итак, политика двойных стандартов — действенный инструмент информационной войны, которую Западная цивилизация ведет против России как оплота Русского мира. Эта политика представляет собой реальную угрозу для национальной безопасности нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ахматов А.В.* К вопросу о двойных стандартах в политике и праве // Вестник МГУ. Серия 7. Философия, 2008. № 7. С. 85–91.
2. *Булипопова Е.В.* Северная Корея как азиатский «Прометей»: мифология и политтехнология «двойного стандарта» // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2009. № 4, С. 89–94.
3. *Булипопова Е.В.* Двойные стандарты: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории // Политическая лингвистика, 2011. № 1. С. 112–118.
4. *Буханова А.С.* Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век, 2011. № 4(21). С. 67–71.
5. *Верещагина А.В.* «Война и мир» в условиях новой социальной реальности (к вопросу о военной и национальной безопасности России) //

- Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС, 2015. № 2. С. 178–183.
6. *Виноградов В.Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история, 2006. № 5. С. 182–209.
 7. *Гогун А.* На полпути от истории к агитке (критика работы Мельтюхова М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1919–1939 гг.) // Клио (журнал для учёных), 2002. № 3. С. 221–224.
 8. *Горохов П.А.* Правовой нигилизм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Оренбург, 1998. 148 с.
 9. *Гранин Ю.Д.* Национальное государство в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ. — М.: Медиаиндустрия, 2014. 362 с.
 10. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: Монография. — СПб.: Коновалов А.М., 2016. 193 с.
 11. *Кузьмина О.В., Лукьянов В.Ю.* Использование «двойного стандарта» — важнейшая проблема современных международных отношений // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки СПб, 2014. С. 56–69.
 12. *Мельвиль А.Ю.* Политический атлас современности. — М.: МГИМО (У) МИД, 2007. 268 с.
 13. *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. — М., 2001.
 14. *Олейник А.В.* Двойные стандарты запада против терроризма // Научно-аналитический журнал Observer, 2009. № 12. С. 34–45.
 15. Панельная дискуссия // Эпистемология & Философия науки, 2009. Т. XXII. № 4. С. 48–77.
 16. *Ливоев В.М.* Социальные и гуманитарные науки: специфика и соотношение // Вестник Ишимского госпединститута им. П.П. Ершова, 2013. № 3. С. 91–101.
 17. *Распутная Л.В.* США и политика двойных стандартов // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2008. № 2. С. 17–24.
 18. *Селиванов Ф.А.* Благо, истина, связь. — Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2008. С. 57.
 19. *Шульц О.Г.* Международные стандарты и политика «двойных стандартов» в вопросах международного сотрудничества в области прав человека // НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ / NOTA BENE, 2011. № 5. С. 167–180.
 20. *Cooper R.* The New Liberal Imperialism // The Observer, 7 April 2002.
 21. *Halik Kochanski.* The Eagle Unbowed: Poland and the Poles in the Second World War. — Allen Lane, Harvard University Press, 2012. 734 p.
 22. *Kunze Thomas.* Nicolae Ceaușescu. Ch. Links Verlag, 2009. 465 S.
 23. *Satish Chandra Pandey.* International Terrorism and the Contemporary World. Sarup & Sons, 2006. 453 p.

ПРОБЛЕМА УГРОЗ ДЛЯ ЛЕГИТИМНОЙ ВЛАСТИ В АСПЕКТЕ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Проблема комплексной безопасности страны является одной из важнейших задач, которые стоят перед Россией в современных условиях разгара цивилизационного противостояния. Эта проблема не может быть решена без целостного социо-гуманитарного и общественно-политического подхода, то есть без совместного приложения усилий философов, политологов, юристов, экономистов, культурологов. Ведущую роль в обеспечении комплексной безопасности страны играет военная безопасность, к рассмотрению которой автор настоящей работы неоднократно обращался ранее. На наш взгляд, военную безопасность России в условиях противостояния цивилизаций можно определить как особое состояние отношений между нашей страной и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других факторов, который призван исключить возможность Третьей мировой войны [1].

Военная доктрина Российской Федерации¹, принятая 25 декабря 2014 г., относит к внешним военным опасностям для нашей страны установление в государствах, сопредельных с нами, режимов, политика которых угрожает интересам Российской Федерации. Такие режимы могут возникнуть, в том числе, в результате свержения легитимных органов государственной власти, как это случилось сравнительно недавно на Украине.

Целью настоящей работы является рассмотрение основных угроз для легитимной власти в Российской Федерации и выявление влияния этих угроз на комплексную безопасность страны. Данную цель мы предполагаем достичь, последовательно решая следующие задачи: 1) выявить этапы технологии воздействия на легитимную власть в целях ее свержения; 2) определить уровень опасности этих технологий для легитимной власти РФ; 3) показать влияние экономического положения России на комплексную безопасность страны; 4) выявить алгоритм создания конфликтной обстановки, направленной на фор-

* *Ковалев А.А.* Проблема угроз для легитимной власти в аспекте комплексной безопасности Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2018. — Т. 14. — № 1. — С. 165–180.

¹ Военная доктрина Российской Федерации. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989

мирование условий для государственного переворота; 5) наметить основные пути противостояния угрозам для легитимной власти.

Отметим сразу, что в этой работе под «легитимной властью» мы будем понимать государственную власть, законно избранную в результате народного волеизъявления. Существуют либеральные трактовки легитимности, согласно которым «легитимность есть соответствие не просто закону (это законность), но и справедливости или высшему интересу»¹. Согласно западной либеральной традиции [2], преступная власть легальна, но не легитимна [3]. Исходя из таких либеральных трактовок, само право не всегда легитимно². Готовить заговор против тирана и бороться против тоталитарной власти — незаконно, но полностью легитимно в особых ситуациях. Ведь само кодифицированное право может быть несправедливым, а борцы за справедливость, согласно таким законам, признаются преступниками. Здесь представляется несущественным вдаваться в терминологические тонкости, поэтому мы придерживаемся именно широкого понимания легитимности.

Следует отметить, что к различным аспектам интересующей нас темы в разное время обращались такие исследователи, как Н.А. Баранов [4], В.И. Добренков [5], Н.Н. Ефимов [6], В.А. Золотарёв [7], С.Г. Карамурза [8, 9], А.А. Кокошин [10], А.С. Панарин [11], И.В. Радиков [12–14], В.И. Слипченко [15], А.М. Трайнин [16] и другие ученые.

Мыслители прошлого мечтали о грядущем «начале формирования претендующего на охват всего человечества межгосударственного общественного договора, предполагающего равенство его субъектов» [17]. Но в реальности начатая после распада СССР глобализация обернулась невиданным ранее нивелированием развитых национальных культур и экономик мира под примитивные стандарты бездуховного «американского рая», ориентированного лишь на чистую материальность.

Одна из реалий современной международной политики заключается в том, что, с одной стороны, Российская Федерация принимает активное участие в международном партнерстве экономического, политического, гуманитарного характера. А другой реальностью в выстраивании взаимоотношений нашего государства и западных партнеров является тот факт, что одновременно против России ведется многоуровневая, высокотехнологичная, эшелонированная гибридная война или «война хаоса».

Такая война имеет несколько взаимосвязанных уровней, среди которых можно выделить информационный, финансово-экономический, социальный, военно-политический, культурно-цивилизационный, образовательный, террористический. Одними из разновидностей

¹ Philosophisches Wörterbuch. Hrsg. von Walter Brugger und Harald Schöndorf Alber, Freiburg. München, 2010. — 785 S.

² *Конт-Спонвиль А.* Философский словарь. — М.: Этерна, 2012. — 752 с.

данной войны являются проекты по демонтажу существующих политических режимов, а также программы по дестабилизации социальной и политической ситуации в странах и регионах, которые выгодны так называемой «внешней силе». Однако следует понимать, что помимо существования подобных гибридных инновационных технологий и угроз, существует понятие внутренней политической угрозы, которая основывается на действиях так называемой «пятой колонны» и агентов влияния внутри страны. Есть внешний периметр агрессии, например, хаотизация евразийского геополитического пространства, создание очагов конфликтов у границ Российской Федерации (Грузия, Нагорный Карабах, Украина, Молдавия, Казахстан), попытки дестабилизировать ситуацию в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Но существует и внутренняя опасность, то есть определенные силы, создающие условия для управляемой извне дестабилизации.

Специфика теории и практики «управляемого хаоса» состоит не столько в целенаправленном коррумпировании государственной власти или воздействии на ее определенные органы, сколько в умелом подстраивании и направлении протестных настроений в нужном для потенциального агрессора векторе, при одновременном наполнении уже управляемого движения необходимым для влияющей стороны контекстом и смыслами. Затем, с помощью инновационных информационных технологий, происходит конвертирование протестных настроений из социальной плоскости в политическую, где протестное течение во многих случаях становится контролируемым внешней управляющей силой. Именно это произошло в Грузии осенью 2003 г., в Ираке в апреле 2003 г., в Ливии весной и летом 2011 г., на Украине в феврале 2014 г.

При этом следует учитывать, что специфика данной технологии заключается в том, что ни одна из так называемых «цветных революций» (или, по сути, государственных переворотов) не может быть осуществлена без поддержки внутренней элиты страны, выбранной целью воздействия, то есть той части ее политического и финансового истеблишмента, которая активно включается в данный процесс. В политической практике прошлых лет таких внутренних врагов существующей власти часто называли пятой колонной. С помощью этих слоев создается поддержка для управляемой извне дестабилизации. Силы извне, помогая заинтересованной стороне, осознано способствуют деструктивным процессам. Порой народ, будучи намеренно введенным в заблуждение, способствует формированию условий для процесса управляемого хаоса. Именно поэтому чтобы объективно понимать происходящие политические процессы (особенно их конфликтную сторону), следует все факторы рассматривать в общем контексте.

В мире существовала и продолжает существовать геополитическая конкуренция. Имевшие место и происходящие сегодня деструктивные политические процессы в разных странах мира фактически представляют собой цепь государственных переворотов, осуществляемых с помощью информационного и военно-политического воздействия на внутренние процессы государств, выбранных извне целями воздействия, с использованием внутренних существующих или искусственно создаваемых конфликтов.

Суть любого переворота состоит в смене небольшой части элиты, то есть группы лиц, имеющей возможности принимать стратегические решения, с одновременным введением внешнего управления над государством, в целях повсеместного контроля и недопущения повторной смены власти или усиления влияния геополитического оппонента на страну-цель. Именно для этого и применяется такой действенный инструмент, как метод «управляемого хаоса». На самом деле не происходит реальных революционных изменений, но чаще всего легитимные представители власти (а порой и сами легитимные органы власти) заменяются на контролируемые и подчиняемые внешней силе.

Рассмотрим реализацию технологий дестабилизации и свержения легитимной власти подробнее, для чего выделим их этапы. Основанием для такого выделения послужил авторский анализ специальной политологической литературы [18–22], посвященной технике государственных переворотов, сопровождаемой нарушением существующих законов смены власти в государстве. И хотя страстно написанная книга К. Малапарте [19] вышла еще в 1931 г. до поджога Рейхстага и до прихода к власти социал-националистов, а обстоятельный труд Э.Н. Люттвака [20] впервые вышел в свет в 1968 г., эти работы отнюдь не утратили своей актуальности.

1. Определение и расстановка сил. На данном этапе идет фильтрация политических, экономических, силовых и образовательных сфер государства в целях определения потенциальных направлений для разжигания или образования конфликта и лидеров протеста. Собирается информация о политическом, экономическом и социальном состоянии страны-цели. Делается это в целях определения подходов к одной из двух основополагающих точек опоры любого государства — это либо социально-экономическая сфера, либо область межэтнических или межконфессиональных отношений. Также на этом этапе проводится работа с госструктурами (как государственного, так и местного уровней), с представителями политических партий, представителями крупного бизнеса и средств массовой информации, лидерами общественного мнения (включая сетевой вариант — так называемыми «блогерами»), представителями деструктивно настроенной либерально-ориентированной общественности.

2. Формирование или переформатирование оппозиционных политических сил. Проводится процесс разделения на «своих» и «чужих» в политических кругах и государственных структурах. Общество раскалывается на несколько лагерей. Проводится динамичное нагнетание напряженности, могущее в конечном итоге привести к гражданской войне.

3. Дестабилизация обстановки. Осуществляется противопоставление друг другу социально активных групп и вхождение в фазу открытой конфронтации, включая силовую. Проводится резкое нагнетание противоречий, для чего используются управляемые каналы подачи информации (СМИ, сетевой вариант). Но при этом акцентируется внимание на социальных и экономических требованиях. При этом следует учитывать, что для перевода конфликта в активную фазу достаточно 10% населения, и дальше конфликт начинает развиваться в геометрической прогрессии.

4. Вовлечение широких масс в политическое движение через создание резонанса в обществе. Запускается «волна всеобщего психоза». Применяются активные манипуляционные технологии в целях формирования хаотичных и одновременно контролируемых масс людей. Создается иллюзия всеобщего протеста. При этом меньшая часть данных масс подкрепляется материально, а основная масса действует по инерции, повинувшись воздействию применяемых к ним технологий.

5. Контролируемые массовые выступления и целенаправленные силовые действия для захвата власти. В данном случае главная задача технологии переворота заключается в прерывании основных коммуникаций, связывающих государственный аппарат с правительством и, следовательно, главными объектами направленного воздействия являются армия и спецслужбы. Именно стадия массовых выступлений рассчитана на психологическое воздействие на силовые структуры. Делается это в целях привлечения силовых структур на сторону той группы, которая пытается сменить легитимную власть.

6. Провокационная сетевая тактика столкновений. Данный этап направлен на сознательное формирование ситуаций с обязательным кровопролитием в результате. Проводится планомерная политика по формированию радикальных групп в целях дальнейшего контролируемого воздействия в условиях массовых выступлений.

7. Подключение процесса легализации внешней управляющей силы. Этот этап является результирующим. К этому моменту деятельность легитимной власти уже, как правило, парализована либо введена в хаос, что дает возможность новым лидерам выйти на первый план.

Но для дальнейших действий новой власти требуется претворить в жизнь фактор легализации. В отличие от классической формы революции, когда легализация новой власти осуществляется изнутри, в случае контролируемого государственного переворота, который

в современных условиях является внешней инновационной информационной технологией воздействия, необходим и фактор внешней легализации. В данной фазе к процессу подключаются внешние источники, формирующие как сам канал подачи информации, так и контекст, который необходимо донести и внутрь страны-цели и одновременно высветить его под необходимым углом перед третьими или заинтересованными в данном процессе сторонами. Главная задача этого этапа — синхронное внедрение информации в сознание сторон, которые заинтересованы или участвуют в конфликте. С одной стороны, поддерживаются извне представители контролируемой оппозиции (часто являющиеся лидерами переворота), а с другой — дискредитируются представители легитимной власти. Параллельно проводится процесс отстранения от рычагов власти представителей предыдущей элиты. Этот процесс может включать судебное преследование прежних лидеров и даже их физическое уничтожение. Достаточно вспомнить судьбу С. Милошевича и С. Хусейна, преданных несправедливому суду, или еще более печальную участь Н. Чаушеску и М. Каддафи, уничтоженных без суда и следствия.

Показательным аспектом данного этапа является то обстоятельство, что в этой фазе конфликта внешняя управляющая сила проявляет себя в полном объеме, для начала перехватывая рычаги политического управления, а затем и беря под контроль экономические рычаги.

8. Процесс мобилизации населения. Чаще всего наблюдается созданная искусственными средствами «протестность» в стране — не без помощи инновационных информационных технологий и внешних (или с привлечением прагматичных внутренних) материальных ресурсов. Данная система мобилизации формируется как на общегосударственном, так и на региональных уровнях повсеместно, что в необходимый момент («время X») создает волну протестных акций, мнений или мероприятий.

9. Фаза манипуляции сознанием масс. Информационная война входит в активную фазу. Применяются информационно-психологические методы воздействия как в целом на общество, так и на каждого отдельного индивидуума, если он представляет стратегическую или тактическую ценность.

10. Создание территориальной точки напряжения. Конкретным примером этого этапа является формирование точки активного социального или даже военного (вооруженного) напряжения либо в конкретном районе большого мегаполиса, либо в конкретном (часто подконтрольном или искусственно созданном) регионе государства.

11. Идеологическое формирование концептуальной базы. Активное воздействие на сознание масс с помощью манипуляционных социально-психологических технологий. В этом процессе принимает деятельное участие государство-агрессор, осуществляющий

внешнее воздействие в целях создания полностью контролируемой ситуации в стране, выбранной в качестве цели. Такое воздействие включает выборную, контролирующую, судебную, карательную и распределительную функции.

12. Мероприятия по блокировке государственных органов и структур. Осуществление физического захвата или контроля над коммуникациями государственного аппарата и СМИ. Власть в современную эпоху — это прежде всего тотальный контроль над коммуникациями. Это осознали еще большевики во время Великой Октябрьской социалистической революции.

13. Создание иллюзии безопасного развития событий. Этот этап включает морально-психологическое воздействие на военнослужащих с одновременным синхронным формированием отрицательного отношения к вооруженным силам и силовым структурам, а также принижение статуса вооруженных сил и силовых ведомств.

Но иллюзия безопасности заведомо является ложной, так как на этом этапе обязательно возникает необходимость так называемой «сакральной жертвы», когда в ходе массовых протестных выступлений начинают гибнуть люди. И чем больше сторона-агрессор заинтересована в стране-цели, тем большим должно быть количество жертв, чтобы конфликт достиг предельного накала. При этом масштаб жертв, как бы это цинично ни звучало, контролируется, так как при малых масштабах цель нагнетания конфликта может быть не достигнута. А при больших масштабах сама ситуация может выйти из-под контроля, что противоречит стратегической задумке внешней стороны воздействия и ее оперативным планам. По своему итогу данный этап призван парализовать деятельность системы силовых структур, чтобы ввести хаос в наиболее активную фазу. В данной ситуации силовым структурам приходится либо максимально дистанцироваться от конфликта, сохраняя нейтралитет, либо переходить на сторону поддержки внешней управляющей силы, поддерживая лидеров переворота.

14. Устранение неугодного лидера и неконтролируемой части элиты (судебное, либо физическое). Здесь комментарии излишни. Этот метод применяется в том случае, когда осуществление предыдущих технологий пошло не по сценарию, или ситуация стала выходить из-под необходимой степени контроля (яркими примерами из недавней истории являются Ирак и Ливия).

Для локализации подобных процессов следует обязательно действовать в рамках закона, иначе появляется лишний повод для манипуляций мнением масс и созданием возможностей для дополнительных провокаций и информационных атак.

В случае осуществления (или возможности осуществления) государственного переворота в странах ближайших к границам России

регионов (что, безусловно, затрагивает геополитические интересы РФ и создает определенные угрозы для безопасности страны) необходимо принятие ряда действий, направленных на недопущение такого сценария. К примеру, задействовать свои возможности и обязательства, заложенные в структуру и функциональность таких альянсов, как ОДКБ и ШОС.

Следует обязательно учитывать печальный опыт 1980–90-х гг., когда где-то из-за халатности, где-то целенаправленно, где-то из-за воздействия внешних сил, была разрушена такая мощная федерация, как СССР. И разрушалась она именно по приведенному сценарию и с использованием указанных технологий. Советский Союз проиграл именно в информационной войне, а не в классическом военном противостоянии. И этот факт указывает на то, что войны будущего перенесены в большей степени в информационную плоскость, а не в технологическую. Хотя и важность последней не стоит нивелировать, ведь информационные технологии, кроме ключевой интеллектуальной, также имеют материальную и экономическую базы.

При этом следует учитывать, что ни один победитель не оставит побежденную страну без присмотра. Победитель всегда вводит свой механизм и собственные инструменты управления. Оно может быть как прямым, так и опосредованным, когда в стране есть некая формальная власть, обладающая ограниченными полномочиями и создающая видимость автономии, но при этом пребывающая под четким утвержденным и спланированным контролем извне. Другими словами, колониальная форма правления и управления присутствует в модифицированной форме и в XXI в.

У разных стран современного геополитического поля степень зависимости и подчинения, естественно, разная, но в отличие от XX в. страны теперь не просто примыкают к одному из лагерей в цивилизационном противостоянии или соблюдают нейтралитет, а находятся в четкой зависимости от пребывания в так называемой «зоне жизненных интересов».

Россия смогла постепенно вновь обрести некую государственную самостоятельность, в том числе — в сфере силовых структур. Но на данном этапе это по-прежнему не произошло в области экономики, что представляет собой «ахиллесову пяту» для национальной безопасности нашего государства, так как создает предпосылки для социально-экономических кризисов, которые, при умелом манипулировании, могут перейти в политический конфликт. Несмотря на то, что Россия имеет значительный вес на сегодняшней политической арене, о полной самостоятельности Российской Федерации можно говорить только относительно и весьма условно. Связано это прежде всего с тем фактом, что большинство промышленного и ресурсного комплекса в той или иной степени пребывает под внешним контролем

(либо напрямую, либо через оффшорные рычаги) [23]. Другими словами, Россия фактически пребывает под экономической оккупацией.

К сожалению, наша страна не может действительно ответить США в экономической сфере на санкции Вашингтона, ибо современный объем всей экономики Российской Федерации, по сути, в 10 раз меньше экономики Соединенных Штатов [23]. Трудно говорить о действенных экономических санкциях против США со стороны РФ, когда Банк России является на сегодняшний день одним из крупнейших покупателей государственных облигаций США на внушительную сумму более 120 млрд долл. США.

На сегодняшний момент конфликт между РФ и западными оппонентами вошел в крайне острую фазу. Фактически с 2014 г. против нашей страны ведется необъявленная война. И в этом противостоянии используются методы информационных войн и технологии формирования ситуации переворота. В основном сейчас используется экономический рычаг воздействия, который, как уже было сказано, является одним из ключевых звеньев любого организованного государственного переворота, и именно этот рычаг в большей степени в РФ является подконтрольным внешней силе, то есть оппонентам России.

Именно в этих целях были введены экономические санкции, прервана система банковского финансирования извне, а Банк России и так был неподконтрольным Президенту РФ, согласно своему уставу. То есть данный рычаг воздействия применяется для социально-экономической дестабилизации страны, что, как мы помним, является первейшей задачей перехода конфликта из плоскости экономической в область внутреннего политического противостояния. При этом добавляется еще один эффект — значительно уменьшается и общий финансовый потенциал государства, что рикошетом бьет абсолютно по всем сферам жизнедеятельности государства, включая военный потенциал и общую систему национальной безопасности.

Таким образом, мы наблюдаем явный алгоритм создания конфликтной обстановки, направленной на формирование условий для возможного государственного переворота:

- 1) четко прослеживается заинтересованность и основополагающие действия западных оппонентов в создании такой ситуации, то есть угроза является внешней;

- 2) используются стандартные рычаги воздействия для дестабилизации внутренней обстановки, и главным инструментом в этом выступает фактор запуска и поддержки оппонентами РФ военных и вооруженных конфликтов по всему периметру границ России;

- 3) формируется экономическая нестабильность и повышается финансовый прессинг с целью дестабилизации экономики и социальной сферы;

4) внешними акторами поддерживаются клановые группы, способные и имеющие возможность осуществления государственного переворота.

На наших глазах за несколько лет произошел целый ряд государственных переворотов. Мы уже упоминали события в Грузии, Украине, в Ливии и Ираке. Можно вспомнить «тюльпановую революцию» в Киргизии в марте 2005 г., когда был изгнан из страны коррумпированный клан А. Акаева, или свержение Х. Мубарака в Египте в феврале 2011 г. Свержение Мубарака относится к целой цепи протестов и вооруженных восстаний, поэтично названных «Арабской весной» по аналогии с «Весной народов» (европейскими революциями 1848—1849 гг.). В начале 2011 г. произошли перевороты в Тунисе, Йемене, волнения в Бахрейне, Алжире, Марокко. Мы не будем касаться аксиологической значимости и моральной оправданности этих событий, но сомневаться в их заранее сформированной направленности и геополитической заданности может лишь наивный слепец. И следует принять во внимание тот факт, что основную роль в этих переворотах сыграли вооруженные силы и силовые структуры, но не в качестве совершающих перевороты силы, а из-за целенаправленного неиспользования их, введения в пассивное состояние или через их дискредитацию.

Из сказанного следует сделать ряд практических выводов.

1. В целях усиления центральной государственной власти и национальной безопасности существует острая необходимость в укреплении внутренней силы государства. Одной из составляющих решения этой задачи выступило создание Национальной гвардии в апреле 2016 г. Среди функций, которые возложены на данную структуру, — ряд полномочий, которые ранее выполняли отдельные МВД, ФСБ, внутренние войска, армия, пограничный контингент. А следовательно, данная структура по факту обладает более широким спектром возможностей, чем любая из перечисленных организаций.

Другими словами, Национальная гвардия стала неким мобильным щитом государства, предназначенным для оперативной защиты страны в случае возникновения форс-мажорной конфликтной внутренней или идущей извне ситуации.

2. Пиком применения инновационных информационных технологий и инструментов, направленных на дестабилизацию обстановки в стране, является выборный процесс либо президента государства, либо парламента, то есть наиболее уязвимым моментом является тот, когда создается вакуум власти и происходит политическая «пересменка» с одновременным усилением амбиций внутренних кланов элиты страны. Этот факт необходимо учитывать при формировании механизмов и инструментов национальной защиты.

Рассмотрим теперь факторы внешней угрозы для национальной безопасности Российской Федерации.

В первую очередь острый интерес представляет собой закон США № 2277 «Акт о предотвращении агрессии со стороны России». Данная доктрина направлена на агрессивное воздействие и манипулирование границащими с Россией государствами (Украиной, Молдавией, Грузией, Литвой, а по факту — каждой из находящихся по периметру границы или в близком соседстве с РФ страной) в целях дестабилизации внутригосударственной социальной, экономической и военной обстановки в данных странах и в Российской Федерации, снижению геополитического веса России как политического актора. Значительная роль отведена укреплению блока НАТО, направленному на усиление деятельности этого альянса в ближайших к территории РФ государствах. В этом же законе приведен алгоритм полной информационной и материальной поддержки перечисленных в документе действий и намерений. И основополагающая роль в этом процессе лежит в технологиях формирования и поддержки современных, так называемых «революций».

Цветная революция — это новая форма политических технологий, применяемых для контролируемой извне смены политической власти. Основным идеологом данных технологий является Дж. Шарп (американский политолог и руководитель института им. А. Эйнштейна). Он является одним из разработчиков архитектуры и механизмов свержения легитимной власти с помощью методов гражданского неповиновения. В 1989 г. при его поддержке на базе Института философии АН СССР был создан Центр по изучению ненасильственных действий. А его труд *The methods of nonviolent action* [24] фактически можно считать инструкцией по подготовке и осуществлению государственных переворотов в виде так называемых «цветных» революций.

Особенно интересным представляется результирующий пункт № 198 «Двойной суверенитет и создание параллельного правительства». Ведь этот фактор как раз и является одним из главных для установления двоевластия в стране — цели и выступает прямым предвестником назревающего политического конфликта с предоставлением возможности государственного переворота. Что характерно, данное произведение получило достаточно широкое распространение, например, на территории Украины (притом на украинском языке под названием «От диктатуры к демократии»¹), именно в канун 2014 г., когда произошло свержение легитимной (хотя и насквозь коррумпированной) власти президента В. Януковича.

Основным постулатом и базовой идеей указанного произведения является тезис о том, что политическая власть не является статичным

¹ Шарп Дж. От диктатуры к демократии: концептуальные основы обретения свободы. URL: http://aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Ukrainian.pdf

явлением, а выступает синергетичным образованием, созданным из различных источников. Власть опирается на систему силовых структур или манипулирует системой поощрения и наград, а также осуществляет карательные функции. Согласно данной теории, власть зависит от готовности тех, кто управляет, и тех, кем управляют, к выполнению приказов. Таким образом, базовой основой функционирования политической власти является согласие тех, кем правят.

С этим тезисом можно было бы согласиться, но существует еще один, не учтенный здесь аспект — присутствие интересов и действий третьей стороны, имеющей собственные интересы. То есть формула работала бы в том случае, если бы система была замкнутой, замкнутой на саму себя, но в современной геополитике это невозможно в принципе. А значит, указанные принципы могут функционировать узко регионально, выборочно и непродолжительный период. При этом, как мы уже указывали ранее, возникает обстановка, способствующая дестабилизации и возникновению угроз для государственной целостности и функциональности — вплоть до государственного переворота или реформированию политического строя. Особенно ярко это проявляется, когда процесс конфликта уже запущен, и начинает осуществляться откровенный саботаж действий легитимной власти в образовавшемся контролируемом извне или представителями внешней силы, внутригосударственном хаосе.

Перечисленные технологии переворота были четко продемонстрированы в конфликтах в Грузии в 2003 г., Кыргызстане в 2005 г., попытке переворота в Белоруссии в 2006 г. (так называемая «васильковская революция»), на Украине в 2014 г. Все эти акции осуществлялись при «контролируемом бездействии» и пособничестве государственного аппарата и силовых структур, и при таком же контролируемом активном воздействии неправительственных структур и организаций, представляющих и направляемых внешними силами (разного толка партиями и фондами). Необходимо отметить, что данные технологии отрабатывались Западом в полном объеме уже с 1973 г., когда были совершены перевороты в Уругвае и Чили по схожим алгоритмам и сценариям. И опять же интересная параллель — труд Шарпа «Методы ненасильственных действий» вышел именно в 1973 г. Совпадение или все-таки закономерность?

При организации направленного воздействия внешними силами на дестабилизацию обстановки в указанных странах одной из основных форм было целенаправленное и методичное воздействие на силовые структуры. Например, одна из технологий манипулирования предусматривает целенаправленное выставление на передовую открытого силового конфликта (забастовка, митинг и т.п.) женщин, стариков или детей в целях психологического воздействия на органы правопорядка с одновременной дискредитацией силовых структур

в глазах общественности и дополнительного накала конфликта. Прием «цветочной деморализации» был применен во всех переворотах и их попытках на территории стран СНГ (тюльпаны, розы, васильки и т.д.). А именно — применение трансовых методик управления сознания (психология масс и т.д.) для создания иллюзии воодушевления и массовой поддержки протестного выступления с одновременной психологической подготовкой масс к появлению лидеров, которые начинают указывать конкретные цели и действия, необходимые для обязательного осуществления [21]. Такая «цветочная деморализация», на наш взгляд, является на сегодняшний день действенным инструментом информационной войны.

Подведем итоги нашего исследования. Во-первых, выявлены этапы политических технологий воздействия на легитимную власть с целью ее свержения. Во-вторых, уровень опасности используемых технологий для современной РФ определен как близкий к критическому, ибо воздействию подвергаются наиболее уязвимые места в социально-экономической и национально-политических сферах. В-третьих, зависимость экономики страны от экономик ведущих стран Запада, прежде всего от США, самым пагубным образом влияет на комплексную безопасность страны. В-четвертых, нами выявлен алгоритм формирования условий для возможного государственного переворота. В-пятых, в исследовании определены пути возможного противодействия угрозам для легитимной власти.

Итак, в настоящее время методы информационной войны позволяют содействовать свержению легитимной власти фактически в любой стране. Специальные политтехнологии применяются целенаправленно, продуманно и поэтапно. Исходя из приведенного анализа технологий, механизмов, инструментов и применяемых на сегодняшний день методик ведения информационной и гибридных войн, можно сделать четкое заключение, что против Российской Федерации на данном этапе ведется прагматичная, методичная и последовательная война по рецептам постиндустриального информационного общества.

Все действия западных оппонентов направлены в первую очередь на дискредитацию России как мирового политического актора путем искусственного создания вокруг РФ «железного занавеса», состоящего из стран, лояльных к геополитическому курсу наших западных оппонентов (в первую очередь это политическая ось США — Великобритания). И одним из наиболее действенных инструментов, позволяющим наиболее эффективно и комплексно осуществить данную стратегию, является технология «цветной революции», а попросту говоря — свержение легитимной власти в результате государственного переворота. При этом необходимо понимать, что «обработанные» данной технологией страны, по сути, не нужны как равноправные

партнеры ни ЕС, ни США, а представляют собой просто очередное звено и инструмент в стратегии решения европейскими и прочими западными странами своих геополитических и экономических задач на дальнюю перспективу. Видимо, лишь создание Евразийского мира с центром в России позволит обезопасить легитимно избранные правительства от свержения средствами и методами информационной войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб: Изд-во «Поликона», 2016. 194 с.
2. *Gauland A.* Das Legitimitätsprinzip in der Staatenpraxis seit dem Wiener Kongress. Berlin: Duncker & Humblot, 1971. 248 S.
3. *Classen A.* Interessenvertretung in der Europäischen Union. Zur Rechtmäßigkeit politischer Einflussnahme. Wiesbaden: Springer VS, 2014. 269 S.
4. *Баранов Н.А.* Место России в трансформирующемся мировом порядке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2–2. С. 79–83.
5. *Добреньков В.И., Аганов П.В.* Война и безопасность России в XXI веке. М.: Академический проект, 2011. 224 с.
6. *Ефимов Н.Н.* Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: Ленанд, 2014. 240 с.
7. *Золотарёв В.А.* Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001. 536 с.
8. *Кара-Мурза С.Г.* и др. Революции на экспорт. М.: Эксмо; Алгоритм, 2006. 525 с.
9. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. М.: Эксмо; Алгоритм, 2008. 1200 с.
10. *Косошин А.А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: Высшая школа экономики, 2013. 264 с.
11. *Ланарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.
12. *Радиков И.В.* Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5–1. С. 150–153.
13. *Радиков И.В.* Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождения» войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С.27–39.
14. *Радиков И.В.* Ослабление государственности как угроза национальной безопасности и международному правопорядку // ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 4. С. 19–31.

15. *Слипченко В.И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 384 с.
16. *Трайнин А.М.* Национальная безопасность России. Лабиринт интервенции из будущего. Кн. 2. Смоленск: Май принт, 2014. 328 с.
17. *Горохов П.А., Вялых В.В.* Современные модификации общественного договора // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 19–23.
18. *Хем М.* Быть диктатором. Практическое руководство. М.: Альпина Паблишер, 2016. 232 с.
19. *Малапарте К.* Техника государственного переворота. М.: Аграф, 1998. 224 с.
20. *Люттвак Э.Н.* Государственный переворот. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. 320 с.
21. *Hebditch D., Connor K.* Wie man einen Militärputsch inszeniert. Von der Planung bis zur Ausführung. Graz: Ares-Verlag, 2006. 429 S.
22. *Farcau B.W.* The Coup. Tactics in the Seizure of Power. Westport: Praeger, 1994. 382 p.
23. *Laine I., Kuivalainen O.* The Internationalization of New Russian Ventures: The Institutional Frontier. In: Growth Frontiers in International Business. Springer Verlag, 2017. 382 p.
24. *Sharp G.* The Politics of Nonviolent Action. Part 1. Power and Struggle. Boston: Porter Sargent Publishers, 1973. 144 p.

РЕСУРСНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЩЕЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА*

Введение

Общая система безопасности государства состоит из целого ряда отдельных направлений (видов) безопасности. Так, согласно Д.Г. Балуеву, термин «национальная безопасность» является аналогом английского термина *national security*, который переводится и как «национальная», и как «государственная безопасность». Однако другие авторы считают термины «государственная безопасность» и «национальная безопасность» не синонимами, а самостоятельными понятиями [1].

И.В. Гончаров утверждает, что национальная безопасность включает в себя все виды безопасности (государственную, экономическую, политическую, конституционную, социальную, продовольственную и др.) [2]. С.В. Гунич и А.И. Зубков считают, что под национальной безопасностью подразумевается тройная составляющая — безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства¹ [3].

Одним из направлений государственной политики в области национальной безопасности является безопасность геополитическая, представляющая собой процесс управления, при котором государственные и негосударственные органы обеспечивают контроль и надзор за ресурсами земного, водного, воздушно-космического и информационного пространства собственной страны [4].

Факторы развития и угрозы политике общей безопасности государства переплетаются, взаимодействуют и взаимозависят на различных уровнях управления экономикой — национальном, региональном и мировом. В связи с этим комплекс по реализации политики безопасности должен быть направлен на эффективное использование внешнеэкономического потенциала страны, развитие экспортно ориентированного производства и трансграничного сотрудничества, включая реализацию региональных межгосударственных проектов,

* *Ковалев А.А.* Ресурсная безопасность как составляющая общей системы безопасности государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 9. — С. 1775–1784.

¹ *Зубков А.И.* Геополитика и проблемы национальной безопасности России: учеб. пособие. — М.: Юридический центр, 2004. — 240 с.

формирование благоприятного устойчивого инвестиционного климата через планомерное достижение стратегических и тактических целей функционирования и развития внешнеэкономической и внутренней социально-экономической систем государства.

Созданием благоприятных условий для развития экономики достигается повышение уровня конкурентоспособности страны, что обеспечивает экономическую безопасность государства через достаточное обеспечение ресурсами требуемого уровня национальной безопасности¹.

Современная система международных отношений представлена не столько национальными границами, сколько разделением на «зону мира», представленную странами Запада и «зону конфликта», которую представляют государства Востока и Юга. И если государства Запада больше озадачены такими проблемами, как сепаратизм, экстремизм и терроризм, то страны «зоны конфликта» заняты наращиванием своего вооруженного потенциала [5, 6].

Парадоксальность современных международных отношений состоит в том, что существует четкое противоречие между настойчивым стремлением западных стран к максимальному обеспечению своей ресурсной безопасности за счет ущемления суверенитета других стран, обладающих такой необходимой Западу ресурсной базой. Яркими примерами в этих дискриминационных взаимоотношениях выступает политика Запада, направленная против Ирака и Ливии в виде прямой военной агрессии и фактической оккупации данных государств.

Применяются и косвенные методы контроля, как это было случае с Россией, когда в 2014 г. США ввели санкции в отношении ведущих отраслей и секторов экономики Российской Федерации. И одним из рычагов санкционного воздействия стал запрет экспортных поставок американским компаниям любого оборудования, комплектующих и технологий, применяемых в сфере разведки и добычи углеродного сырья. Подобные же санкции были введены и Евросоюзом 31 июля 2014 г. Данные запреты сократили возможности российских нефтегазовых компаний в вопросах технологического и экономического маневрирования, чем создали сложную ситуацию не только для самой отрасли, но и в целом для всей российской экономики². Именно поэтому, исходя из изложенного, мы поддерживаем точку зрения ряда отечественных исследователей относительно того, что в современных геополитических условиях России необходимо проводить достаточно жесткую внешнюю

¹ *Блохин С.В.* Понятие экономической безопасности // Вестник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. — 2006. — № 5.

² *Пономарёв Н.Н.* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности. Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2016. — № 1.

политику, отстаивающую ее интересы в мировом сообществе и гарантирующую обеспечение национальной безопасности государства [7].

В контексте сказанного необходимо отметить, что конкурентоспособность страны зависит от неравномерности расположения мировых ресурсов и от возможности целостно обладать, разрабатывать и защищать свою ресурсную базу. Этим аспектом определяется возможность занимать и планомерно удерживать высокие позиции по определенным видам экономической деятельности на геоэкономическом поле. Экономическая безопасность государства — это фактор стабильного и устойчивого развития на основе формирования экономико-правовых, институциональных, организационных и технологических условий, способных обеспечить сохранение и эффективное использование природных ресурсов, производственных мощностей в целях повышения уровня конкурентоспособности страны в соответствии с вызовами времени.

Ресурсная безопасность государства

Усиление глобализационных тенденций в мирохозяйственных связях, интеграционные процессы, переход экономических систем к постиндустриальному технологическому укладу, динамичное развитие инновационно-коммуникационных технологий, чрезмерное обострение экологических проблем продуцируют новые научно-технологические вызовы и экономические угрозы развитию национальных экономик в частности и всей современной системе международных отношений в целом. И одним из основных факторов, вызывающих рост конфликтного потенциала как между отдельными государствами, так и целыми регионами и нарушающих баланс в системе международной безопасности, является проблема ресурсной безопасности.

Ключевую роль при принятии эколого-экономических решений относительно управления минеральными, водными, земельными, лесными и биологическими ресурсами должны выполнять процессы регулирования эффективного ресурсопользования. Согласование региональной, национальной и международной политики рационального природопользования через экономические и правовые механизмы призвано формировать и совершенствовать экономические стратегии развития национального хозяйства.

Экономическая безопасность государства является сложной многовекторной и многофакторной категорией, характеризующейся уровнем открытости и независимости национальной экономики, что обеспечивается путем эффективной реализации ресурсного, экспортного, инновационного, интеллектуального и трудового потенциалов. Именно этот аспект способен стать объективной предпосылкой противостояния внешним и внутренним геоэкономическими геополитическим угрозам.

Некоторыми учеными экономическая безопасность рассматривается как величина, которая помогает качественно рассмотреть экономику, выступая одной из ее характеристик¹. Более целостное определение экономической безопасности дает С.Ю. Глазьев: «Безопасность экономическая — это состояние экономики и производительных сил общества с точки зрения возможности самостоятельного обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, поддержания необходимого уровня национальной безопасности государства, а также должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции» [8].

Согласно стратегии национальной безопасности, в систему экономической безопасности включены все виды безопасности, которые предусматриваются нормативно-правовыми актами: экономическая, финансовая, информационная, фондовая, кадровая, общественная, ресурсная, валютная, ценовая, государственная, энергетическая, экологическая, транспортная, а также безопасность личности². Следовательно, и укрепление экономической безопасности государства должно быть комплексным и заключаться в объективной расстановке стратегических приоритетов в условиях современности с особым акцентом на все тактические процессы и оперативные подпроцессы [9].

Ресурсные проблемы затрагивают интересы широкого круга экономических субъектов, так как носят трансграничный характер, а следовательно, для их решения требуются институциональные подходы. Связано это прежде всего с проявлением таких факторов, как:

— прогрессирующая ограниченность большинства природных ресурсов;

— обострение различных форм конкурентной борьбы за сырьевую и энергетическую ресурсную базу;

— риск возникновения геополитических и даже вооруженных конфликтов как следствие неравномерного распределения ресурсов и отсутствия четко обозначенных правил координации действий международного сотрудничества в сфере ресурсопользования.

Противоречия, которые сопровождают современный этап развития социально-экономических систем, возникают между формами привлечения и использования природно-ресурсного потенциала, уровнем ресурсной и экономической безопасности, а также потребностями и возможностями экономического роста. Процесс глобали-

¹ *Буторин В.К., Ткаченко А.Н., Шипилов С.А.* Основы экономической безопасности. Т. 1. Системные концепции экономической безопасности. — Кемерово, 2007. — С. 20–22.

² *Пономарёв Н.Н.* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности. Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2016. — № 1.

зации наряду с положительным влиянием на социально-экономическое развитие (в форме динамичного развития международного сотрудничества, обмена достижениями в информационных и высоких технологиях, стремительных прорывах научно-технического прогресса) одновременно внес в мировое сообщество и негативную линию в виде роста динамики международных военно-политических конфликтов из-за такого же динамичного роста потребности в ресурсах.

До недавнего времени к природным ресурсам были отнесены «объекты естественной природной среды, пользующиеся спросом и экономически рентабельные для добычи (производства) и сбыта в необработанном виде или после минимальной обработки»¹. Но на сегодняшний день более приемлема и отражает действительность следующая трактовка, данная ОЭСР в 2015 г.: «термин «природные ресурсы» обозначает возобновляемые и невозобновляемые запасы ресурсов в природе (минеральные ресурсы, энергетические ресурсы, почвенные ресурсы, водные ресурсы и биологические ресурсы)»².

Парадокс регулирования природопользования состоит в том, что данный процесс осуществляется путем применения сугубо экономического механизма — как совокупности поощрительных, принудительных и компенсационных мер в целях воздействия на поведение людей в сфере производства товарной продукции и способов создания материальной заинтересованности товаропроизводителей и иных участников процесса материального производства в соблюдении экологических требований [10]. То есть, в данном случае речь не идет о формировании у товаропроизводителей заинтересованности в рациональном природопользовании и в охране природы. При этом данный аспект касается стран как с плановой, так и рыночной экономикой.

Ресурсно-экономические отношения из-за своего интернационального характера затрагивают абсолютно все сферы жизнедеятельности:

- политику (путем системы международных отношений, экономической и военно-политической интеграции, через сферу геополитики);
- экономику (путем процессов производства и потребления, через торговые и конкурентные взаимоотношения);
- военную сферу (военно-политические и вооруженные конфликты);
- экологическую и социокультурную области (образование, медицина, экология, безопасность, культурная сфера).

¹ World Trade Report 2010. Trade in natural resources. URL: http://wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report10_e.pdf

² Material Resources, Productivity and the Environment, OECD Green Growth Studies. OECD Publishing, Paris, 2015. P. 168-169.

Ресурсные конфликты выступают как следствие неэффективности экономико-экологических режимов государств и использования конфликтной политики в сфере ресурсопользования как основной стратегии при освоении или распределении природных ресурсов. Особено это правило справедливо по отношению к категории невозобновляемых (нефть, газ, минеральные залежи) и трудновозобновляемых ресурсов (земельным, водным, лесным). В результате таких спланированных или неумышленных действий экономических субъектов, когда пересекаются интересы различных экономических субъектов относительно обладания или контроля над природным ресурсом или экологической ценностью, и возникает опасность ресурсного конфликта.

Таким образом, ресурсный конфликт можно охарактеризовать как внутреннее или межгосударственное противостояние враждебно настроенных сторон за право собственности, использования, контроля или распределения природных ресурсов, сопровождаемое возможным применением насильственных форм борьбы при достижении этой цели. Еще одним фактором, провоцирующим возникновение ресурсных конфликтов на локальном или глобальном уровнях, является отсутствие четкого и прозрачного международного механизма оценки и распределения возобновляемых и невозобновляемых ресурсов.

Динамика социально-экономического развития современного общества и сопутствующий рост темпов привлечения ресурсной базы для полноценного и соответствующего обеспечения функционирования национальных экономик указывают на актуальность и необходимость проведения исследований по проблематике изучения вопросов возникновения, оценки и противодействию ресурсным конфликтам, как ключевой угрозе экономической и ресурсной безопасности государства.

Таким образом, ресурсную безопасность государства можно охарактеризовать как уровень привлечения ресурсного потенциала в процессы производства и потребления, который обеспечивает эффективное функционирование национальной экономической системы и ее экономический рост и для которого характерна устойчивость к внутренним и внешним негативным угрозам, направленность на уменьшение вероятности конфликтного потенциала действий вовлеченных в процесс экономических субъектов, а также гарантируется государственный суверенитет за счет достаточности собственных природных ресурсов.

Рассмотрим основные виды ресурсных вызовов и рисков в общей системе экономической безопасности государства.

Земельный ресурсный конфликт. К основным рискам возникновения подобного типа конфликта можно отнести: неурегулированность законодательства относительно закрепления прав собственности и разрешений на разведку, разработку и использование как на национальном, так на международном уровнях; неурегулированность

процедур управления трансграничными земельными ресурсами, которые особенно важны в вопросах обеспечения ресурсной безопасности, так как существует риск перераспределения собственности, находящейся под контролем субъектов других стран; проблемы с разработкой и внедрением механизмов и инструментов рентных отношений в области землепользования (особенно в развивающихся странах).

Водный ресурсный конфликт. Данный вид конфликта возникает под воздействием таких факторов, как: физическая ограниченность водных ресурсов; противоречия, возникающие при использовании водных ресурсов между двумя или более субъектами; отсутствие альтернативных источников водных ресурсов (например, опреснение воды или наличие ресурса в виде подземных вод); нежелание сторон выстраивать неконфликтную политику относительно совместного использования (потребления) водных ресурсов. Также необходимо отметить, что иногда водный ресурсный конфликт возникает не вследствие дефицитности, а из-за неэффективности используемых механизмов и инструментов управления и распределения. Как правило, это происходит из-за ограниченности институциональных возможностей, при неурегулированности имущественных прав или недостаточной прозрачности процедур управления. Среди прочих причин можно назвать несовершенство процедур распределения и оценки использования водных ресурсов.

Существующий дефицит водных ресурсов или угроза его возникновения побуждают и водообеспеченные страны, и страны с водным дефицитом выработать водосберегающие стратегии для своих национальных экономик в целях получения максимальной эффективности и отдачи от водопользования. Так, например, для сохранения своего водного потенциала такие водообеспеченные страны, как Австралия, Аргентина, Бразилия, Канада, США осуществляют значительный объем экспорта водоемких видов продукции (сельхозпродукция, водосберегающие технологии и промышленное оборудование). Таким образом, через конечную продукцию происходит косвенная «транспортировка» избытка водных ресурсов. Со своей стороны вододефицитные страны (такие как Япония, Южная Корея, Италия, Великобритания, Германия, Израиль, страны Среднего и Ближнего Востока) импортируют водоемкую продукцию в целях экономии своих ограниченных водных ресурсов. Подобным образом происходит некая виртуализация «торговли водой» [11].

Минеральный ресурсный конфликт. Причины возникновения: ограниченность данного вида ресурсов; самая высокая материальная ценность среди всех природных ресурсов и, как следствие, борьба за владение (использование) в целях получения значительной экономической выгоды; значительный риск коррупционных схем при продаже, перераспределении или использовании; ресурсная зависимость

национальной экономики и, как следствие, замедление темпов социально-экономического развития [12].

Лесной ресурсный конфликт. Возникновение этого типа конфликта возможно при наличии исторических и этносоциальных факторов. Непосредственно лесной ресурс никогда не был единственной причиной конфликта, обычно являясь одним из звеньев конфронтации экономической, политической или социальной. Относительную конфликтогенность лесного ресурса в сравнении с минеральными, водными, земельными или энергетическими, можно объяснить его доступностью, транспортабельностью, низкой капиталоемкостью, производительностью и фактором самовоспроизведения.

Вследствие неравномерного распределения энергетических ресурсов они относятся к политическому инструментарию практически всех современных государств. Различие применения этого инструментария заключается только в том, что согласно двум основным моделям энергетической политики, одни страны используют экспорт ресурсов для получения сверхприбылей от их продажи (здесь следует учитывать то обстоятельство, что топливно-энергетический комплекс России является системообразующей базой ее экономики, так же как и у некоторых арабских стран и государств Средней Азии). Страны Запада же, не обладающие собственными существенными запасами природных ресурсов, придерживаются альтернативной модели — стараются диктовать или контролировать процесс поставок энергоресурсов на свои рынки вплоть до военного воздействия на государства, обладающие достаточной ресурсной базой.

Таким образом, основная задача государственной политики по вопросу обеспечения национальной безопасности заключается в обеспечении формирования основ устойчивого планового развития, уменьшении конфликтного потенциала в сфере природопользования на национальном и международном уровнях.

В целях обеспечения национальной безопасности государства и повышения конкурентоспособности экономики страны необходимо формирование концепции устойчивого развития и эффективного природопользования, что, в свою очередь, требует осуществления структурной перестройки национальной экономики и трансформации социально-экономических отношений с учетом проявлений современных геополитических и геоэкономических вызовов и ресурсных угроз.

Выводы

В современном глобализационном мире роль и вес любого государства на геополитической арене зависит от уровня конкурентоспособности страны в геоэкономической сфере. Это напрямую зависит от эффективности формирования и реализации своих конкурентных преимуществ. Особенно этот аспект касается области обладания и ис-

пользования ресурсной базы. Несмотря на то, что торговля ресурсами является основной статьей доходов бюджета РФ, необходимо четко осознавать и учитывать тот факт, что запасы ресурсной базы имеют тенденцию к сокращению и исчерпанию. Именно поэтому в целях обеспечения ресурсной безопасности государства необходима разработка мер по нивелированию данной угрозы через переориентирование, поиск и замену классических источников энергии и производственного сырья на неисчерпаемые и возобновляемые альтернативы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Фатеев К.В.* Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (теоретико-правовое исследование). М.: Военный университет, 2004. С. 17.
2. *Гончаров И.В.* О соотношении понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность», «конституционная безопасность» // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 116–122.
3. *Гунч С.В.* Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 15–17.
4. *Костин В.И., Костина А.В.* Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 342 с.
5. *Dhurba Rizal.* South Asia and Beyond: Discourses on Emerging Security Challenges and Concerns. New Delhi: Adroit Publishers, 2012. P. 53.
6. *Пономарёв С.В., Юрченко А.А.* Влияние санкций на экономику России // Молодой ученый. 2016. № 4. С. 478–481.
7. *Грищенков А.И., Глушак Н.В., Глушак О.В.* и др. Глобализация и национальная безопасность России // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 323–325.
8. *Глазьев С.Ю.* Основы обеспечения экономической безопасности страны // Российский экономический журнал. 1997. № 1. С. 5.
9. *Шпилевская Е.В.* Экономическая безопасность страны: угрозы и пути ее обеспечения. Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5–1. С. 188–193.
10. *Гарнов А.П., Краснобаева О.В.* Общие вопросы эффективного природопользования: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 215 с.
11. *Перелет Р.А.* Торговля виртуальной водой и формирование бирж водных ресурсов: материалы IX международной конференции Российского общества экологической экономики «Экономические механизмы решения глобальных экологических проблем в России». Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай — XXI век», 2008. С. 160–165.
12. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2007. 98 с.

РОЛЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ*

Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе посещения авиабазы Хмеймим в Сирии 11 декабря 2017 г. заявил, что активная фаза боевых действий завершена, Вооруженные Силы Российской Федерации успешно справились с задачей по ликвидации растущей угрозы глобального терроризма и экстремизма, его новых проявлений. Министру обороны и начальнику Генерального штаба был отдан приказ к выводу российской группировки войск из Сирии в пункты постоянной дислокации. За два года до этого, в сентябре 2015 г., Верховный Главнокомандующий получил от верхней палаты Российского парламента согласие на использование Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. Поддержку в правильности выбранного решения ему тогда оказал Совет Безопасности Российской Федерации — совещательный орган, изучающий и прогнозирующий обстановку в стране и мире, предлагающий Президенту разные варианты решения сложившейся ситуации, главным образом касающихся первостепенных задач военной политики [1].

В настоящее время научным сообществом основы функционирования Совета Безопасности Российской Федерации — важного конституционного органа, на наш взгляд проработаны недостаточно. Исследований, посвященных данному институту, ничтожно мало. Так, в монографии В.И. Мельникова изучаются политико-правовые аспекты деятельности Совета Безопасности в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [2].

Н.Н. Отмахова в работе «Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации» рассматривает правовое положение этого конституционного органа власти. Для повышения его эффективности автор предлагает новую редакцию Закона «О безопасности», с приданием ему статуса Федерального конституционного закона [3]. Определенные изменения в законодательство о Совете Безопасности были внесены. Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. «О безопасности», в котором Совету Безопасности, вернее, его статусу, посвящена самая большая из четырех глав Закона, в которой достаточно подробно расписаны задачи, функции, состав, организация деятельности Совета Безопасности [4].

* *Ковалев А.А.* Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике // Вестник Поволжского института управления. — 2017. — Т. 17. — № 6. — С. 4–10.

Д.Б. Павлов считает, что важнейшей проблемой в обеспечении экономической безопасности России является координация деятельности различных структур. По его мнению, определенную системность в эту сферу вносит Совет Безопасности РФ [5].

В.А. Белобородов рассматривает Совет Безопасности как единицу механизма общей государственной безопасности, которая осуществляет координацию деятельности органов власти по реализации принятых Президентом РФ решений в области обеспечения безопасности и дает оценку эффективности их деятельности [6].

Я.А. Пономаренко в статье «Роль Совета Безопасности России в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности» проводит исторический обзор развития данного органа власти, анализирует специфику его функционирования в системе управления [7].

Совет Безопасности — это относительно новая структура в истории отечественного государственного строительства, впервые созданная на излете существования Союза ССР, в декабре 1990 г., в соответствии с принятым тогда Законом «Об изменениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» [8]. На Совет Безопасности СССР возлагалась выработка рекомендаций по проведению в жизнь общесоюзной политики в области обороны страны, поддержанию государственной, экономической и экологической безопасности, преодолению последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций, обеспечению стабильности и правового порядка в обществе. Очевидно, за всем этим стояла попытка тогдашнего высшего руководства страны не допустить распада Союза. Но уже в 1991 г. в ряде республик СССР стали создаваться аналогичные структуры, что означало желание вести свою, отдельную от Москвы политику в этой сфере.

После распада Советского Союза Россия учредила Совет Безопасности РФ. До этого он упоминался в Законе РСФСР от 24 апреля 1991 г. «О Президенте РСФСР», где в п. 9 ст. 5 говорилось, что Президент возглавляет Совет безопасности РСФСР [9]. Позже, 5 марта 1992 г., был принят Закон РФ «О безопасности», один из разделов которого назывался «Совет Безопасности Российской Федерации» [10].

На разных этапах Новейшей истории России роль этого органа в политической жизни страны была различной. Если в период, который принято называть «конституционным кризисом» 1992—1993 гг., главной задачей Совета Безопасности было обеспечить победу Президента в его противостоянии с Верховным Советом России и тем самым сохранить Б.Н. Ельцина у власти, то после 2000 г. этот орган направил свои усилия не на сохранение личной власти Президента, а на отстаивание и обеспечение национальных интересов и национальной безопасности России.

Сегодня Совет Безопасности России является конституционным совещательным органом, осуществляющим подготовку решений Президента страны по вопросам обеспечения, общественной, экологической и иных видов безопасности государства, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также по вопросам, связанным с защитой конституционного строя, организацией обороны и оборонного производства, военного строительства, военного и военно-технического сотрудничества с другими государствами, международного сотрудничества в области безопасности. Как видим, функции российского Совбеза значительно расширены в сравнении с функциями Совета Безопасности СССР, что объясняется принципиально новым геополитическим положением России и обострением проблем национальной безопасности в постсоветский период.

В мировой практике имеется опыт создания совещательно-коллегиальных органов, аналогичных российскому Совету Безопасности. Такие органы функционируют в Великобритании, США, Израиле, Японии, Иране, Бразилии и других странах мира. К примеру, Совет национальной безопасности Израиля является центральным органом государства по координации действий, анализу и мониторингу в области национальной безопасности и борьбе с терроризмом. Совет безопасности Японии, основанный на базе Совета обороны в 1986 г., выступает центральным исполнительным органом власти, который занимается определением стратегии и защитой безопасности страны, разрабатывает план действий в период чрезвычайных ситуаций. Совет национальной безопасности Великобритании курирует вопросы, связанные с национальной безопасностью, включая координацию разведывательной и оборонной стратегии; он также решает проблемы внешней политики, обороны, международных отношений, энергетической и ресурсной обеспеченности. Совет национальной безопасности США, созданный в 1947 г., выступает консультативным органом при президенте США для решения наиболее важных вопросов национальной безопасности и внешней политики, координации действий силовых ведомств. Высший совет национальной безопасности Исламской республики Иран был основан в 1989 г. для разработки политики в сфере обороны и национальной безопасности, координации деятельности в разведывательной, оборонной, а также экономической, социальной и культурной сферах. Национальный совет обороны Федеративной республики Бразилии, созданный еще в 1927 г., является консультативным органом президента Бразилии по вопросам национальной безопасности, внешней политики и оборонной стратегии, а также вырабатывает критерии и условия безопасности национальной территории и ее эффективного использования. В целом советы безопасности различных стран имеют схожие цели и функции, везде выполняют роль единых коор-

динационных центров по обеспечению безопасности на всех стратегически значимых и жизненно важных направлениях.

Председателем Совета Безопасности РФ является Президент РФ В.В. Путин. В разное время его возглавляли по должности Б.Н. Ельцин (1992–1999 гг.), В.В. Путин (1999–2008 гг.), Д.А. Медведев (2008–2012 гг.).

Текущая деятельность осуществляется секретарем Совбеза и его аппаратом. За 25 лет сменилось тринадцать секретарей Совета Безопасности. Это были как военные, так и гражданские лица, имеющие большой опыт работы на руководящих постах в государстве (генералы Е.И. Шапошников, А.И. Лебедь, Н.Н. Бордюжа; государственные деятели И.П. Рыбкин, С.Б. Иванов, И.С. Иванов, В.В. Путин (в качестве главы ФСБ России при Б.Н. Ельцине) и др.).

В состав Совета Безопасности входят как постоянные члены (глава Правительства, председатели Совета Федерации и Государственной Думы, министры обороны и иностранных дел, директор ФСБ и др.), так и непостоянные, которые могут включаться в состав Совета Безопасности и исключаться из него. Те и другие персонально назначаются Президентом РФ. Всего через этот орган прошли за время его существования в новой России 125 человек. По длительности нахождения в составе Совета Безопасности можно составить своеобразный рейтинг: нынешний министр обороны С.К. Шойгу является членом Совета Безопасности уже 23 года; Президент РФ В.В. Путин — 19 лет; специальный представитель Президента РФ С.Б. Иванов — 18 лет; секретарь Совбеза Н.П. Патрушев — 17 лет; губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко — 17 лет; полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе В.В. Устинов — 17 лет.

Аппарат Совета Безопасности является самостоятельным структурным подразделением Администрации Президента РФ и имеет в ней статус управления. В соответствии со штатным расписанием аппарата Совета Безопасности у секретаря Совбеза — шесть заместителей и четыре помощника, назначаемых на должность Указом Президента России.

В соответствии с задачами и функциями Совет Безопасности образует рабочие органы — постоянные межведомственные комиссии и научный совет. В настоящее время при Совете Безопасности РФ действуют семь межведомственных комиссий по различным вопросам: проблемам СНГ; военной безопасности; общественной безопасности; безопасности в экономической и социальной сфере; информационной безопасности; экологической безопасности; проблемам стратегического планирования.

Все эти комиссии осуществляют подготовку предложений и рекомендаций Совбезу по основным направлениям государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, способствуют координации деятельности федеральных органов

исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ в деле обеспечения национальной безопасности.

Так, в межведомственную комиссию по военной безопасности входит 38 должностных лиц. Председателем ее является начальник Генерального штаба Вооруженных Сил, первый заместитель министра обороны России. В составе комиссии — глава комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по обороне, заместители министров иностранных дел, здравоохранения, образования и науки, промышленности и торговли, связи и массовых коммуникаций, финансов, экономического развития, заместитель министра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, вице-президент РАН, заместители руководителей СВР, ФСБ, ФСВНГ, ФСО, ФСВТС, первый заместитель руководителя Главного военного следственного управления Следственного комитета, заместитель главного военного прокурора, руководитель Росрезерва и другие должностные лица.

Функции данной комиссии: анализ состояния и перспектив развития военно-политической и социально-экономической ситуации с позиций военной безопасности; подготовка предложений и рекомендаций Совету Безопасности по вопросам стратегического планирования в военной сфере, организации обороны, формированию федерального бюджета в части, касающейся расходов на оборону страны и обеспечение безопасности государства; рассмотрение проектов нормативных правовых актов, направленных на обеспечение военной безопасности; анализ уровня социальной защиты военнослужащих, уволенных с военной службы, и членов их семей.

В свою очередь, научный совет при Совете Безопасности России образован в целях научно-методологического и экспертно-аналитического обеспечения его деятельности. Данный совет работает на общественных началах, председателем его по должности является секретарь Совета Безопасности. В состав совета включаются представители Российской Академии Наук, руководители других научных организаций, а также отдельные ученые и специалисты. Так, будучи президентом РАН, Ю.С. Осипов в течение 16 лет входил в состав Совета Безопасности.

На научный совет при Совете Безопасности возложено научно-методологическое и экспертно-аналитическое обеспечение деятельности Совета Безопасности; подготовка предложений и рекомендаций по проведению комплексных научных исследований в области обеспечения национальной безопасности; совершенствование методологии научного обоснования стратегии национальной безопасности государства; научно-методологическая оценка и прогнозирование внутренних и внешних угроз; проведение научной экспертизы проектов нормативных правовых актов, концептуальных, доктрин-

нальных, аналитических и иных документов по вопросам обеспечения национальной безопасности; научное обоснование проектов решений в области национальной безопасности; проведение сравнительного анализа теории и практики обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации и зарубежных странах.

Деятельность Совета Безопасности осуществляется в форме заседаний и совещаний. Заседания проводятся, как правило, один раз в квартал в соответствии с планами, утверждаемыми Президентом РФ по представлению секретаря Совета Безопасности, который осуществляет подготовку заседаний и проектов решений. Все решения принимаются постоянными членами Совбеза простым большинством голосов и вступают в силу после утверждения президентом. В целях реализации решений, могут издаваться указы, распоряжения и даваться специальные поручения Президента РФ. Оперативные совещания с постоянными членами Совета Безопасности происходят практически каждую неделю.

К примеру, повестка дня заседания Совета Безопасности России 31 августа 2012 г. включала обсуждение мер, направленных на повышение эффективности работы оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации; 8 мая 2013 г. речь шла об обеспечении национальной безопасности России в связи с развитием ситуации в Афганистане и ее влиянием на стабильность в Центральной Азии; 22 апреля 2014 г. обсуждалась реализация государственной политики Российской Федерации в Арктике в интересах национальной безопасности; 3 июля 2015 г. рассматривался комплекс вопросов, связанных с обеспечением безопасности и национальных интересов России в условиях санкций со стороны ряда государств; 7 декабря 2016 г. был одобрен проект Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. и первоочередные меры по обеспечению национальных приоритетов в сфере экономики; 26 октября 2017 г. рассматривала комплекс вопросов, связанных с обеспечением безопасности информационной инфраструктуры России.

Итак, круг вопросов, решаемых этим координационно-совещательным органом в последние несколько лет, довольно широк и многообразен. По понятным причинам информация об этом подается лаконично и скупое, поскольку деятельность такого органа, как Совет Безопасности, не может быть открытой, публичной и прозрачной.

Являясь конституционным совещательным органом, Совет Безопасности Российской Федерации тем не менее не имеет реальной власти, а лишь готовит предложения для Президента РФ по различным аспектам обеспечения национальной безопасности. Именно в Совет Безопасности стекается вся информация, связанная с безопасностью государства, именно здесь за одним столом встречаются руководители всех силовых ведомств и государственных органов, от которых зависит наша национальная безопасность. Поскольку председателем за

этим столом является Президент страны, пользующийся непререкаемым авторитетом, есть все основания думать, что здесь действительно происходит консолидация усилий и выработка единой, согласованной политики (чего мы не наблюдаем сегодня в политических кругах США и ряда европейских стран). Совет Безопасности России — это орган, способный в оперативном режиме реагировать на любую кризисную ситуацию, будь то внутри страны, у ее границ или в отдаленных точках мира. Успехи России в Сирии, в целом на Ближнем Востоке и в Азии свидетельствуют о том, что такая консолидация в Совете Безопасности России сегодня существует. Об эффективности ее можно судить по конечным результатам, таким, например, как фактическое уничтожение ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) на территории Сирийской Арабской республики. Решение об этом разрабатывалось и принималось Советом Безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. (в ред. от 25 июля 2014 г.) URL: <http://base.garant.ru>
2. *Мельников В.И.* Совет Безопасности РФ в государственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М., 2011.
3. *Отмахова Н.Н.* Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2008. С. 120–121.
4. О безопасности: Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 5 окт. 2015 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. *Павлов Д.Б.* Совет Безопасности России как основной субъект правового регулирования экономической безопасности // Экономика и право. XXI век. 2012. № 1. С. 25– 32.
6. *Белобородов В.А.* Совет Безопасности как структурная единица механизма государственной безопасности // Пятый Пермский международный конгресс ученых-юристов. Пермь, 2014. С. 44–45.
7. *Пономаренко Я.А.* Роль Совета Безопасности России в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 11. С. 120–124.
8. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» (утратил силу): Закон СССР от 26 дек. 1990 г. № 1861-I. URL: www.constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185464
9. О Президенте РСФСР (утратил силу): Закон РСФСР от 24 апр. 1991 г. № 1098–1. URL: <http://www.base.garant.ru/1548919>
10. О безопасности (утратил силу): Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I (с изм. и доп.). URL: www.ivo.garant.ru/#/document/10136200/paragraph/10973/doclist/0/selflink/0/context/

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

В современную эпоху подверглось существенным переменам само понятие «средства массовой информации», которые в XX столетии вследствие возросшего влияния на массовое сознание и сами общественные процессы все чаще стали именовать «четвертой властью». Действительно, если понимать под властью «способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии» [1, с. 49], становится понятным правомерность такого сравнения. И влияние этой власти как на массовое сознание, так и на индивидуальную психологию не всегда было положительным, но носило зачастую сугубо деструктивный характер.

Во вновь принятой Стратегии национальной безопасности констатируется: «Все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [2].

Поэтому исследование различных аспектов влияния информационной политики на военную безопасность нашей страны представляется весьма актуальным. В этой статье мы определим наиболее общие, основные связи между информационной политикой России и уровнем военной безопасности нашей страны на теоретико-методологическом уровне. На наш взгляд, взаимосвязь такого рода можно и нужно рассматривать, учитывая многообразие форм общественного сознания: право, мораль, религия, наука, искусство, политическое (идеологическое) сознание. Некоторые исследователи к формам общественного сознания относят и философию [3, с. 327]. Политическая философия — важнейшая часть социальной философии и на своем предметном уровне она во многом совпадает с теоретической политологией.

* Ковалев А.А. Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2016. — № 1. — С. 158–166.

Взаимосвязь информационной политики и военной безопасности отражается на всех формах общественного сознания напрямую или опосредованно. Это влияние зависит от целого комплекса причин, среди которых важнейшими являются сами исторические условия, сама историческая эпоха. Историческая эпоха воздействует на формы общественного сознания, но и формы общественного сознания формируют облик исторической эпохи. Здесь наблюдается активнейшее взаимное диалектическое воздействие. Сама политика в предельно широком ее понимании является формой общественного сознания и оказывает влияние на существование и динамику других модификаций общественного сознания. Формы общественного сознания можно понимать как духовные сферы, на которые оказывает первостепенное воздействие экономика, определенный тип хозяйственных отношений, существующих в обществе.

Экономика в марксизме, который долгое время признавался в нашей стране в качестве светской религии, рассматривается как базис любого общества, воздействующий на все формы общественного сознания. В этом утверждении есть рациональное зерно, но следует учитывать и влияние самих надстроечных сфер на базис. Порой средствами политики, входящей с точки зрения марксизма в область надстроечных явлений, оказывается существенное воздействие на экономику общества, что приводит к печальным последствиям. Например, политика горбачевской «перестройки» привела к разрушению и уничтожению социалистической плановой экономики великого государства и к его гибели. Поэтому бездумно следовать по пути марксистского детерминизма не следует, но и нецелесообразно забывать о ведущей роли экономических факторов в жизни современного общества, в том числе о влиянии экономических процессов на степень военной безопасности страны.

Экономика была, есть и будет. Она исчезнет лишь тогда, когда вымрет человечество. Но любая экономика — слепок общества. И кризис отечественной экономики невозможно рассматривать вне структурного кризиса российского общества, являющегося частью мирового экономического кризиса, который поразил планету осенью 2008 года и развивается и ныне. Но вызревал этот кризис гораздо раньше. Кризис экономики напрямую связан с кризисом науки, политики, морали и других форм общественного сознания.

Глобализация по-американски нацелена на то, чтобы в третье тысячелетие Россия вступила в качестве бесправной резервации, чье население обречено на уничтожение. Лишь в последнее время Россия начала политику активного противостояния негативному воздействию глобализации, в том числе и в сфере укрепления военной безопасности. Но сам процесс укрепления военной мощи страны сталкивается со значительными экономическими трудностями.

Распад Советского Союза оказал крайне негативное влияние на экономику бывших союзных республик, в том числе и на экономику России как правопреемницы Советского Союза. Разумеется, обречено было российское рентабельное предприятие, которое производило комплектующие для приборов и автоматов, которые собирались в Вильнюсе или Риге. В целом, экономическая политика 90-х годов была неудачной и антипатриотичной. Хотя невиданные ранее темпы инфляции снизились после развала СССР, роста инвестиций не произошло. Процесс модернизации экономики не был начат. В особо тяжелом положении оказалась военная промышленность, от которой напрямую зависит безопасность страны. Само государство, осуществляя весьма сомнительные методы противодействия инфляции, стало крупнейшим нарушителем финансовых обязательств.

Сейчас современная экономика России вынуждена расплачиваться за ошибки прошлых лет. На военную безопасность влияет уровень развития экономики в целом, всех ее отраслей, в том числе и процессы, происходящие в едином экономическом пространстве. И здесь велика роль грамотной информационной политики, которая призвана освещать и подчеркивать имеющие место позитивные изменения и достижения. Значительную роль сыграл Указ Президента РФ от 10.09.2014 за номером 627 «О военно-промышленной комиссии Российской Федерации. Трудно переоценить положительное значение специальных журналов и других средств массовой информации, например, периодического издания «Оборона России».

По аргументированному мнению заместителя руководителя Центра сравнительных политических и экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН Л.А. Гордона, за годы осуществления рыночных реформ 1990-х годов реальные доходы населения России снизились более чем в два раза до показателей 60–70-х годов. Одновременно произошло ухудшение большинства показателей уровня и качества жизни [4].

Реальные доходы населения в ушедшем 2015 году снизились на 9%. «ВТБ Капитал» приводит данные, что граждане России расходуют 50–55% семейного бюджета на покупку продуктов. По данным Росстата, в октябре 2015 г. реальная зарплата среднего россиянина сократилась на 10,9%.

Российское общество разобщено до крайности, а расслоение населения по доходам достигло своего предела. Среднего класса, схожего с тем, что есть на Западе, в нашей стране так и не сложилось. Представители высших слоев общества, то есть сверхбогатые, процветают, а большинство населения еле-еле сводит концы с концами. Возникает опасность, что люди перестанут быть единым народом в социальном смысле. Народ распадается, теряя способность противостоять дезинтегрирующим его силам. Русский народ начинает

деградировать биологически, то есть сокращаться численно, утрачивать физическое и духовное здоровье. Таковы страшные реалии новой эпохи глобализации по-американски.

В период глобального структурного кризиса и противостояния цивилизаций информационная политика России должна быть направлена на укрепление стабильности внутри страны, а на внешнеполитическом уровне такая политика неизбежно будет принимать характерные черты информационной или идеологической войны. И все недостатки, просчеты и ошибки в экономической политике России будут лишь очередным козырем в руках врагов и противников нашей страны.

Поэтому в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», подписанной Президентом 31 декабря 2015 г., следующие экономические факторы названы в числе основных показателей, необходимых для оценки состояния национальной безопасности: валовой внутренний продукт на душу населения; децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения и 10% наименее обеспеченного населения); уровень инфляции; уровень безработицы. Напрямую с этими экономическими показателями связан и важнейший, на наш взгляд, показатель состояния национальной, в том числе и военной, безопасности — удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств.

А такого рода удовлетворенность зависит не только от развития экономики, но и от грамотной информационной политики. Стоит отметить, что несмотря на существенные экономические трудности, которые переживает ныне наша страна, в стране наблюдается невиданный ранее уровень поддержки В.В. Путина. Как сообщает Левада-Центр, в феврале 2015 г. уровень поддержки деятельности В.В. Путина на посту президента Российской Федерации достиг 86% [5]. По данным ВЦИОМ, опубликованным в октябре 2015 г., рейтинг одобрения работы Владимира Путина составил 89,9%. Эти высокие показатели объясняются активной патриотической политикой Путина на внешней арене, прежде всего его четкой и бескомпромиссной позицией по наиболее существенным вопросам, касающимся национальной безопасности и престижа России. Поэтому огромна роль патриотически ориентированной информационной и идеологической политики.

Становление и развитие патриотизма как залога военной безопасности — одна из задач современной информационной политики. Патриотическое сознание как форма идеологии является важнейшей частью духовной сферы социального бытия. Такое сознание выступает залогом государственной устойчивости и военной мощи.

Грамотная современная информационная политика должна формировать патриотизм как у взрослых людей (а это неизмеримо трудно), так и прежде всего у подрастающего поколения. Именно всеобъемлющее противостояние внутренней угрозе бездуховности должно стать главной целью информационной политики России на современном этапе.

На взгляд автора, для народов России и в первую очередь русских как государствообразующего этноса основной причиной экономического кризиса, неизбежно повлекшего за собой демографический коллапс, являются духовные и информационные факторы. Отсюда ныне со всей возможной остротой встает вопрос о выработке принципов формирования и механизмов реализации патриотической государственной информационной политики, одной из функций которой будет снижение негативного информационного воздействия на психику отдельного человека и духовное здоровье общества в целом.

Здесь мы напрямую выходим на проблемы морали как важнейшей формы общественного сознания, которая влияет на взаимосвязь информационной политики России и военной безопасности страны. Любая реальная политика должна пройти между Сциллой максимы Макиавелли о том, что цель оправдывает средства и Харибдой афоризма Джорджа Герберта, согласно которому благими намерениями вымощена дорога в ад.

Моральное сознание связано с ценностями — как индивидуальными, так и коллективными. Этика тесно связана с аксиологией, влияние их друг на друга обоюдное. Мощь российского государства, его военная безопасность являются величайшей моральной ценностью как для общественного сознания, так и для индивидуального сознания каждого патриотически настроенного гражданина.

Любая информационная политика — смесь правды, полуправды и откровенной лжи. Но благая цель — военная безопасность государства — оправдывает возможную неправду в информационной политике российского государства и делает вопрос о моральной составляющей весьма и весьма аморфным. Недаром великий политик Уинстон Черчилль однажды сказал: «В военное время правда так драгоценна, что она всегда должна быть защищена ложью» [6, р. 457].

Мораль оперирует понятиями «совесть», «добро», «зло», «справедливость», «несправедливость». Разумеется, понимание этих важнейших понятий разнится в зависимости от культурной и цивилизационной принадлежности политика, оперирующего этими терминами. Тем более, мораль сама по себе — понятие историческое. То, что было аморальным в одну историческую эпоху, становится вполне допустимым в другую. Именно в последние годы делается многое для патриотического воспитания молодежи. Причем на вооружение берется то лучшее из опыта духовного и нравственного развития, что

было накоплено в Советском Союзе, хотя и опровергается марксистский тезис о классовом характере морали и всячески подчеркивается ее общечеловеческий характер.

Мораль как форма общественного сознания тесно связана с правом, но право, как известно, носит — в отличие от морали — обязательный и принудительный характер. Информационная политика регулируется соответствующими правовыми актами, скажем, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». На сегодняшний день их недостаточно, они не совершенны и требуют корректировки. Но право как форма общественного сознания оказывает влияние на степень и качество взаимосвязи информационной политики и военной безопасности.

Право возникает вместе с государством, когда лишь моральных норм и принципов становится недостаточно для регулирования общественных отношений. Право призвано уравнивать людей перед законом, поэтому оно тесно связано с такими явлениями, как свобода, ответственность, демократия. Свободно действующий индивид должен ощущать правовую ответственность за свои действия, в том числе и при осуществлении информационной политики. Тем более велика правовая ответственность за преступное обращение с информацией, в том числе и недоброкачественную информационную политику, связанную с военной безопасностью государства, находящегося в состоянии цивилизационного противостояния с другими государствами. Предельно опасным поступком, наносящим вред военной безопасности государства и наказываемый уголовным законодательством России, является государственная измена (статья 275 УК РФ).

Взаимосвязь информационной политики и военной безопасности проявляется и в такой форме общественного сознания, как религия. Порой в ушедшем столетии казалось, что религия как одна из форм мировоззрения и способ миропонимания окончательно уходит в прошлое. Зачастую полагали, что религиозные войны и все связанное с ними многообразие страстей канули в архивы европейской и мировой истории. Но история делала новый виток, и то, что казалось навсегда канувшим в лету, вновь становилось актуальным и обретало все новые социальные грани.

Ныне становится все более ясным, что религия — одна из важнейших форм постижения мира и укрепления людской солидарности на основе почитаемых ими неких высших смыслов, относящихся к универсуму, индивиду, совершенствованию общества и самой жизни. Великий Гегель был теологом по образованию, как и все представители немецкой классической философии. Он прекрасно писал, что религия «есть сфера вечной истины, вечного покоя, вечного мира», а все народы в ней «всегда видели свое достоинство и праздник своей жизни» [7].

Христианство и ислам, иудаизм и буддизм — отнюдь не только явления минувшего, эти религии принадлежат современности и накрепко впаяны в социокультурную реальность, которой ныне живет планета. Может быть, в большей степени это касается именно ислама, который за прошедшие 13 столетий своего существования не только давно уже стал поистине мировой религией, но и превратился на рубеже второго и третьего тысячелетий в один из определяющих факторов жизни всей человеческой цивилизации. И России при проведении своей информационной политики, направленной на обеспечение военной безопасности, приходится учитывать это обстоятельство, ибо ислам для России — не только внешний, но и внутренний цивилизационный фактор.

Следует особо подчеркнуть, что православная церковь может послужить государству в деле формирования патриотизма, приняв действенное участие в этой составляющей информационной политики, направленной на обеспечении военной безопасности страны.

Военная безопасность страны напрямую зависит от науки и уровня научных разработок в оборонных отраслях. Наука как форма общественного сознания генетически связана со знанием и информацией. Саму науку можно оценивать как систематизированное и теоретически оформленное знание о природной и социальной реальности, которая окружает человека. С самого начала эпохи Нового времени наука становится активно действующей силой, преобразующей социальную реальность и оказывающей существенное воздействие на политику. Это воздействие всемерно усилилось в XX столетии и приобрело колоссальные формы в современную эпоху противостояния цивилизаций. Это нашло отражение в концепциях информационно- и постиндустриального обществ.

Важнейшей отраслью современного научного знания являются разнообразные военные науки — как теоретической, так и практической направленности. В целом, в отечественной науке до сих пор не удалось преодолеть печальное явление «утечки мозгов», которое началось после уничтожения Советского Союза, и продолжается по сей день. Этот процесс представляет собой весомую угрозу военной безопасности России. К ученым нерусских национальностей бессмысленно взывать патриотическими лозунгами, ибо они понимают лишь универсальный и космополитический язык денег. И судить их за это трудно, ибо лишь русские люди готовы жить ради идеалов и умирать за них. Поэтому талантливым людям, которые были готовы работать на благо России ради денег, нужно было создать надлежащие условия. Этого не было сделано, поэтому те отрасли отечественной науки, которые имеют непосредственный выход на оборонную промышленность, понесли существенные потери.

Большинство физиков, уехавших из России, ныне активно работают в оборонной промышленности и в сфере высоких технологий Западного мира. Такие ученые живут согласно старой римской поговорке *Ubi bene, ibi patria*. В 1992 г. в России трудились 804 тысяч ученых, а в 2006 г. их было уже 39,9 тысяч человек [8]. После уничтожения Советского Союза Россию покинули примерно 60% математиков, 50% физиков и биологов [8]. Это очень печальная статистика, ибо ум и таланты этих людей могут быть направлены против нашей Родины.

Надежда — на молодое поколение, которому, разумеется, нужно создать условия для самореализации. Но по данным опросов, только 56% экономически активных россиян предпочли бы, чтобы их дети имели гражданство РФ. Если в 1953 г. Россия по интеллектуальному потенциалу молодёжи занимала третье место в мире, то сейчас наша страна по этому показателю находится на сороковом месте [9, р. 175]. На царскую Россию в 1900–1914 гг. пришлось 7,7% мировых научных открытий. В СССР эта доля составляла 13,9%. В РФ составляет 4,4% [9, р. 178]. Эта статистика свидетельствует о том, что промедление в принятии мер по повышению уровня жизни отечественных ученых и по привлечению в нее свежих сил — смерти подобно.

Логически выстраивается цепочка: грамотная информационная политика призвана привлекать в науку все большее количество талантливой молодежи, а достижения науки, в том числе и оборонной, должны более интенсивно использоваться в целях достижения высокого уровня военной безопасности. В Стратегии национальной безопасности отмечено: «Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы» [2].

Впрочем, за последние годы были достигнуты значительные положительные результаты. Американская газета *The New York Times* констатирует: «Россия усилила свои вооруженные силы и утвердилась на мировой арене с такой энергичностью, которой мы не наблюдали со времен холодной войны. Именно это увеличило напряженность в ее отношениях с Западом» [10]. В этом же номере отмечается, что для восстановления своего лидирующего влияния в мире Россия возобновляет использование имеющихся военных баз и возводит новые базы в Арктике, используя последние достижения науки. Ведь в северном регионе из-за таяния льдов в ближайшее время станут доступными для разработки новые природные ресурсы, а также будут проложены дополнительные судоходные пути.

Одним из приоритетов России на долгосрочную перспективу является «закрепление за ней статуса одной из лидирующих мировых держав». Об этом говорится в новой Стратегии национальной безопасности РФ, текст которой был опубликован 31 декабря 2015 г., на официальном портале правовой информации. Без использования

последних достижений науки и практической реализации их во всех сферах экономики, в том числе и в военной промышленности, эта задача представляется утопичной. Именно развитая наука в современную эпоху противостояния цивилизаций будет одним из критериев мощи государства.

Искусство как форма общественного сознания напрямую связано с политикой в целом и с информационной политикой в частности. Искусство — отражение действительности в форме художественных образов, которые воплощаются в конкретных произведениях. Искусство воздействует на жизнь, как и жизнь на искусство. Искусство продуцирует смыслы, наполненные определенным ценностным, этическим и эстетическим содержанием. Если в произведениях искусства будет воспеваться бездуховность, жестокость, насилие и будут всячески превозноситься и культивироваться ценности западной цивилизации, то этим будет нанесена существенная угроза военной безопасности нашей страны. В футболках со звездно-полосатым флагом на груди и под разнузданную музыку американского джаза российская молодежь не пойдет защищать свою страну. И здесь важна роль информационной политики, которая будет пропагандировать традиционные русские ценности, проверенные веками русской истории — как мирной, так и ратной.

Именно «разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2] названо в качестве одной из основной угроз государственной и общественной безопасности России. Такое разрушение возможно вследствие бездумного потребления продуктов чужеродного, космополитичного, русофобского искусства. Искусство должно воспитывать патриотов, лишь тогда дело военной безопасности страны будет находиться в надежных руках. Из всех искусств наиболее синтетическим является кино. Видимо, это хорошо понимал В.И. Ленин, когда объявил именно кино «важнейшим из искусств» [11, с. 579].

Кинематограф — мощное средство информационной политики, в своих лучших творениях приближающееся к высокому искусству. В годы Советской власти были созданы шедевры, воспитывавшие молодежь в духе патриотизма. Достаточно лишь вспомнить эпопеи Юрия Озерова «Освобождение», «Битва за Москву» и «Сталинград», прекрасный фильм Владимира Рогового «Офицеры», великий сериал Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Отрадно наблюдать, что в последние годы российское искусство не оставляет без внимания патриотическую тему, в том числе и кинематограф. На экраны страны вышли такие фильмы, как эпопея Никиты Михалкова «Утомленные солнцем-2» и фильм Федора Бондарчука «Сталинград». Такие информационно насыщенные и остросюжетные фильмы способствуют воспитанию любви к Родине и гражданских чувств.

В современной России неясна роль идеологии, которую можно понимать и как политическое сознание. В целом, любая идеология — это система идей, выражающая в систематизированной форме важнейшие жизненные интересы определенной группы людей в социуме или же всего социума в целом. Считается, что сам термин ввел в 1801 году француз Дестют де Траси [12, с. 45], и этот термин долгое время использовался для обозначения науки о появлении и развитии идей. Позднее он приобрел негативный смысл, и уже Наполеон всячески ругал критикующих все и вся «идеологов», противопоставляя их людям дела и подлинным патриотам страны [13, с. 234]. Это противопоставление схоже с разницей между интеллектуалами, приносящими реальную пользу своей стране, и интеллигенцией, настроенной исключительно деструктивно.

Даже Маркс и Энгельс оценивали идеологию как «ложное сознание», присущее всем учениям, отличающимся от их теоретических разработок. Но Маркс подчеркивал связь идеологии с реальными общественными обстоятельствами и конкретикой социального бытия: «Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это опять-таки следствие ограниченности их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений» [14, с. 19].

И лишь впоследствии, после работ А.А. Богданова [15] и В.И. Ленина [16], идеология стала пониматься как система идей, направленных на организацию масс. Ленин понимал идеологию как духовно-теоретическое оружие класса. Он писал: «...вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии)» [16, с.39].

Идеология не может быть научной, ибо нельзя говорить об истинной идеологии так же, как говорят об истине в науке, подразумевая под истиной соответствие наших знаний об окружающей действительности самой этой действительности. Видимо, идеологию целесообразно понимать как вид ценностного сознания, включающий в себя комплекс значимых политических, экономических, нравственных, правовых идей. Здесь идеология может быть соотнесена с понятием национальной идеи.

Национальная идея России при президенте Б.Н. Ельцине так и не была выработана, хотя первый гарант Конституции неоднократно давал такого рода поручения и даже ставил конкретные сроки — от месяца до года. Президент Путин часто отмечал, что национальная идея не появится, если государство не станет над этим активно работать. Именно это происходило в 90-е годы. Это было выгодно той

части национальной элиты, которая, по словам В.В. Путина, «предпочитала воровать» [17].

Путин часто отмечал, что Россия не может двигаться вперед без культурного и духовного самоопределения. Отвечая на вопрос российского журнала «VIP-Premier» о национальной идее, он назвал в качестве таковой сбережение народа. Приведем знаковую цитату: «Мне очень часто задают этот вопрос, и я позволю себе повториться и процитировать Александра Солженицына, который однажды назвал нашей национальной идеей «сбережение народа». В этой фразе, собственно, и заключена главная цель современной России, всех преобразований, которые происходят в экономике, социальной сфере, общественной и политической жизни» [18].

По мнению Президента, современной России не подходят три типа идеологии. Во-первых, от идеологии советского времени общество ушло навсегда. Во-вторых, не следует идеализировать монархизм дореволюционной России. В-третьих, совершенно неприемлем для России крайний либерализм Запада.

В 2013 г. Президент обратился с призывом к представителям различных политических течений начать плодотворную дискуссию о российской идентичности: «Нам всем — и так называемым неославянам и неозападникам, государственным, и так называемым либералам, всему обществу — предстоит совместно работать над формированием общих целей развития. Нужно избавиться от привычки слышать только идейных единомышленников, с порога, со злобой, а то и с ненавистью отвергая любую другую точку зрения» [17]. При этом красными линиями, за которые никому нельзя заходить, Путин считает принципы суверенитета, самостоятельности и целостности России [17].

Само появление всеобъемлющей национальной идеи, на наш взгляд, окажет огромное позитивное воздействие на степень военной безопасности страны и на национальную безопасность России в целом.

Проведение информационной политики, равно как и дело обеспечения военной безопасности, должно находиться под постоянным контролем государства, соотносясь с его важнейшими функциями. Отметим, что государство, во-первых, не может не заниматься проблемами гражданского общества. Во-вторых, государство как аппарат насилия и принуждения должно регулировать экономические отношения, поощрять развитие национальной экономики и защищать ее интересы в международных организациях и союзах. В-третьих, государство должно делать все для защиты национального суверенитета, обеспечивая надежную оборону и поддерживая высокий уровень боевой подготовки армии. В-четвертых, государство должно проводить патриотическую информационную политику среди граждан и соответствующую идеологическую работу. Именно государство при проведении и информационной политики должно

бороться с проявлениями космополитизма и русофобии среди части отечественной интеллигенции, ориентированной на Запад. В-пятых, государство должно соблюдать каждого законопослушного гражданина, создавая условия для проявления его духовных и физических потенциалов.

Итак, нами была рассмотрена взаимосвязь между информационной политикой России и уровнем военной безопасности страны через диалектическое отражение в формах общественного сознания, таких как право, мораль, религия, наука, искусство, политическое (идеологическое) сознание. Мы показали ведущую роль экономических факторов в жизни современного общества, в том числе о влиянии экономических процессов на степень военной безопасности страны и действенную информационную политику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Шабурова О. В.* Власть // Социальная философия. Словарь. М., 2004.
2. Интернет-портал «Российской Газеты». <http://www.rg.ru>
3. *Гобозов И. А.* Социальная философия. Учебный словарь. М.: Академический проект, 2008.
4. Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент» // <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/06/23/0000163134/002Gordon.pdf>.
5. Рейтинг одобрения Владимира Путина вырос до 86 процентов // Российская газета, 26.02.2015
6. *Never Give In.* The Best of Winston Churchill's Speeches. Pimlico, 2013.
7. *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии в 2 т. Т. I. М., 1976.
8. *Peter Patze:* Wie demokratisch ist Russland?. Ein tiefenorientierter Ansatz zur Messung demokratischer Standards (= Schriftenreihe "Demokratiestudien". Bd. 2). Nomos, Baden-Baden 2011.
9. *Tanja Wagensohn:* Russland nach dem Ende der Sowjetunion. Pustet, Regensburg 2001.
10. The New York Times, January, 14th, 2016.
11. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44.
12. *Соколов В. В.* Введение в классическую философию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
13. *Тарле Е. В.* Избранные сочинения в четырех томах. Том II. Наполеон; Талейран. Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1994.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Том 4.
15. *Богданов А. А.* Из психологии общества. (Статьи 1901–1904 г.). СПб, 1904, изд-во «С. Дороватовского и А. Чарушникова»
16. *Ленин В. И.* Что делать? // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6.
17. Россия без идентичности // http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html
18. Путин назвал новую национальную идею // <http://newsland.com/news/detail/id/712314>

УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ*

Управление системой государственной безопасности — часть механизма государственного принуждения. Управленческое воздействие является одним из ведущих инструментов влияния на участников общественных отношений. Свой принудительный потенциал государство применяет на соответствующих основаниях в форме закономерной реакции на изменения социальной действительности. Это особенно актуально в условиях геополитических и геоэкономических структурных, институциональных изменений и потрясений современного социума. Управление обществом невозможно без использования некоторой степени ограничения свободы действий его участников.

Эффективная система национальной безопасности представляет собой связь трех базовых звеньев — личности, общества и государства. Административное обеспечение функционирования этой связи реализуется государством. Именно поэтому в системе принятия государственных управленческих решений существуют такие категории, как угроза безопасности, государственные и национальные интересы. Принимаемые уполномоченными государственными структурами меры противодействия разнообразным угрозам безопасности личности, общества и государства обосновывает необходимость применения актов принуждения, путем вынужденного ограничения прав и свобод субъектов этого общества. В традиционной, ранее сложившейся форме системы обеспечения государственной, национальной и международной безопасности показывают свою неэффективность в решении современных угроз [1].

Государственное управление не ограничивается административно-политической сферой, так как вопросы обеспечения государственной безопасности пересекаются и с такими областями, как экономическая, социальная и информационная. На практике решение вопросов управления в сфере государственной безопасности включает в себя комплекс взаимосвязанных мероприятий политического, организационно-правового, военного, материально-технического и информационно-психологического характера.

* *Ковалев А.А.* Управление системой государственной безопасности в условиях геополитической конфронтации // Вестник Поволжского института управления. — 2017. — Т. 17. — № 2. — С. 4–10.

Сложность управления данной сферой объясняется, прежде всего, сложившейся кризисной ситуацией на современной геополитической и геоэкономической арене. На это указал советник Президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции С.Ю. Глазьев: «Пытаясь установить контроль над Россией, Средней Азией и Ближним Востоком, США добиваются стратегического преимущества в управлении поставками углеводородов и других критически значимых природных ресурсов» [2]. Такая стратегия позволяет российским геополитическим оппонентам контролировать и своих партнеров, и политических противников. Считаю справедливым утверждение И.В. Радикова: «Россия вынуждена корректировать свою военную политику с учетом существующих в мировой политике напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивости процессов экономического и политического развития на глобальном и региональных уровнях, тенденции к силовому разрешению возникающих противоречий» [3].

Подчеркнем, что именно вынуждена, несмотря на предпринимающиеся попытки обвинить Российскую Федерацию в преднамеренной односторонней агрессии. Ввиду такой политики внешних геополитических оппонентов России необходимо перейти от политики оправданий к политике утверждения своего взгляда на новую форму геополитической архитектуры и системы международной безопасности.

Эскалация идеи милитаризма, показательное количественное расширение блока НАТО слишком очевидны, чтобы не понимать, что, к сожалению, политика компромиссов и договоренностей, которой придерживалась Российская Федерация, не принесла позитивных результатов. Принципиальное навязывание США геополитических правил игры всем участникам современной системы международных отношений в интересах только одного государства поставило международное сообщество на грань очередной мировой войны, главная опасность которой в том, что она будет вестись в формате, отличающемся от любых военных действий прошлого. При разрешении геополитических противоречий мировое сообщество все чаще использует военную силу, поэтому данный процесс будет тотальным и непредсказуемым. Другими словами, третья мировая война затронет абсолютно все государства и все сферы жизнедеятельности общества, так как ставкой в ней станут ресурсная база планеты и человеческий капитал, вплоть до передела территорий, ограничения количества населения, контроля рождаемости и объема питьевой воды. Россия сегодня достаточно уязвима в этом отношении, прежде всего, из-за того, что является привлекательной целью, поскольку располагает обширными запасами всех перечисленных ресурсов.

Кроме того, главный геополитический оппонент России — США — в связи с «борьбой за демократию и соблюдение прав человека» создал одну из самых больших армий в истории человечества с целью эшелонированной защиты собственных политических интересов и национальных ресурсов, что одновременно дает возможность претендовать на ресурсы других стран через манипуляцию геополитическими решениями. Учитывая этот фактор, России для обеспечения собственной национальной безопасности необходимо консолидировать государственное управление, согласовать работу экономических и политических инструментов и механизмов, чтобы противодействовать внешней агрессии.

Управление государственной безопасностью включает в себя противодействие не только прямым военным угрозам, но и множеству других: финансово-экономическим, социально-культурным, экологическим, психолого-информационным, духовным, угрозам национальной идентичности. Таким образом, для обеспечения государственной безопасности на современном этапе развития общества требуется координация внешней и внутренней политики страны с учетом ситуации на международной арене, а также формирование внутренней мощи государства, основанной на политическом, экономическом, социальном, культурном и духовном потенциале.

На пути к восстановлению собственного геополитического статуса Россия последовательно отстаивает свои национальные и государственные интересы, поддерживает паритетные отношения с государствами региона, которые входят в сферу ее жизненных и национальных интересов, историческими партнерами и союзниками. К примеру, оказывает не декларативную, а реальную экономическую и политическую поддержку при решении конфликта на Украине.

Отметим, что на Российской Федерации лежит не только ответственность за собственную государственную и национальную безопасность, но и за безопасность на региональном уровне. Существует также необходимость активно участвовать в обеспечении эффективного функционирования современной системы международной безопасности, поддерживать баланс сил и угроз мирового сообщества. Это особенно актуально на фоне динамичного роста степени влияния «трех сил зла»: терроризма, экстремизма и сепаратизма. Кризис современной системы международной безопасности проявляется не только в существующей политической напряженности, но и в экономическом ослаблении как отдельно взятых стран, так и мирового сообщества в целом. О том же свидетельствуют начавшееся противостояние идей глобализации и регионализации, неконтролируемая миграция, экологические и ресурсные проблемы, террористическая активность. Россия сегодня является ключевым геополитическим актором, который может сбалансированно ослабить напряженность

региональных противостояний по оси Восточной Европы — Ближнего Востока и способствовать формированию паритетных и объективных отношений в сфере международного сотрудничества. Это подтверждается тем, что Российская Федерация чаще остальных геополитических акторов делает шаг навстречу, предлагая объединить усилия по предотвращению эскалации конфликтов, чем отстаивает собственные государственные интересы.

Одна из главных угроз для современного государства — то, что войны ведутся не столько за территории или ресурсы, сколько с целью разрушения государственности оппонента. Для этого оказывается точечное геополитическое и геоэкономическое воздействие на государство-цель, и главной задачей государственного управления в сфере обеспечения безопасности является выстраивание адекватного внешним и внутренним угрозам механизма защиты и противодействия на политическом, экономическом, военном и социальном уровнях.

Несмотря на наращивание военного и материально-технического потенциала большинством геополитических участников международных отношений, главная «ударная сила» современного противостояния на международной арене — идеологическое и информационно-психологическое воздействие на геополитического оппонента или страну-цель. В современной войне акцент сместился из сферы столкновения материальных и человеческих ресурсов в область противоборства идей, информационного и даже духовного превосходства. Территория страны, население которой поражено психологически или духовно путем применения инструментов информационного воздействия, уже может считаться захваченной без применения ядерного или высокоточного оружия. Особенно опасно, что разрушение государства осуществляется руками его же населения, направляемого или управляемого как внутри, так и извне вследствие психологической, социальной и идеологической апатии. На этом построены «гибридные войны» и «цветные революции».

Классическое определение войны практически утратило свой смысл. Оружие стало не последним аргументом геополитики, а просто одним из ее инструментов, не самым действенным и достаточно энерго- и ресурсозатратным, что значительно уменьшает эффективность и целесообразность его использования в современных условиях.

Концепции, концепты и парадигма современной войны формируются не на полигонах, не путем военного освоения космоса, а через «мировую паутину» — Интернет. Танкам, ракетам и спутникам в начале XXI в. противопоставлен один весомый аргумент: борьба должна идти не за территории, а за умы населения. Основным оружием становится нивелирование национальной идеи путем искажения реальной действительности в сознании людей.

Предпринимается беспрецедентная в истории человечества попытка создать общемировое тотально контролируемое общество, существующее в системе раздаточной экономики, основанной на контроле информационных и ресурсных потоков, науки и образования. При этом государство как социально-правовой институт теряет монополию на право распределения, уступив свои функции надгосударственным и частным структурам, осуществляющим проект глобализации. Однако несмотря на продвижение этого проекта, а также идей демократии и либерализации, становится все очевиднее, что на геополитической арене ключевые решения принимают те акторы, которые де-факто проводят политику национализма. Примерами стран, заботящихся о своей государственности более остальных, выступают США и Великобритания. При одинаковом стратегическом подходе к данному вопросу у этих держав различная тактика отстаивания своих государственных интересов. Если США делают ставку на политику силы и навязывания своих интересов и идеологии международному сообществу, то Великобритания выбирает путь недопущения чужих интересов (и проблем) внутрь, что и подтвердил ее выход из Евросоюза. США использует механизмы и инструменты навязывания, разрушения и поглощения, Великобритания же применяет принцип превентивности и недопущения. Следование указанным принципам можно проследить как на геополитической арене, так и в сфере экономики и геоэкономики. Следует принимать во внимание возможность манипулирования информацией, акцентирования угроз общественной безопасности и необходимости достижения большей справедливости (то есть перераспределительных программ), что позволяет органам исполнительной власти обосновывать и получать дополнительные полномочия, регуляторные функции, бюджеты. Расширение государственных регуляторных функций позволяет наряду с увеличением ведомственных бюджетов расширять основания для коррупционных сделок [5].

Кроме того, существует тенденция уменьшения роли государства и усиления влияния на внутrigосударственные отношения неправительственных организаций и транснациональных структур, что влияет на эффективность выстраивания системы управления государственной безопасностью, так как возникает внутренняя опасность информационно-психологического и экономического деструктивного воздействия. Обнищание нации и информационно-психологическое давление создают угрозу социальных взрывов.

Для обеспечения эффективного функционирования системы управления государственной безопасностью прежде всего необходимо планомерное и контролируемое разграничение реально существующих политических, экономических проблем и военных угроз, с одной стороны, и вопросов, не несущих реальной опасности, —

с другой. Это позволит не нагнетать обстановку внутри государства и объективно воспринимать как внешнюю, так и внутреннюю экономико-политическую и общественную ситуации. Необходимо также формирование научной и материальной базы для подготовки специалистов в области обеспечения государственной и национальной безопасности. Требуется модернизация и укрупнение профессиональным кадровым составом уже существующих силовых и прочих организаций государственного аппарата, формирование новых структур, соответствующих вызовам и угрозам современности.

Текущая геополитическая ситуация, агрессивное поведение на международной арене западных оппонентов в ответ на попытки Российской Федерации предлагать альтернативные формы организации системы международных отношений и международной безопасности, ее поиски собственного пути, а также внутренние финансово-экономические проблемы и накапливающееся социальное напряжение вызывают угрозу «цветной революции».

Отметим и усиление тенденции к нарушению государственного и национального суверенитета под влиянием глобализации, создающее непосредственную угрозу государственной безопасности. Условия глобализации углубляют различия в возможностях социально-экономического развития регионов планеты, в результате чего повышается степень непредсказуемости социально-экономической ситуации на национальной и международной арене [6]. По этой причине требуется научное переосмысление таких категорий, как государственная, национальная, региональная, международная безопасность, безопасность общества и человека, ввиду кризисного состояния института государственности, возросшего влияния международных неправительственных организаций. Обозначенные проблемы сформировали острую необходимость в изменении существующего формата системы управления государственной безопасностью, в определении новой стратегии обеспечения международной безопасности.

Сложность формирования эффективной системы управления в этой сфере сегодня состоит в том, что в мире идет глобальный процесс усложнения социальной реальности, возрастает разнообразие вызовов и угроз. Как следствие, по меткому выражению У. Бека, образуется «общность страха» [7], поэтому вопросы безопасности заняли центральное место, вытеснив или синергетически объединив в себе другие проблемы, от политико-экономических и военных до информационно-психологических и духовных. Этому способствовало возникшее противостояние и информационная конкуренция между базовыми геополитическими акторами — международными организациями, государствами и набирающими все больший экономический и политический вес транснациональными компаниями. Среди современных задач управления в области государственной безопас-

ности — информационная защита от деструктивной и преднамеренно искаженной информации, распространяемой при так называемых информационных войнах, происходящих как на межгосударственном, наднациональном, так и на внутригосударственном уровне.

Таким образом, управление сферой государственной безопасности — одно из ключевых звеньев в современной системе общественной безопасности, направленной прежде всего на защиту конкретной личности. Необходимо признать, что механизмы систем национальной, наднациональной и международной безопасности нуждаются в полномасштабной и планомерной перестройке, чтобы не допустить дальнейшей эскалации геополитической, геоэкономической и социальной конфронтации. При этом государственное принуждение может осуществляться только внутри страны, благодаря и, что особенно важно, с согласия общества, так как оно выступает основным инструментом социального управления, не позволяющим обществу встать на путь саморазрушения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ланцов С.А., Усмонов Ф.И.* Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 2. С. 151–163.
2. *Глазьев С.Ю.* Об эскалации международной военно-политической напряженности и необходимых действиях России // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2015. № 16 (569): Актуальные вопросы внешней политики Российской Федерации (к «правительственному часу» 374 заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 25 мая 2015 г.). С. 30–45.
3. *Радиков И.В.* Новая сущность войны в XXI в. и ее отражение в военной доктрине Российской Федерации // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2015. № 2. С. 39–51.
4. *Клименко А.В., Минченко О.С.* Государственное регулирование экономики: Вопросы теории и лучшая практика // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 7–30.
5. *Боязитов Д.Р.* Особенности управления региональным развитием в глобальном информационном обществе // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2016. № 24. С. 146–151.
6. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой; послеслов. А. Филиппова. М., 2000.

УЧАСТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Вопросы военной безопасности рассматриваются большинством государств мира как наиболее приоритетные и всегда — в явном или скрытом виде — находятся в политической повестке дня. В современном мире, в связи с появлением новых форм ведения военных действий (информационная, гибридная война) их значимость как никогда актуальна. Подтверждаются выводы многих российских политологов о том, что «процесс формирования новой системы международных отношений после окончания «холодной войны» приобрел затяжной и во многом неуправляемый характер. Создалась ситуация, несущая в себе большой кризисный потенциал и одновременно мало приспособленная к предотвращению и урегулированию глобальных проблем безопасности на коллективной основе» [2]. В этих условиях возрастает внимание российского государства и общества к обеспечению своей военной безопасности.

В этом процессе задействованы многие институты государства, но особую роль среди них играют те структуры, которые относят к «силовому блоку» и в функции которых входит непосредственное противодействие внутренним и внешним угрозам. Реформирование подобных структур, перераспределение их полномочий непосредственно влияет на эффективность обеспечения военной безопасности. Поэтому представляется необходимым рассмотреть изменения, происходящие в этой сфере сегодня в связи с созданием в России новой силовой структуры — Национальной гвардии.

5 апреля 2016 г. Президент России, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации В.В. Путин сообщил, что принял решение о создании на базе внутренних войск МВД России Национальной гвардии. При этом В.В. Путин заявил: «Мы активно обсуждали вопросы, связанные с совершенствованием работы правоохранительных органов и силовой их составляющей, и рассуждали, думали о том, как нам улучшить работу по всем направлениям. Решения приняты. Мы создаем новый федеральный

* Ковалев А.А. Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности // Управленческое консультирование. — 2016. — № 9. — С. 52–59.

орган исполнительной власти на базе внутренних войск МВД — создаем Национальную гвардию...»¹.

Позже, в ходе «прямой линии» 14 апреля с. г., Президент подчеркнул, что немаловажным фактором для принятия такого решения стала необходимостью снижения затрат на содержание различных служб за счет оптимизации структур, прежде всего управленческого и штабного назначения².

Созданию Национальной гвардии предшествовало обновление стратегии национальной безопасности. Так, 31 декабря 2015 г. в соответствии с федеральными законами «О безопасности»³ и «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁴ Президент России утвердил стратегию национальной безопасности⁵, являющуюся базовым документом стратегического планирования, направленным на укрепление национальной безопасности РФ. В качестве предпосылок к созданию Национальной гвардии в стратегическом документе был указан ряд оснований. А именно: национальным приоритетом на долгосрочную перспективу названо укрепление обороны страны, государственной и территориальной целостности Российской Федерации. В документе говорится, что достижение стратегических целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований. Совершенствование военной организации государства осуществляется на основе сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований современным вооружением, военной и специальной техникой, инновационного развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Помимо прочего, стратегия предусматривает, что обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб. А это возможно за счет совершенствования структуры и деятельности федеральных органов исполнительной

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51643>

² Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51716>

³ О безопасности: Федеральный закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

⁴ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

⁵ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

власти, а также комплексного развития правоохранительных органов и специальных служб, принятия на вооружение перспективных специальных средств и техники, развития системы профессиональной подготовки в области обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, назвали все необходимые основания для создания Национальной гвардии. В первую очередь это необходимость повышения эффективности использования имеющихся ресурсов внутренних войск МВД и ряда других подразделений в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, территориальной обороны, охраны государственной границы. Во-вторых, подчинение новой структуры исполнительной власти непосредственно Верховному Главнокомандующему, что повышает оперативность реагирования на возникающие угрозы. В-третьих, передача внутренних войск в структуру Национальной гвардии затрагивает и те подразделения, которые до настоящего времени существовали де-факто в автономном режиме (например, некоторые силовые структуры на территории Республики Чечня). Этим же днем вышел Указ Президента «Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации»¹. Специалисты отмечают, что идея создания подобной структуры обсуждалась в течение нескольких лет. Изначально предполагалось, что у Национальной гвардии будут прежде всего охранительные функции — предотвращение и ликвидация массовых беспорядков². Но в итоге функции новой структуры значительно расширены.

Интересно сравнить их с функциями аналогичных служб в других странах. Например, национальная гвардия США рассматривается как резерв вооруженных сил и часто задействуется в военных операциях (за последние годы — в Афганистане и Ираке). Организационно подчиняясь командующему сухопутными силами армии США³, она также выступает в роли силовой структуры при подавлении беспорядков, ликвидации последствий стихийных бедствий.

Можно провести определенные аналогии и с корпусом стражей исламской революции в Иране, который иногда называют «революционной гвардией». Формируется он в отличие от армейских структур этого государства на добровольной основе, но при этом имеет солидную материальную базу, большую численность личного состава и широкий спектр задач, связанных с распространением идеологии

¹ Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 157 от 5 апреля 2016 г.

² Армия Золотова: зачем и каким образом создается Национальная гвардия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703ed1d9a794798356bbca1>

³ Козичев Е., Малаев М., Шелковников Д. Что нужно знать про национальную гвардию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2956897>

исламской революции и борьбы с внутренними и внешними противниками¹. В частности, подразделения КСИР активно участвуют в боевых действиях на территории Сирии².

Существуют национальные гвардии и в ряде стран постсоветского пространства. Так, в Казахстане данная структура находится в подчинении МВД и выполняет функции, схожие с теми, что выполняли ранее существовавшие подразделения внутренних войск: охрана общественного порядка, сопровождение грузов, помощь пограничникам, участие в спецоперациях других силовых структур, конвоирование осужденных и т. д. Схожие функции выполняет национальная гвардия в некоторых других странах СНГ, например в Киргизии. А в таких государствах, как Азербайджан, Грузия, Таджикистан, нацгвардия в основном занята охраной глав государств и высших должностных лиц³.

Наконец, в Украине созданная в 2014 г. национальная гвардия появилась в результате слияния внутренних войск МВД и «сил самообороны Майдана». Призванная выполнять преимущественно функции обеспечения внутренней безопасности и правопорядка⁴, фактически она принимала активное участие в боевых действиях на востоке Украины.

Таким образом, национальные гвардии (или аналогичные формирования) тех стран, где они существуют, выполняют весьма разнообразные функции во внутренней и внешней политике. Сам термин «гвардия» указывает на стремление отобрать лучших представителей общества для решения поставленных задач и в то же время — на определенную обособленность от армейских структур. Но прямого аналога (по задачам и полномочиям) Национальной гвардии, создаваемой в РФ, в других странах нет.

Основной целью создания российской Нацгвардии является обеспечение государственной и общественной безопасности, защита прав и свобод человека и гражданина. Здесь стоит обратить внимание на один важный аспект. Согласно Указу Президента, была образована Федеральная служба войск Национальной гвардии Российской Федерации (сокращенное название — Росгвардия), т. е. по сути — федеральное министерство. А уже в структуре этого ведомства создаются войска Национальной гвардии.

¹ Сумбатян Ю. Воины «мировой исламской революции» [Электронный ресурс]. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=7177

² В Сирии погибли два иранских генерала [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2015/10/14/iranians/>

³ Армия Золотова: зачем и каким образом создается Национальная гвардия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703ed1d9a794798356bbca1>

⁴ Верховная рада проголосовала за воссоздание Национальной гвардии Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/fnews.open/20140313141313.shtml>

Руководство войсками Национальной гвардии осуществляет Президент Российской Федерации, который определяет задачи органов управления, утверждает структуру и состав войск, штатную численность военнослужащих и гражданских служащих. Непосредственное управление войсками Национальной гвардии осуществляет директор Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации — главнокомандующий войсками Национальной гвардии. По должности он становится постоянным членом Совета Безопасности России.

Стоит также отметить, что новая федеральная служба является правопреемником МВД России в отношении передаваемых ей органов управления, объединений, соединений, воинских частей, военных организаций высшего образования и иных организаций внутренних войск МВД России, в том числе по обязательствам, возникшим в результате исполнения судебных решений.

В связи с тем что работа по формированию войск Национальной гвардии только разворачивается, можно предположить, что в ближайшее время будут изданы дополнительные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность войск Национальной гвардии. Как отмечалось ранее, данные войска созданы путем преобразования внутренних войск МВД России. То есть с 5 апреля 2016 г. внутренние войска стали именоваться войсками Национальной гвардии в структуре ФСВНГ России. Указом Президента в них дополнительно включены: специальные отряды быстрого реагирования и мобильные отряды особого назначения территориальных органов, Центр специального назначения сил оперативного реагирования и авиационные подразделения МВД России, а также подразделения в сфере оборота оружия, частной охранной деятельности и вневедомственной охраны.

Далее рассмотрим новый силовой институт федеральных органов исполнительной власти с точки зрения обеспечения военной безопасности.

Как известно, до сих пор вопросы обеспечения военной безопасности были возложены на подразделения Минобороны, ФСБ, ФСО, СВР, МВД, МЧС, ГУСП России [1].

На новый орган исполнительной власти также возлагается решение основных задач, касающихся обеспечения военной безопасности: участие в территориальной обороне Российской Федерации, оказание содействия пограничным органам ФСБ России в охране государственной границы. К полномочиям Национальной гвардии в области обеспечения военной безопасности относится участие в обеспечении режима военного положения и режима чрезвычайного положения, проведения мероприятий военного времени, гражданской обороны в условиях военного времени, а также участие в совместных действиях с Вооруженными Силами, воинскими формированиями и органами

по обеспечению обороны Российской Федерации, деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности. Следует отметить, что задачи какой-либо структуры определяют основные направления ее деятельности, тогда как полномочия — возможности для реализации поставленных задач.

Рассмотрим некоторые моменты более детально. Под военной безопасностью мы понимаем особое состояние отношений между государствами (или их коалициями), обусловленное сочетанием политических, экономических, военных и других факторов, исключающих возможность начала войны (военных действий). Здесь важно понять, что военная безопасность — это состояние. И поддерживать это «состояние не начала войны» возможно при помощи ряда особых режимов (систем), применяемых как по отдельности, так и в комплексе. Эти режимы как раз и должны обеспечиваться силами Национальной гвардии Российской Федерации. К таким режимам относятся: военное положение — в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии¹; чрезвычайное положение — как временная мера для обеспечения безопасности граждан в случае вооруженного мятежа, деятельности незаконных вооруженных формирований²; военное время — начинается с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий³; гражданская оборона — как система мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при военных конфликтах⁴; территориальная оборона — как система охраны и обороны военных, важных государственных и специальных объектов, борьба с незаконными вооруженными формированиями⁵.

5 апреля 2016 г. в соответствии с пунктом «г» ст. 84 Конституции Российской Федерации Президент России внес в Государственную Думу проект Федерального закона «О войсках Национальной гвардии Российской Федерации»⁶. Законопроектом предусматривается определить задачи войск Национальной гвардии Российской Федерации, их состав, принципы деятельности и полномочия, урегулировать вопросы, связанные с руководством и управлением ими, комплектованием личным составом, обеспечением социальной защиты

¹ О военном положении: федер. конст. закон Рос. Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

² О чрезвычайном положении: федер. конст. закон Рос. Федерации от 30 мая 2001 г.

³ Об обороне: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

⁴ О гражданской обороне: федер. закон Рос. Федерации от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ.

⁵ Об обороне: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

⁶ Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=1037356-6&02>

военнослужащих войск Национальной гвардии, а также с их финансовым и материально-техническим обеспечением.

22 июня 2016 г. законопроект был принят Государственной Думой, 29 июня 2016 г. одобрен Советом Федерации, и уже 3 июля 2016 г. Президент России подписал Федеральный закон «О войсках Национальной гвардии Российской Федерации»¹. В рамках данной статьи мы не имеем возможности полностью проанализировать указанный закон. Отметим главное, что войска Национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной безопасности.

11 апреля 2016 г. на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов размещен проект Указа Президента РФ «Положение о Федеральной службе войск Национальной гвардии Российской Федерации»². В пояснительной записке сказано, что данный правовой акт определяет основные задачи, полномочия и организационную деятельность федеральной службы, а также ее структуру.

В связи с тем что в настоящее время с правовой точки зрения остаются открытыми многие вопросы, касающиеся войск Национальной гвардии, до вступления в силу ряда соответствующих законов, функционирование новой федеральной службы будет осуществляться в соответствии с положениями действующих федеральных законов, определяющих задачи, права и полномочия внутренних войск МВД России и полиции.

Итак, основной целью создания Национальной гвардии является обеспечение государственной и общественной безопасности. Однако действующее российское законодательство не содержит четкого определения понятия «государственная и общественная безопасность». В Конституции России имеется одиннадцать установок по различным вопросам безопасности³: это безопасность государства⁴, государственная безопасность⁵, общественная безопасность⁶, оборона и безопасность⁷, экологическая безопасность⁸, безопасность граждан⁹, безопасность людей¹⁰, а также безопасность труда¹¹.

¹ О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ.

² Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. URL: http://regulation.gov.ru/projects_npa=47818

³ Конституция Российской Федерации: официальный текст.

⁴ Там же, ч. 5 ст. 13; ч. 3 ст. 55; ч. 1 ст. 82.

⁵ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 114.

⁶ Там же, п. «б» ч. 1 ст. 72.

⁷ Там же, п. «м» ст. 71.

⁸ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 72.

⁹ Там же, ч. 1 ст. 56.

¹⁰ Там же, ч. 2 ст. 74; ч. 1 ст. 98.

¹¹ Там же, ч. 3 ст. 37.

Базовый закон «О безопасности» вообще не содержит никаких определений данного понятия. В этом законе указаны принципы, содержание, правовые основы, полномочия органов власти в области безопасности и т. д. Однако самого определения нет. Анализируя другие документы, мы выходим на концепцию общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденную Президентом РФ в 2013 г. Под общественной безопасностью понимается здесь состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера¹. Но концепция — это лишь система взглядов. В свою очередь стратегия национальной безопасности² трактует, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации — прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности. Таким образом, чтобы не возникало правовых коллизий, стоит указать, что целью создания Национальной гвардии является обеспечение именно национальной безопасности. Это снимет ряд дискуссионных вопросов. Желательно также на законодательном уровне закрепить понятие государственной безопасности, по примеру «военной безопасности» в Военной доктрине Российской Федерации.

Непосредственное влияние нового института на обеспечение военной безопасности, на наш взгляд, возможно в силу следующих обстоятельств:

— Национальная гвардия может выступать инструментом обеспечения антитеррористических операций широкого масштаба на территории РФ против организаций мирового терроризма;

— Национальная гвардия или ее отдельные подразделения могут быть использованы при проведении внешних операций, однако в настоящее время этот вопрос законодательно не урегулирован;

— в условиях распространения гибридных форм ведения военных действий Национальная гвардия может рассматриваться как структура, противодействующая враждебным акциям на территории РФ — попыткам бунтов, вооруженного сопротивления законным властям, разжигания масштабных межэтнических конфликтов и др.

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685.

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

Согласимся с профессором И. В. Радиковым, который подчеркивает, что «мы должны исходить из того, что потребности безопасности России существуют объективно. На каждом этапе ее исторического развития они не должны выходить за пределы неких границ при любой внутриполитической структуре. Но высшим критерием этих потребностей, национальных интересов в демократическом обществе должны быть потребности каждого человека, ибо только их гарантия способна дать государству и обществу подлинную стабильность и безопасность... Защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, установление политической, экономической и социальной стабильности, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества в сущности своей являются с позиции конкретного человека способами обеспечения главного, жизненно важного, значимого интереса государства — всестороннего развития личности» [2].

Таким образом, рассмотрев вопросы начального этапа функционирования нового силового института власти, можно в заключение выделить ряд дискуссионных аспектов, которые заслуживают дальнейшего рассмотрения.

1. Вероятно, создание Национальной гвардии положительно скажется на обеспечении национальной безопасности в ее силовом аспекте. Создается новый силовой институт, который должен стать важным элементом большого механизма обеспечения безопасности государства, противодействия внутренним и внешним экстремистским силам.

2. Возникает ряд вопросов, касающихся задач и полномочий в сфере обеспечения военной безопасности. Не совсем понятны вопросы практического взаимодействия Нацгвардии с другими силовыми институтами власти (МВД, ФСБ), очевидны дублирующие функции этих структур. Необходимо дальнейшее развитие нормативной составляющей функционирования нового института и ее имплементация на практике.

3. Возникает дискуссионный вопрос относительно незакрепленного в правовых актах понятия «государственная безопасность», которое широко использовалось в советский период, а затем было вытеснено из законодательства понятием «национальная безопасность». В случае его возвращения в политический и правовой дискурс необходимо четко определить содержательное наполнение, границы данного понятия, соотношение с другими видами безопасности.

В целом необходимо отметить, что создание Национальной гвардии РФ открывает новые возможности в сфере обеспечения военной безопасности, в частности, при использовании особых правовых режимов, проведении антитеррористических и анти-экстремистских операций. Но механизмы и пределы реализации этих возможностей могут быть оценены только исходя из ее реальной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.
2. *Радиков И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 1. С. 64–82.
3. *Радиков И.В.* Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 5–11.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамович Б.Н., Сычёв Ю.А.* Энергобезопасность предприятий минерально-сырьевого комплекса // Горный информационно-аналитический бюллетень. — 2015. — № 7. — С. 737–744.
2. *Акчурина О.С., Демидов С.В.* Рождение идеи Лиги Наций в Великобритании. В кн.: Направления и формы гуманитаризации высшего образования. Вып. 3. Рязань: Изд-во РГРТУ. — 2013. — С. 26–33.
3. *Аминов И.Р.* О фундаменте национальной безопасности России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2015. — № 2 (27). — С. 56–62.
4. *Аникин В., Сурма И.* Международные аспекты экономической безопасности в условиях геополитической нестабильности // Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.
5. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М., 1970.
6. *Аристотель.* Политик. СПб., 1911.
7. *Ахматов А.В.* К вопросу о двойных стандартах в политике и праве // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. — 2008. — №7. — С. 85–91.
8. *Ачкасова В.А.* Региональные политические конфликты: российский контекст: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2002.
9. *Бабурин С.Н.* Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1997.
10. *Балашов А.И., Ковалев А.А.* Проектное управление как методическая основа обеспечения военной безопасности России на современном этапе // Вопросы управления. — 2017. — № 1 (25). — С. 157–163.
11. Балто-славянские исследования. XIX. Сборник научных трудов. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 588 с.
12. *Баранов Н.А.* Ценностные императивы евразийского вектора России // Новые горизонты глобального мира: сб. науч. трудов. — СПб., 2015. — С. 108–117.
13. *Баранов Н.А.* Место России в трансформирующемся мировом порядке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2016. — № 2–2. — С. 79–83.
14. *Барановский В.Г., Иванова Н.И.* Глобальное управление: возможности и риски. — М.: ИМЭМО РАН, 2015. — 315 с.
15. *Барциц И.Н.* Международные методики оценки эффективности государственного управления // Управленческое консультирование. — 2009. — № 4 (36). — С. 1026.

16. *Батанова О.Н.* Русский мир и проблемы его формирования: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
17. *Безопасность Европы: коллективная монография.* — М.: Весь мир, 2011. — 748 с.
18. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; послеслов. А. Филиппова. — М., 2000.
19. *Белобородов В.А.* Совет Безопасности как структурная единица механизма государственной безопасности // Пятый Пермский международный конгресс ученых-юристов. — Пермь, 2014. — С. 44–45.
20. *Белозеров В.К., Соловьев А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // *Власть.* — 2015. — № 9. — С. 8–11.
21. *Бельков О.А.* О понятийно-категориальном аппарате теории и политики национальной безопасности России. // Экспертно-аналитическое обозрение «Безопасность России-2010». — М.: Наука-XXI, 2010.
22. *Богданов А.А.* Из психологии общества. (Статьи 1901 — 1904 г.). — СПб, 1904, изд-во «С. Дороватовского и А. Чарушниковова».
23. *Богуславская Ю.К.* НАТО в глобальной политике США: американские концепции трансформации: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.
24. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — 224 с.
25. *Болгов Р.В.* Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях: политические аспекты: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.
26. *Боровский Ю.В.* Мировая система энергоснабжения. — М.: Навона, 2008. — 296 с.
27. *Бочарников И.В.* Национально-государственная политика России в дореволюционный период // *Человеческий капитал.* — 2017. — № 1 (97). — С. 6–10.
28. *Бочарников И.В.* Неядерное сдерживание как фактор обеспечения безопасности и суверенитета России в современных условиях // *Тренды и управление.* — 2015. — № 2. — С. 120–128.
29. *Бочарников И.В.* Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне как высшее проявление патриотизма и служения Отечеству // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки.* — 2015. — № 2. — С. 72–86.
30. *Бочарников И.В.* Правый экстремизм в современном европейском пространстве // *Дипломатическая служба.* — 2017. — № 4. — С. 69–78.
31. *Бочарников И.В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. — 144 с.

32. *Бочарников И.В.* Социальные механизмы управления устойчивым развитием российской системы образования // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. — 2013. — № 1 (13). — С. 71–75.
33. *Боязитов Д.Р.* Особенности управления региональным развитием в глобальном информационном обществе // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. — 2016. — № 24. — С. 146–151.
34. *Бременский А.* Деяния архиепископов гамбургской церкви. В кн.: Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. — М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2012. — С. 297–449.
35. *Бронникова Т.С.* Разработка бизнес-плана проекта. — М.: Инфра-М, 2016. — 224 с.
36. *Булипопова Е.В.* Двойные стандарты: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории // Политическая лингвистика. — 2011. — №1. — С. 112–118.
37. *Булипопова Е.В.* Северная Корея как азиатский «Прометей»: мифология и политтехнология «двойного стандарта» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2009. — №4. — С. 89–94.
38. *Буханова А.С.* Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век. — 2011. — №4(21). — С. 67–71.
39. *Бушув В.В.* Энергетический потенциал и устойчивое развитие. — М.: ИАЦ «Энергия», 2006. — 320 с.
40. *Бушув В.В., Воронин Н.И., Мастепанов А.М.* и др. Энергетическая безопасность России. — Новосибирск: Наука, 1998.
41. *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. — Л.: Наука, 1964. — 483 с.
42. *Васильев А.И., Прокофьев С.Е.* Организация проектного управления в органах государственной власти // Управленческие науки. — 2016. — № 4. — С. 44–52.
43. *Верещагина А.В.* «Война и мир» в условиях новой социальной реальности (к вопросу о военной и национальной безопасности России) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2015. — №2. — С. 178–183.
44. *Верещагина А.В., Самыгин С.И., Имгрунт С.И.* Цивилизационная безопасность современного мира в условиях актуализации цивилизационной идентичности: социальная утопия или перспективная реальность? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 6–7. — С. 38–43.
45. *Верховская В.А.* Конфликтные формы взаимодействия в этнополитической суверенизации: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005.
46. *Виноградов В. Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. — 2006. — № 5. — С. 182–209.
47. *Воротников В.В.* Внешняя политика государств Балтии в начале XXI в. — М.: Аспект Пресс, 2015. — 271 с.

48. *Гапич А.Э., Лушников Д.А.* Технологии цветных революций. — М.: РИОР; ИНФРА-М, 2014.
49. *Гарнов А.П., Краснобаева О.В.* Общие вопросы эффективного природопользования: монография. — М.: ИНФРА-М, 2016. — 215 с.
50. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. — М.: Мысль, 1990.
51. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии в 2 т. Т. 1. — М., 1976.
52. *Геродот.* История. — М., 2007.
53. Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века: колл. монография / под ред. П.А. Цыганкова. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. — 381 с.
54. *Глазьев С.Ю.* Об эскалации международной военно-политической напряженности и необходимых действиях России // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2015. № 16 (569): Актуальные вопросы внешней политики Российской Федерации (к «правительственному часу» 374 заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 25 мая 2015 г.). С. 30–45.
55. *Глазьев С.Ю.* Основы обеспечения экономической безопасности страны // Российский экономический журнал. — 1997. — № 1. — С. 5.
56. *Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Соч.: в 2 т. — М., 1991. Т. 2. С. 139–140.
57. *Гобозов И.А.* Социальная философия. Учебный словарь. — М.: Академический проект, 2008.
58. *Гогун А.* На полпути от истории к агитке (критика работы Мельтюхова М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1919–1939 гг.) // Клио (журнал для учёных). — 2002. — № 3. — С. 221–224.
59. *Гончаров Г.А.* Управление институциональными изменениями: сложности и их решение на пути к успеху // Вопросы управления. — 2016. — № 1 (19). — С. 7–11.
60. *Гончаров И.В.* О соотношении понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность», «конституционная безопасность» // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 1. — С. 116–122.
61. *Горбачёв Ю.Е.* Сетецентрическая война: миф или реальность? // Военная мысль. — 2006. — № 1. — С. 66–76.
62. *Горбенко И.Д., Долгов В.И., Грененко Т.А.* Информационная война — сущность, методы и средства ведения: материалы юбилей. научно-технич. конф. — М., 14998. — С. 11–14.
63. Гражданская защита. Понятийно-терминологический словарь. — М.: Флайст, Информационно-издательский центр «Геополитика», 2001.
64. *Гранин Ю.Д.* Национальное государство в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ. — М.: Медиаиндустрия, 2014. — 362 с.

65. *Грищенков А.И., Глушак Н.В., Глушак О.В.* и др. Глобализация и национальная безопасность России // Вестник Брянского государственного университета. — 2015. — № 2. — С. 323–325.
66. *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. — М.: Рольф, 2001.
67. *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предисловие С. Б. Лаврова. — М.: Экопрос, 1993.
68. *Гунич С.В.* Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 6. — С. 15–17.
69. *Давтян Д.В.* Гражданский контроль как механизм обратной связи в процессе взаимодействия власти и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 7–2. — С. 52–54.
70. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1995. Т. 1. А — 3.
71. *Добренков В.И., Агапов П.В.* Война и безопасность России в XXI веке. — М.: Академический проект, 2011. — 224 с.
72. *Доманов В.Г., Артюхин О.А.* Политический неоампир: выбор России или геополитический сателлитизм. Ч. I // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 1. — С. 105–111.
73. *Дорогой К.Б.* Реформа государственного управления в России в критериях системности // Управленческое консультирование. — 2016. — № 2 (86). — С. 145–152.
74. *Дубас А.П.* Информационная война: новые возможности политического противоборства // Образование региона. — 2010. — № 1. — С. 69–72.
75. *Дынкин А.А., Иванова Н.И.* Глобальная перестройка. — М.: Весь мир, 2014. — 528 с.
76. *Жижек Славой.* 13 опытов о Ленине. — М.: Ad Marginem, 2003.
77. *Жиркова С.В.* Роль Балтийского региона в сотрудничестве Россия — Евросоюз // Социально-экономические явления и процессы. — 2013. — № 6. — С. 87–91.
78. *Жуков В.* Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны // Зарубежное военное обозрение. — 2001. — № 1.
79. *Золотарёв В.А.* Военная безопасность Государства Российского. — М.: Кучково поле, 2001. — 536 с.
80. *Ибрагимов А.М.* Международные гарантии обеспечения норм права международной безопасности // Право и политика. — 2009. — № 8. — С. 1687–1695.
81. *Ивашов Л.Г.* Военная реформа в современной России: состояние и перспективы // Управленческое консультирование. — 2006. — № 2 (22). — С. 42–51.

82. *Ивлев А.А.* Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации. — М., 2008.
83. *Кабузан В.М.* Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). — М.: Институт российской истории, 2009. — 151 с.
84. *Кант И.* Собрание сочинений в 8 томах. Том 7. — М., 1994. — 495 с.
85. *Каракулян Э.А.* Международная безопасность в контексте современных тенденций в праве международного сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2017. — № 1. — С. 122–129.
86. *Кара-Мурза С.Г.* и др. Революции на экспорт. — М.: Эксмо; Алгоритм, 2006. — 525 с.
87. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. — 1200 с.
88. *Кешнер М.В.* Легитимность односторонних санкций в современном международном праве. В кн.: Материалы VII Конгресса РАМИ, 28–29 сентября 2012 г. — М.: МГИМО-Университет, 2013. — С. 71–83.
89. *Кириленко В.П., Ковалев А.А.* Международно-правовые механизмы операций ООН по поддержанию мира. — СПб: изд-во Профессия, 2019. — 214 с.
90. *Кириллов В.В.* Оптимизация оборонного строительства (социально-политический анализ опыта СССР и России): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. СПб., 1993.
91. *Клаузевиц К.* О войне. — М., 1933.
92. *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. — М.: Terra Fantastica, АСТ, 2002. 560 с.
93. *Клименко А.В., Минченко О.С.* Государственное регулирование экономики: Вопросы теории и лучшая практика // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2016. — № 3. — С. 7–30.
94. *Клочков В.В., Селезнева И.Е.* Стратегические и прогнозные исследования и разработки: проблемы методологии и организации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — №3 (348). — С. 449–463.
95. *Ключевский В.О.* Русская история: учеб. пособие. — М.: Независимая газета, 1992.
96. *Ковалев А.А.* Активация информационного компонента в обеспечении военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2016. — № 3. — С. 229–239.
97. *Ковалев А.А.* Актуальные проблемы национальной безопасности России: теоретические и практические аспекты. — СПб: изд-во Коновалова А.М., 2019. — 302 с.
98. *Ковалев А.А.* Анализ вариантов формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 12. — С. 2349–2362.

99. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.
100. *Ковалев А.А.* Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации // Управленческое консультирование. — 2018. — № 6. — С. 53–62.
101. *Ковалев А.А.* Влияние процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности: путь от экономики до геополитики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 6. — С. 1150–1161.
102. *Ковалев А.А.* Военная безопасность в научном дискурсе. — СПб: изд-во Коновалова А.М., 2019. — 206 с.
103. *Ковалев А.А.* Военная безопасность России и проблемы геополитики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2016. — № 2 (8). — С. 41–50.
104. *Ковалев А.А.* Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва // Управленческое консультирование. — 2016. — № 11. — С. 39–49.
105. *Ковалев А.А.* Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. — 2017. — № 9. — С. 18–28.
106. *Ковалев А.А.* Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 5. — С. 975–986.
107. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. — СПб: Изд-во «ПОЛИКОНА». 2016. — 193 с.
108. *Ковалев А.А.* Исследование проблем безопасности в Санкт-Петербургском государственном университете: итоги и перспективы // ЛОКУС: Люди, общество, культура, смыслы. — 2018. — № 3. — С. 82–96.
109. *Ковалев А.А.* Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти // Управленческое консультирование. — 2016. — № 10. — С. 126–134.
110. *Ковалев А.А.* О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны // Управленческое консультирование. — 2018. — № 2. — С. 24–31.
111. *Ковалев А.А.* Политика двойных стандартов как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы безопасности. — 2017. — № 5. — С. 12–24.
112. *Ковалев А.А.* Проблема угроз для легитимной власти в аспекте комплексной безопасности Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2018. — Т. 14. — № 1. — С. 165–180.

113. *Ковалев А.А.* Ресурсная безопасность как составляющая общей системы безопасности государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 9. — С. 1775–1784.
114. *Ковалев А.А.* Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике // Вестник Поволжского института управления. — 2017. — Т. 17. — № 6. — С. 4–10.
115. *Ковалев А.А.* Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2016. — № 1. — С. 158–166.
116. *Ковалев А.А.* Управление системой государственной безопасности в условиях геополитической конфронтации // Вестник Поволжского института управления. — 2017. — Т. 17. — № 2. — С. 4–10.
117. *Ковалев А.А.* Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности // Управленческое консультирование. — 2016. — № 9. — С. 52–59.
118. *Ковалев А.А., Балашов А.И.* Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2018. — Т. 14. — № 6. — С. 1151–1165.
119. *Ковалев А.А., Балашов А.И.* Международно-правовые аспекты политики кибербезопасности некоторых европейских стран бывшего советского блока // Вестник Поволжского института управления. — 2018. — Т. 18. — № 5. — С. 105–114.
120. *Ковалев А.А., Балашов А.И.* Роль советской элиты в обеспечении безопасности государства: историко-политический аспект // Управленческое консультирование. — 2017. — № 7. — С. 20–24.
121. *Ковалев А.А., Балашов А.И.* Энергобезопасность как составляющая национальной безопасности в условиях геополитического противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 10. — С. 1896–1909.
122. *Ковалев А.А., Мрочко В.Л.* Геополитический имидж военного статуса России // Власть. — 2017. — № 2. — С. 64–68.
123. *Ковалев А.А., Мусин Э.А.* Военная безопасность как проблема философии политики // Вестник Поволжского института управления. — 2018. — Т. 18. — № 3. — С. 106–115.
124. *Ковалев А.А., Павлов В.В.* Вопросы информационной безопасности в национальных стратегиях России и Казахстана // Управленческое консультирование. — 2017. — № 12. — С. 95–103.
125. *Ковалев В.В., Магомедов М.Г., Самыгин С.И.* Практика двойных стандартов в мировой политике: угрозы национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 6–7. — С. 55–60.
126. *Кокошин А.А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. — М.: Высшая школа экономики, 2013. — 264 с.

127. Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность: коллективная монография. — Новосибирск: НГУЭУ, 2015. — 291 с.
128. *Корнеевец В.С.* Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // *Космополис*. — 2008. — № 2. — С. 68–76.
129. *Корнеевец В.С.* Международная регионализация на Балтике: монография. — СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. — 205 с.
130. *Корнеевец В.С.* Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. — Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2010. — 79 с.
131. *Косов Ю.В., Фокина В.В.* Политическая регионалистика. — СПб.: Питер, 2009.
132. *Костин В.И., Костина А.В.* Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты. — М.: ЛИБРОКОМ, 2013. — 342 с.
133. *Кочетов Э.* Ослепление геополитикой: глобализирующийся мир и евразийский континенту опасной развилки // *Безопасность Евразии*. — 2001. — № 4. — С. 287–325.
134. *Кудрина Н.Н.* Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000.
135. *Кузьмина О.В., Лукьянов В.Ю.* Использование «двойного стандарта» — важнейшая проблема современных международных отношений // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки СПб*. — 2014. — С. 56–69.
136. *Куковский А.А., Петров А.В., Рослов П.Д.* Актуальные вопросы обеспечения безопасности в современном мире // *Вестник ЮУрГУ. Сер. Право*. — 2016. — № 2. — С. 47–52.
137. *Лазарев С.Е.* Советская военная элита 1930-х годов: «Красные» полководцы, какими они были. Проблемы взаимоотношений. Трагедия «чисток». — М.: URSS Ленанд, 2016.
138. *Ланцов С.А., Усмонов Ф.И.* Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2008. — Т. 4. — № 2. — С. 151–163.
139. *Ленин В.И.* Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. — М.: Госполитиздат, 1952.
140. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений (5-е изд.). Т. 26. — М.: Политиздат, 1969.
141. *Ленин В.И.* Что делать? // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6.
142. *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. — М.: Индрик, 2010. — 368 с.
143. *Лиддел Гарт Б.Г.* Стратегия не прямых действий. — М., 1957.
144. *Лиддел Гарт Б.Г.* Энциклопедия военного искусства. — М, СПб: АСТ, Терра Фантастика, 1999. — 649 с.

145. *Локк Д.* Два трактата о государственном правлении. — М., 2009.
146. *Люттвак Э.Н.* Государственный переворот. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. — 320 с.
147. *Магда Е.В.* Гибридная война: выжить и победить. — Харьков: Виват, 2015. — 320 с.
148. *Мазур И.И.* Энергия будущего. — М.: Елима, 2006. — 823 с.
149. *Малапарте К.* Техника государственного переворота. — М.: Аграф, 1998. — 224 с.
150. *Маркарян В.Р., Молчан А.С.* Факторы устойчивого развития региональных социально-экономических систем в условиях глобализации экономического пространства // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2014. — № 95. — С. 1011–1020.
151. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. Т. 1. — М.: Политиздат, 1980.
152. *Мельвил А.Ю.* Политический атлас современности. — М.: МГИМО (У) МИД, 2007. — 268 с.
153. *Мельников В.И.* Совет Безопасности РФ в государственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. — М., 2011.
154. *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. — М., 2001.
155. *Морозов В.Е.* Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 3. — С. 24–35.
156. *Мюллерсон Р.* Два мира — два права? Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. — 2014. — Т. 12. — № 2.
157. *Накашидзе Б.Д.* Наднациональность в международном праве и государственный суверенитет: вопросы совместимости // Государственное управление. Электронный вестник. — 2016. — № 58. — С. 177–193.
158. *Небольсина М.А.* Частные военные и охранные компании: тенденции роста и проблемы легитимации. В кн.: Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение: 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. — М.: Изд-во ИМЭМО РАН, 2016. — С. 102–106.
159. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики — взаимодействие в БРИКС: колл. монография. — М.: ИЭ РАН, 2014. — 220 с.
160. *Ноздрин А.В.* Политика двойных стандартов в международных отношениях // Актуальные проблемы современных международных отношений. — 2013. — № 1. С. 79–83.
161. *Олейник А.В.* Двойные стандарты запада против терроризма // Научно-аналитический журнал Observer. — 2009. — № 12. — С. 34–45.
162. *Осипов Ю.М.* Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // Философия хозяйства. — 2014. — № 1. — С. 17–22.

163. От информационной безопасности к кибербезопасности: опыт научно-исследовательских работ и подготовки кадров в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого. — СПб., 2017.
164. *Отмахова Н.Н.* Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности. — Томск, 2008. — С. 120–121.
165. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. — М.: Эксмо-Пресс, 2002. — 416 с.
166. Панельная дискуссия // Эпистемология & Философия науки. — 2009. — Т. XXII. — № 4. — С. 48–77.
167. *Панина О.В.* Проектное управление в органах государственной власти // Альманах мировой науки. — 2017. — № 1–2 (16). — С. 122–125.
168. *Панцеров К.А.* Информационная политика стран Тропической Африки в условиях глобализации мирового порядка: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2011.
169. *Перелет Р.А.* Торговля виртуальной водой и формирование бирж водных ресурсов: материалы IX международной конференции Российской общества экологической экономики «Экономические механизмы решения глобальных экологических проблем России». — Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай — 21 век», 2008. — С. 160–165.
170. *Петров А.С., Талыкин А.А., Минин А.В.* Критерии оценки защищенности информации в компьютерных системах: сочетание единых критериев и критериев // Вестн. Восточно-укр. нац. ун-та им. В. Даля. — 2005. — № 1.
171. *Пивовар Е.И.* Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Материалы международной конференции «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2010. — С. 167–170.
172. *Пивоев В.М.* Социальные и гуманитарные науки: специфика и соотношение // Вестник Ишимского госпединститута им. П.П. Ершова. — 2013. — № 3. — С.91–101.
173. *Платон.* Диалоги. — М., 1986.
174. *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. — М., 1994. Т. 2.
175. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». — М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2007. — 98 с.
176. *Пономарёв С.В., Юрченко А.А.* Влияние санкций на экономику России // Молодой ученый. — 2016. — № 4. — С. 478–481.
177. *Пономаренко Я.А.* Роль Совета Безопасности России в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. — 2016. — № 11. — С. 120–124.

178. *Потехин В.К.* Современные войны и национальная безопасность России // Кому будет принадлежать концентрированное оружие в XXI веке?: сборник статей / гл. ред. Ю.В. Крупнов. — М., 1997. — С. 69–87.
179. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. — М.: Ваклер, 2000.
180. Проблемы кибербезопасности информационного общества / под ред. Д.С. Черешкина. — М., 2006.
181. *Прокаева О.Н.* Влияние процессов глобализации на проблему национальной идентичности // Инновационная наука. — 2016. — № 5–3. С. 65–67.
182. *Пыж В.В.* Геополитическая обусловленность военной политики России: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2004.
183. *Радиков И.В.* Архитектура безопасности в системе международных отношений: эволюция и перспективы обновления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2010. — Т. 6. — № 4. — С. 229–248.
184. *Радиков И.В.* Безопасность как ценностный императив мировой политики // Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. — М.: изд-во МГУ, 2012. — С. 51–59.
185. *Радиков И.В.* Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. — 2010. — № 4. — С. 5–11.
186. *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства: политологический анализ: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01 / Радиков Иван Владимирович. — СПб., 2000. — 408 с.
187. *Радиков И.В.* Военно-политические проблемы обеспечения безопасности Российского государства в переходный период: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.10 Радиков Иван Владимирович. — М., 1992.
188. *Радиков И.В.* Война в XXI веке и новая семантика Военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 5–1 (55). — С. 150–153.
189. *Радиков И.В.* Дисперсия современной архитектуры безопасности в АТР: глобальные тенденции и региональные особенности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2011. — № 2 (30). — С. 10–19.
190. *Радиков И.В.* Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождения» войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 3. — С. 27–39.
191. *Радиков И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2007. — Т. 3. — № 1. — С. 64–82.
192. *Радиков И.В.* Нетерпимость и ксенофобия как угроза стабильности и безопасности России // Общество. Среда. Развитие. — 2011. — № 1 (18). — С. 90–94.

193. *Радиков И.В.* Новая сущность войны в XXI в. и ее отражение в военной доктрине Российской Федерации // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. — 2015. — № 2. — С. 39–51.
194. *Радиков И.В.* О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 2 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2009. — Т. 5. — № 2. — С. 163–179.
195. *Радиков И.В.* О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 1 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2009. — Т. 5. — № 1. — С. 56–71.
196. *Радиков И.В.* Ослабление государственности как угроза национальной безопасности и международному правопорядку // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2013. — Т. 9. — № 4. — С. 19–31.
197. *Радиков И.В.* Политический страх как фактор современной политики // Власть. — 2017. — Т. 25. — № 4. — С. 43–49.
198. *Радиков И.В.* Политическое доверие для власти: ресурс развития или проблема? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2016. — № 4 (71). — С. 130–134.
199. *Радиков И.В.* Ресурсы и потенциал российского влияния на систему международной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. — 2013. — № 3. — С. 66–73.
200. *Радиков И.В.* Ценностный подход в процессе формирования общей повестки дня международной безопасности // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 3. — С. 41–45.
201. *Распутная Л.В.* США и политика двойных стандартов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2008. — № 2. — С. 17–24.
202. *Расторгуев С.П.* Информационная война. — М.: Радио и связь, 1999.
203. *Роттердамский Эразм.* Воспитание христианского государя; Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного; Похвальное слово глупости. — М., 2001.
204. *Рубан В.Я.* Информационная безопасность: сущность и проблемы // Стратегическая панорама. — 1998. — № 3–4. — С. 12.
205. *Рудницкая А.П., Глинник Ю.А.* Процессы регионализации в странах европейского Союза: вызовы и тенденции // PolitBook. — 2016. — № 1. — С. 92–107.
206. *Рудницкая А.П., Сагакова К.В.* Основные направления реализации внешней и внутренней политики России в условиях современной системы мирового взаимодействия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 4–2. — С. 304–307.

207. *Рябов Ю.А.* Формирование внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского союза: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
208. *Савко П.О.* Опыт стран БРИКС в решении проблем повышения энергоэффективности экономики. В кн.: Опыт и сотрудничество стран БРИКС и их регионов / под ред. А.Ю. Архипова, Е.В. Фомичевой. — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2013. — 112 с.
209. *Самыгин С.И., Верещагина А.В., Рачина А.В.* Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. — 2016. — Т. 17. — № 1. — С. 169–177.
210. *Сантаяна Д.* Скептицизм и животная вера. — СПб.: Владимир Даль, 2001.
211. *Селиванов Ф.А.* Благо, истина, связь. — Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2008.
212. *Сидоров П.И.* Ментальная экология террористической гражданской войны // Экология человека. — 2014. — № 7. — С. 15–23.
213. *Сланевская Н.М.* Интеграционная политика австралийского союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 90-е годы XX века: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000.
214. *Слипченко В.И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. — М.: Вече, 2002. — 384 с.
215. *Словарь-справочник терминов в области кибербезопасности.* — М., 2014.
216. *Смищенко Р.С.* Регионализм и модели регионализации в сравнительной перспективе // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 4–2. — С. 278–281.
217. *Соболев А.Г.* Аллен Даллес: тайны и войны. — М.: Росинформагротех, 2013.
218. *Современная элита России: политико-психологический анализ /* под ред. Е.Б. Шестопал и А.В. Селезневой. — М.: Аргмак-Медиа, 2015.
219. *Соколов В.В.* Введение в классическую философию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
220. *Соловьёва О.А.* Государственное регулирование в условиях экономической трансформации // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 8. — С. 23–31.
221. *Станкевич Л.Т., Горбатова Н.В.* Административная реформа России как процесс формирования диалога государственной власти и общества // Управленческое консультирование. — 2005. — № 3(19). — С. 197–211.
222. *Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В.* Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. — 2016. — № 5(61). — С. 49–54.
223. *Сурма И.В.* Философия безопасности в контексте актуальной геополитики // Вопросы безопасности. — 2016. — № 6. — С. 15–23.

224. *Тарле Е.В.* Избранные сочинения в четырех томах. Том II. Наполеон; Талейран. — Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1994.
225. *Тодфлер Э.* На пороге будущего // «Американская модель»: с будущим в конфликте. — М., 1984.
226. *Трайнин А.М.* Национальная безопасность России. Лабиринт интервенции из будущего. Кн. 2. — Смоленск: Май принт, 2014. — 328 с.
227. *Трачук К.В.* Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 4. — С. 219–226.
228. *Фатеев К.В.* Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (теоретико-правовое исследование). — М.: Военный университет, 2004.
229. *Фатеев К.В.* Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. — М.: За права военнослужащих, 2005.
230. *Фёдоров Д.В.* Инновационное развитие электроэнергетического сектора в России: материалы международной научно-практической конференции «Правовое регулирование в сфере электроэнергетики и теплоснабжения». — М.: Юрист, 2013.
231. *Фисун А.А.* Теоретически-категориальное осмысление понятия «информационная война» в структуре информационно политического пространства // Информационное общество. — 2011. — Вып. 13. — С. 43–48.
232. *Фокин П.Е.* Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый. — М.: Молодая гвардия, 2016.
233. *Фурсов А.И.* Холодный восточный ветер русской весны. — М.: Книжный мир, 2015.
234. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX в. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
235. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2014. — 571 с.
236. *Хардт М., Негри А.* Множество: Война и демократия в эпоху империи. — М.: Культурная революция, 2006.
237. *Харламов А.В., Харламова Т.Л.* Глобализация и системные изменения в управлении российской экономикой // Проблемы современной экономики. — 2015. — № 2. — С. 121–124.
238. *Харлампьев М.Р.* Сущность и природа этнополитического конфликта: источники противостояния и пути урегулирования: Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2001.
239. *Хем М.* Быть диктатором. Практическое руководство. — М.: Альпина Паблишер, 2016. — 232 с.
240. *Ходаковский Е.А.* Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе гецивилизационных взаимодействий Запада и Востока: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010.
241. *Ходынская-Голенищева М.С.* Подготовка «Женева-2» в свете актуальных аспектов развития сирийского кризиса // Вестник МГИМО. — 2013. — № 5. — С. 33–38.

242. *Ходынская-Голенищева М.С.* Сирийский кризис, методы дестабилизации «неугодных» государств и провоцирование «управляемого хаоса» // Вестник МГИМО. — 2015. — № 3. — С. 43–50.
243. *Хрусталеv Е.Ю.* Глобальное военное противостояние и методология оценки обороноспособности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2013. — № 9. — С. 2–9.
244. *Цезарь Г.Ю.* Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. — М., 2007.
245. *Чичановский А.А.* Информационные процессы в структуре мировых коммуникационных систем: учебник. — М.: Грамота, 2010. — 568 с.
246. *Шабурова О.В.* Власть // Социальная философия. Словарь. — М., 2004.
247. *Шамахов В.А., Кириленко В.П., Ковалев А.А.* Безопасность современной Европы: между стремлениями и реальностью // Политика и Общество. — 2018. — № 10. — С. 43–52.
248. *Шамахов В.А., Кириленко В.П., Ковалев А.А.* Международно-правовой статус Организации Договора о коллективной безопасности. — СПб: изд-во Профессия, 2019. — 214 с.
249. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации в эпоху противостояния цивилизаций. — М.: РИОР, 2018. — 256 с.
250. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Военная безопасность России и информационная политика страны в эпоху конфликтного противостояния цивилизаций. — М.: РИОР, 2019. — 184 с.
251. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Изменение географии глобальной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Мировая политика. — 2018. — № 4. — С. 43–55.
252. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Оппозиция «Мир — Война» как явление гибридной политической реальности // Политика и Общество. — 2018. — № 7. — С. 25–39.
253. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Особенности политики безопасности Арктического региона: повестка 2019 года // Вестник Поволжского института управления. — 2019. — Т. 19. — № 2. — С. 30–40.
254. *Шельпяков А.А.* Опасность террористической угрозы в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права». Ч. 2. — СПб: Изд-во СПб Ун-та МВД России, 2013. — С. 44–49.
255. *Шестаков В.А., Антошин В.А.* Комплексное управление безопасностью на государственном уровне // Вопросы управления. — 2015. — № 4 (16). — С. 68–77.
256. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. — 1992. — № 1. — С. 37–67.
257. *Шмитт К.* Теория партизана. — М.: Праксис, 2007. — 301 с.

258. *Шпилевская Е.В.* Экономическая безопасность страны: угрозы и пути ее обеспечения. Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 5–1. — С. 188–193.
259. *Шульц О.Г.* Международные стандарты и политика «двойных стандартов» в вопросах международного сотрудничества в области прав человека // Национальная безопасность / Nota bene. — 2011. — № 5. — С. 167–180.
260. Энергетика XXI века: условия развития, технологии, прогнозы / под. ред. Н.И. Воропай. — Новосибирск: Наука, 2004. — 386 с.
261. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. — М., 2005.
262. *Юрьева Т.В.* Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы // Вестник МГИМО. — 2010. — № 6. — С. 126–133.
263. *Ярыгин Г.О.* Проблемы экологической безопасности в политике США, Канады и Европейского союза: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Анализ вариантов формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния	6
Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации	19
Влияние процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности: путь от экономики до геополитики	30
Военная безопасность России и проблемы геополитики	44
Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва	52
Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций	65
Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру».	78
Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти	94
О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны	105
Политика двойных стандартов как угроза национальной безопасности Российской Федерации	114
Проблема угроз для легитимной власти в аспекте комплексной безопасности Российской Федерации	126
Ресурсная безопасность как составляющая общей системы безопасности государства	141
Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике	150
Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности	157
Управление системой государственной безопасности в условиях геополитической конфронтации	169
Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности	176
Библиография	186

Научное издание

Ковалев Андрей Андреевич

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В ЭПОХУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

Монография

Подписано в печать 17.09.2019. Формат 60×90/16.

Гарнитура Times. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,75. Уч.-изд. л. 12,03.

Тираж 500 экз. (I-20). Заказ № 00000

Цена свободная.

ООО «Издательский Центр РИОР»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В.
Тел.: (495) 363-92-15. Факс: (495) 363-92-12
Email: info@riorp.ru <https://riorpub.com>